

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

• 2025 •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS**

No. 33

St. Petersburg
2025

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 33

Санкт-Петербург
2025

Редакционная коллегия:

В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёкшин, В. С. Бусова, М. Ю. Вахтина, Л. Б. Вишняцкий,
В. А. Горончаровский, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), В. М. Лурье,
А. К. Очередной, Н. А. Павличенко, И. Л. Тихонов

Editorial board:

V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, V. S. Busova, M. Yu. Vachtina, L. B. Vishnyatsky,
V. A. Goroncharovsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), V. M. Lurie, A. K. Otcherednoi,
N. A. Pavlichenko, I. L. Tikhonov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

Записки Института истории материальной культуры РАН. — СПб. : ИИМК РАН, 2025. —

№ 33. — 120 с.

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg : IHMC RAS,
2025. — No. 33. — 120 p.

ISSN 2310-6557

В № 33 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы конференции «Полевая археология Южной Сибири» № 3, посвященной 60-летию создания Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. В разделе «Новые исследования ИИМК РАН» в статье К. В. Горлова и И. В. Коноваловой впервые детально проанализированы материалы монетного клада петровского времени из Псковской области. В разделе «История науки» в обширной работе Н. Н. Чемодурова показаны условия организации экспедиционных исследований в Закавказье в 1929 г.

Издание адресовано археологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 33rd issue of the “Transactions of IHMC RAS” publishes the materials of the conference “Field archaeology of South Siberia” No. 3 dedicated to the 60th jubilee of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition. The section “New Studies of IHMC RAS” contains a paper by K. V. Gorlov and I. V. Konovalova which provides a thorough analysis of the hoard of coins of the Peter the Great time found in Pskov region. A lengthy work by N. N. Chemodurov in the section “The history of science” deals with the organizational conditions of field research in the Trans-Caucasus in 1929.

The volume is intended for archaeologists, historians, museologists and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ № 3

<i>В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, В. М. Лурье.</i> Научные симпозиумы «Полевая археология Южной Сибири» № 2, 3. От поселений эпохи палеометалла к 60-летию Саяно-Тувинской археологической экспедиции	7
<i>Н. А. Лазаревская.</i> Материалы Саяно-Тувинской экспедиции в научном архиве Института истории материальной культуры РАН	13
<i>Б. Б. Овчинникова, С. А. Захаров.</i> Уральский отряд в составе Саяно-Тувинской экспедиции в 1960–1980-е годы	24
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, А. В. Семенов, П. М. Леус, В. С. Бусова.</i> Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН — 40 лет	37
<i>Л. С. Марсадолов.</i> Проблемы изучения каменных изваяний эпохи бронзы и древнетюркского времени из Тувы, переданных в Эрмитаж экспедицией А. Д. Грача	46
<i>Н. А. Жогова.</i> Открытие стоянок «в горах» по материалам исследований Ю. И. Трифонова в Туве	55
<i>К. М. Монгуш.</i> Многомогильный комплекс монгун-тайгинской культуры — могильника Бош-Даг в Туве (материалы исследований М. Х. Маннай-оола 1964 г.)	64
<i>О. С. Советова, О. О. Шишкина.</i> Памятник наскального искусства Усть-Туба в Красноярском крае: спустя полвека после работ Каменского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР	70
<i>А. В. Субботин, С. В. Красниенко.</i> Между Томью и Енисеем: археологические памятники Назаровской котловины	81

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК РАН

<i>К. В. Горлов, И. В. Коновалова.</i> Клад русских серебряных монет XVI века — 1717 года из деревни Будовиж Псковской области	92
--	----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Н. Н. Чемодуров.</i> «Собираются писать Вам поношение за измену — Лори на Крым!»: планы и действительность экспедиции Ф. И. Шмита в Закавказье	106
---	-----

Список сокращений	119
-------------------------	-----

CONTENTS

FIELD ARCHAEOLOGY OF SOUTH SIBERIA NO. 3

<i>V. S. Busova, M. E. Kilunovskaya, V. M. Lurie.</i> Scientific symposia “Field archaeology of South Siberia” Nos. 2 and 3: settlements of the Paleometal period and the 60 th jubilee of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition	7
<i>N. A. Lazarevskaya.</i> Materials of the Sayan-Tuva Expedition in the Scholarly Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS	13
<i>B. B. Ovchinnikova, S. A. Zakharov.</i> Ural Detachment of the Sayan-Tuva Expedition in the 1960s–1980s	24
<i>M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov, A. V. Semenov, P. M. Leus, V. S. Busova.</i> Tuva Archaeological Expedition of IHMC RAS is 40 years old	37
<i>L. S. Marsadolov.</i> Problems of studying stone sculptures of the Bronze age and Ancient Turkic time from Tuva that were transferred to the State Hermitage Museum by the expedition of A. D. Grach	46
<i>N. A. Zhogova.</i> Discovery of the sites “in mountains”. Yu. I. Trifonov’s works in Tuva	55
<i>K. M. Mongush.</i> Multi-grave complex of the Mongun-Taiga culture at the Bosh-Dag burial ground in Tuva (material of M. Kh. Mannai-Ool studies in 1964)	64
<i>O. S. Sovetova, O. O. Shishkina.</i> Rock art site of Ust-Tuba in the Krasnoyarsk region: half a century after the works of the Kamensky Detachment of the Krasnoyarsk Expedition from the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology	70
<i>A. V. Subbotin, S. V. Krasnienko.</i> Between the Tom and the Yenisei rivers: Archaeological Sites of the Nazarovo Basin	81

NEW STUDIES OF IHMC RAS

<i>K. V. Gorlov, I. V. Konovalova.</i> Hoard of Russian silver coins of the XVI century — 1717 from the Bodovihz village, Pskov region	92
--	----

THE HISTORY OF SCIENCE

<i>N. N. Chemodurov.</i> “They are going to charge you with betrayal — Lori for Crimea!”: plans and reality of F. I. Schmidt expedition to the Trans-Caucasus	106
---	-----

List of abbreviations	119
-----------------------------	-----

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ № 3

НАУЧНЫЕ СИМПОЗИУМЫ «ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ» № 2, 3. От поселений эпохи палеометалла к 60-летию Саяно-Тувинской археологической экспедиции¹

В. С. БУСОВА, М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, В. М. ЛУРЬЕ²

Ключевые слова: спасательная археология, Южная Сибирь, полевые исследования, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Академии наук (СТАЭ/СТЭАН).

Настоящее вступительное сообщение содержит информацию о работе второго и третьего научных симпозиумов «Полевая археология Южной Сибири» (ПАЮС). На ПАЮС-2 «Поселения: поиск, выявление, расположение?», состоявшемся 4 декабря 2024 г., обсуждались проблемы исследований поселений эпохи палеометалла. ПАЮС-3 «Спасательная археология спустя 60 лет: проблемы, вызовы и перспективы», проходивший 26–27 марта 2025 г., был посвящен 60-летию Саяно-Тувинской экспедиции. На симпозиуме были затронуты неизвестные ранее страницы истории Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР, современные методы исследования памятников, проблемы сохранения и музеефикации археологических объектов, а также актуальные вопросы спасательной археологии в Сибири — от методики до публикации результатов недавних исследований. В рамках этого симпозиума была представлена выставка «Саяно-Тувинская экспедиция: 60 лет в сердце Азии».

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-7-12

В 2022 г. Сибирская группа отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН запланировала проведение цикла научных симпозиумов «Полевая археология Южной Сибири» (ПАЮС), призванных стать новой дискуссионной площадкой для представления результатов новейших полевых исследований в кругу заинтересованных коллег, апробации и обсуждения новых методических подходов к выявлению, изучению и интерпретации археологических структур, объектов и артефактов. Первый симпозиум из цикла — «Современные исследования памятников эпохи палеометалла» — состоялся 30–31 марта 2023 г. и был посвящен памяти выдающейся исследовательницы памятников Южной Сибири М. Н. Пшеницыной (1937–2022) (Бусова В. С., Лурье В. М., Трубникова В. Б. Конференция «Современные исследования памятников эпохи палеометалла: памяти М. Н. Пшеницыной (1937–2022)» // Записки ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 46–49).

Для второго симпозиума, состоявшегося 4 декабря 2024 г., была выбрана более узкая проблематика — «Поселения: поиск, выявление, расположение?». Проблема обнаружения и исследования поселений остается одной из ключевых для археологии Южной Сибири эпохи палеометалла. Таких памятников известно мало, и зачастую они не содержат никаких

¹ Научное мероприятие проведено в рамках программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

© Бусова В. С., Килуновская М. Е., Лурье В. М., 2025

конструкций и мощного культурного слоя. Задачей прозвучавших на заседании докладов было обобщение имеющегося опыта исследования поселенческих памятников и выработка стратегии дальнейшей работы с такими материалами.

Доклад, представленный В. М. Лурье, был посвящен поселениям эпохи бронзы Минусинских котловин, доклад Н. А. Жоговой и В. С. Бусовой — стоянкам древних кочевников Тувы, а сообщение Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской — многослойным стоянкам Верхнего Енисея. Все доклады базировались не только на архивных и опубликованных материалах, но и на личном полевом опыте авторов. В дискуссии принимали участие И. В. Мерц, К. В. Чутунов, А. В. Поляков, А. В. Фрибус и другие. И. В. Мерц в рамках дискуссии сделал сообщение «Поиск и выявление поселенческих памятников древнего и средневекового населения в Восточном Казахстане и на сопредельных территориях».

Несмотря на многолетние исследования, концептуальное осмысление этой проблемы, по мнению ученых, остается неполным. В настоящее время большинство поселений обнаруживается в ходе аварийных раскопок, когда появляется возможность применять метод сплошной шурфовки. Безусловно, это позволяет получить ценные данные, однако подобные условия работы доступны исследователям далеко не всегда. Помимо перспектив использования ГИС-технологий и анализа состава палеопочв особое внимание следует уделить закономерностям пространственного распределения могильников и синхронных им поселений на территории Хакасии. В то же время в Туве, особенно в ее южных районах, ситуация осложняется почти полным отсутствием сохранившегося почвенного и культурного слоев из-за эрозионных процессов. В результате керамика, шлаки и каменные орудия часто залегают прямо на современной поверхности, что существенно ограничивает возможности традиционных методов ведения полевых работ. Кроме того, кочевой образ жизни древнего населения Тувы накладывает дополнительные ограничения на интерпретацию археологических материалов: люди, как правило, уносили с собой большинство предметов материальной культуры, а мелкие фрагменты керамики могли быть бесследно уничтожены в результате естественного воздействия.

ПАЮС-3 «Спасательная археология спустя 60 лет: проблемы, вызовы и перспективы» был приурочен к юбилею создания Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, работавшей с 1965 г. до середины 1980-х гг. под руководством сначала А. Д. Грача, а затем — С. Н. Астахова. Основной целью экспедиции было изучение археологических памятников, расположенных в зоне затопления будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Это была самая крупная экспедиция в структуре ЛОИА АН СССР, принесшая множество открытий и оставившая столько же загадок. Силами экспедиции, в состав которой входили А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Ю. И. Трифонов, С. Н. Астахов, И. У. Самбу, А. М. Мандельштам, Г. В. Длужневская, М. Х. Маннай-оол и др., было изучено и спасено более сотни тысяч объектов археологии на территории зоны затопления в Центральной Туве и Саянском каньоне Верхнего Енисея.

В связи с юбилейной датой третий симпозиум было решено посвятить обсуждению проблем, связанных с охранными раскопками, музееификацией памятников археологии, развитием методики раскопок, реставрацией, учетом и передачей коллекций находок из старых и новых раскопок на территории Сибири.

На заседаниях (рис. 1) 26–27 марта 2025 г. было представлено 22 доклада, которые можно разделить на три тематических блока. Первый блок был посвящен исследованию архивных материалов СТЭАН и других новостроекных экспедиций в Южной Сибири. Н. А. Лазаревская охарактеризовала материалы Саяно-Тувинской экспедиции, хранящиеся в научном архиве ИИМК РАН, и приоткрыла некоторые ранее неизвестные страницы работы экспедиции. Мемориальная часть была продолжена докладом М. Е. Килуновской, рассказавшей об истории Тувинской экспедиции (ТАЭ) — наследнице СТЭАН. Отдельный доклад Б. Б. Овчинниковой и С. А. Захарова, в ходе которого были представлены в том числе не опубликованные ранее архивные материалы, был посвящен участию студентов и преподавателей Уральского университета в исследованиях в зоне затопления и обсуждению

Рис. 1. Симпозиум «Полевая археология Южной Сибири» № 3: 1 — заседание в Дубовом зале Ново-Михайловского дворца, докладчик — Н. А. Боковенко; председатель — М. Е. Килуновская; 2 — К. В. Чугунов представляет свою книгу «Аржан-2: погребально-поминальный комплекс в тувинской долине царей»; 3 — заседание симпозиума, слева направо: Е. Л. Кириллов, Н. А. Боковенко, К. В. Чугунов, П. В. Мандрыка, А. В. Семенов

Fig. 1. Symposium “Field Archaeology of South Siberia” No. 3: 1 — session in the Oak Hall of Novo-Mikhailovsky Palace, contributor N. A. Bokovenko, chairperson M. E. Kilunovskaya; 2 — K. V. Chugunov presents his book “Arzhan-2: funeral-memorial complex in the Tuva valley of kings”; 3 — session, from left to right: E. L. Kirillov, N. A. Bokovenko, K. V. Chugunov, P. V. Mandryka, A. V. Semenov

полученных ими в ходе раскопок материалов. Историографическая проблематика также была затронута в докладе А. Г. Марочкина и П. В. Германа, продемонстрировавших развитие спасательной археологии в Кузбассе. Особый интерес представляют современные исследования архивных и музейных материалов, позволяющие заново открыть некоторые памятники, — им были посвящены доклады Н. Ю. Смирнова и С. Р. Мурзиной (могильник Бедиг-Хорум), К. М. Монгуша (могильник Бош-Даг), Л. С. Марсадолова (каменные изваяния из раскопок А. Д. Грача), Н. А. Жоговой (стоянки в горах Аргалыкты).

Во второй блок можно объединить выступления, затронувшие проблемы методики спасательной археологии и специфики именно таких раскопок. Здесь были представлены доклады на очень широкие темы, посвященные как общим теоретическим вопросам предназначения и особенностей охранной археологии (П. В. Мандрыка), так и более конкретным — консервации находок (О. Ю. Сенаторова, О. К. Дмитриева, Н. В. Семенова), правовой стороне музеефикации памятников (М. Е. Килуновская, Н. П. Дьяконов,

А. В. Ерёменко, Л. Д. Чадамба). Подходы к интерпретации и публикации данных больших новостроечных экспедиций, освященные в докладе А. В. Субботина, можно по праву считать эталонными для таких работ. Особое внимание было уделено современным исследованиям в зоне затопления — методикам поиска памятников, известных по архивным данным, и их сохранению, в том числе применительно к памятникам наскального искусства. Эти вопросы были затронуты в докладах Е. А. Миклашевич; О. С. Советовой и О. О. Шишкной; В. М. Лурье, И. П. Лазаретова и А. В. Полякова. Проблема изучения палеографии на симпозиуме была раскрыта с различных сторон: Е. К. Блохин, Т. Р. Садыков и Д. Каспари представили результаты геофизических исследований, позволяющих находить памятники и отдельные объекты без раскопок, а В. М. Лурье, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков и В. Б. Трубникова продемонстрировали, к каким выводам могут привести раскопки широкой площадью.

Третий блок докладов связан с результатами исследований материалов, полученных в ходе спасательных раскопок разных лет. Важные обобщения были сделаны В. С. Бусовой относительно хронологического изменения декора ножен скифского времени Тувы и Н. Н. Николаевым — о погребальном обряде «хуннского» могильника Бай-Даг II. Анализу антропологических материалов из раскопок могильника Усть-Камышта-1, который привел к важным выводам об особенностях строения скелета и системах питания, был посвящен доклад Н. И. Лазаретовой и О. В. Лоховой. Самые «свежие» раскопки нашли отражение в выступлениях П. В. Германа о позднетагарском кургане Алчедаг III и Э. Н. Киргинекова о поселении Солнечное-3. Последняя тема перекликается с проблематикой, обсуждавшейся на ПАЮС-2.

В первый день работы симпозиума ПАЮС-3 в Институте была открыта научно-художественная выставка «Саяно-Тувинская экспедиция: 60 лет в сердце Азии». Экспозиция, созданная учеными (М. Килуновской, В. Бусовой, А. Семеновым, В. Лурье, В. Денисенко, Д. Фомичевой, Н. Лазаревской, Л. Всевиовым) совместно с художниками (З. Столяровой, А. Машезерской, В. Килуновским, Б. Яковишиным, С. Сергеевым, Е. Крыловой, И. Ананьевым, Д. Хмельницким), рассказывала зрителю сразу о нескольких уникальных чертах тувинской археологии на рубеже XX–XXI вв.: здесь соединились история самой экспедиции в архивных фотографиях и хронике; работы художников, которые ежегодно отправлялись в поле с археологами и, вдохновляясь степными просторами, создавали свои художественные полотна; удивительные артефакты из последних раскопок ТАЭ в тех же местах, где трудились наши предшественники уже более полувека назад. За две недели работы выставки ее посетили более 120 человек: школьники, студенты, коллеги, друзья и все интересующиеся историей (рис. 2).

Симпозиумы «Полевая археология Южной Сибири» (ПАЮС-2 и ПАЮС-3) продемонстрировали ключевые направления современных исследований в регионе: от проблем изучения поселений эпохи палеометалла до методологии спасательной археологии и осмыслиения научного наследия Саяно-Тувинской экспедиции. В рамках докладов и их обсуждений была еще раз отмечена важность интеграции новых технологий (ГИС, геофизики) в полевые работы, необходимость системного анализа архивных данных и разработки стратегий музеификации археологических памятников. Особое внимание было уделено преемственности научных традиций, что нашло отражение как в докладах, посвященных ревизии материалов экспедиций 1960–1970-х гг., так и в юбилейной выставке, объединившей исторические документы, находки и художественную интерпретацию полевых исследований.

Семь докладов участников симпозиума ПАЮС-3 представлены в настоящем издании.

Рис. 2. Выставка «Саяно-Тувинская экспедиция: 60 лет в сердце Азии»: 1 — открытие выставки; 2 — А. В. Семенов проводит экскурсию для студентов кафедры археологии СПбГУ; 3 — экспозиция второго зала

Fig. 2. Exhibition “The Sayan-Tuva Expedition: 60 years in the heart of Asia”: 1 — opening of the exhibition; 2 — A. V. Semenov conducts an excursion for students of the Department of Archaeology of St.Petersburg State University; 3 — exposition in the second hall

**SCIENTIFIC SYMPOSIA “FIELD ARCHAEOLOGY OF SOUTH SIBERIA”
NOS. 2 AND 3:
SETTLEMENTS OF THE PALEOMETAL PERIOD AND THE 60TH JUBILEE
OF THE SAYAN-TUVA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION**

V. S. Busova, M. E. Kilunovskaya, V. M. Lurie

Keywords: *rescue archaeology, South Siberia, fieldwork, Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences*

This introductory paper presents information on the work of the second and third scientific symposia “Field Archaeology of South Siberia” (FASS). FASS-2 (“Settlements: search, identification, situation”), held on the 4th of December of 2024, was devoted to the study of the Paleometal settlements. FASS-3 (“Rescue archaeology 60 years later: problems, challenges and prospects”), held of the 26th–27th of March of 2025, was dedicated to the 60th jubilee of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition. The papers presented at FASS-3 shed light on some previously unknown pages in the history of the Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences of the USSR. In addition, the participants discussed modern methods of excavations, problems associated with the preservation and museumification of archaeological objects, as well as topical issues of rescue archaeology in Siberia. The Symposium included the exhibition “The Sayan-Tuva Expedition: 60 years in the heart of Asia”.

МАТЕРИАЛЫ САЯНО-ТУВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН¹

Н. А. ЛАЗАРЕВСКАЯ²

Ключевые слова: Саяно-Тувинская экспедиция, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, научный архив ИИМК РАН, документальное наследие.

В работе, подготовленной к 60-летию Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук (СТЭАН), речь идет о документальном наследии экспедиции, многочисленные материалы исследований которой находятся в научном архиве ИИМК РАН. Приводится исчерпывающий список документов, хранящихся в рукописном отделе архива.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-13-23

В 2025 г. мы отмечаем 60-летний юбилей Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (СТЭАН). Работы этой крупнейшей новостроечной экспедиции начались в 1965 г. Целью исследований должно было стать всестороннее изучение археологических памятников, расположенных в зоне затопления будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

Официальным началом СТЭАН можно считать Приказ № 20 по Ленинградскому отделению Института археологии АН СССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 361. Л. 15).

г. Ленинград

9 февраля 1965 г.

§ 1. На основании решения Госплана СССР и Государственного Комитета по энергетике и электрификации СССР организовать Саяно-Тувинскую археологическую экспедицию ЛОИА. Район работ экспедиции – зона водохранилища и строительства Саяно-Шушенской ГЭС (Тувинская АССР и Красноярский край). Общий срок работ экспедиции — 1965–1970 гг.

В соответствии с извещением Госплана СССР и ЦУКС АН СССР сумма ассигнований по Саяно-Тувинской археологической экспедиции на 1965 год — 90 тыс. руб.

§ 2. Начальником Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА назначить кандидата исторических наук Грача Александра Даниловича.

§ 3. Включить в состав экспедиции в качестве начальников отрядов старшего научного сотрудника А. М. Мандельштама и ст. лаборанта С. Н. Астахова.

§ 4. Начальнику экспедиции А. Д. Грачу представить мне полный состав руководящего персонала и штата экспедиции на 1965 г. к 15 февраля с. г.

Зав. Ленинградским отделением Института археологии АН СССР,
доктор исторических наук, профессор М. К. Каргер

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0003).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

© Лазаревская Н. А., 2025

Документальные материалы 20-летних трудов Саяно-Тувинской экспедиции хранятся в научном архиве Института истории материальной культуры РАН. Во времена работы экспедиции (1965–1984) в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры РАН) существовало два архива — фотографический и рукописный, поэтому документальные материалы СТЭАН отложились в каждом из них. С 2004 г. это единый научный архив с двумя отделами. По правилам рукописного архива на постоянное хранение держатель Открытого листа, автор раскопок, должен сдавать отчет о полевых исследованиях отряда, альбом иллюстраций к отчету, полевой дневник и полевые чертежи. В фотоотделе хранятся фотографические материалы — отпечатки и негативы, исполненные как во время полевых работ, так и в дальнейшем, уже в фотолаборатории Института, при подготовке полевых отчетов, представляющие чертежи и изображения находок. В рукописном отделе материалы экспедиции хранятся в фонде 35, в фотоотделе — в фонде 48, это фонды Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

В 1965 г. в экспедиции работали семь отрядов, созданных по тематическому принципу. Начальник экспедиции А. Д. Грач руководил отрядом № 1, отряд № 2 возглавил А. М. Мандельштам, № 3 — С. Н. Астахов, № 4 — Д. Г. Савинов, с 1966 г. — И. У. Самбу, № 5 — Ю. И. Трифонов, № 6 — М. Х. Маннай-оол, этнографический отряд № 7 — С. М. Биче-оол (Астахов 2020: 422), но материалы работ этого отряда в научный архив не сдавались. В 1966–1972 гг. работали пять отрядов. В 1973 г. начальником экспедиции становится С. Н. Астахов. В этом же году под руководством востоковеда-турколога С. Г. Кляшторного, сотрудника Института востоковедения АН СССР, два года проводятся работы Эпиграфического отряда. С 1974 г. начинает свою работу в составе СТЭАН Вл. А. Семенов, сначала как руководитель Неолитической группы 3-го отряда, а позже и самостоятельного отряда. В 1975 г. московский археолог М. А. Дэвлет возглавляет сначала Группу, а затем Отряд по изучению петроглифов. Позже отдельные отряды работают под руководством С. А. Васильева, Э. У. Стамбульник, А. Я. Шетенко, С. С. Миняева. Номера отрядов могли меняться, но все материалы аккуратно сдавались в архив. Здесь же, в фонде 35, в материалах СТЭАН отложились Акты о передаче археологических материалов Саяно-Тувинской экспедиции в Тувинский республиканский краеведческий музей им. 60 богатырей и антропологических материалов — в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.

В настоящей публикации приводится список материалов, хранящихся в рукописном отделе НА ИИМК. Фотодокументы подробно указаны в публикации Г. В. Длужневской для конференции, посвященной 70-летию А. Д. Грача (Саяно-Тувинская … 1998: 22–29).

Ф. 35. Оп. 1. Саяно-Тувинская экспедиция

1965 г.

1-й отряд. Начальник экспедиции и отряда А. Д. Грач.

Д. 14–16. Чертежи полевых могильников Улуг-Оймак I, Улуг-Оймак II и Улуг-Хорум. 69 л.; Д. 25. Отчет А. Д. Грача о полевых исследованиях 1-го отряда в 1965 г. 24 л.; Д. 25а. Дневник работ отряда. 45 л.; Д. 26. Альбом иллюстраций к отчету. 38 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 17–21. Чертежи полевых могильников Часкал (10 л.), Байдак (7 л.), Центральная поляна (17 л.); Южная поляна. 12 л.; Северная поляна. 3 л.; Д. 22. Дневник А. М. Мандельштама о раскопках курганных могильников. 46 л.; Д. 23. Отчет А. М. Мандельштама о полевых исследованиях, проведенных 2-м отрядом СТЭАН. 15 л.; Д. 24. Альбом иллюстраций к отчету о полевых исследованиях отряда в 1965 г. 23 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 27–29. Полевые чертежи пунктов Эйлиг-Хем I–III (6 л.), Демир-Суг (2 л.), Ак-Даш (11 л.); Д. 30. Дневник С. Н. Астахова о раскопках в 1965 г. 02.07–10.09. 55 л.; Д. 31. Отчет С. Н. Астахова о полевых исследованиях 3-го отряда в Центрально-Тувинской котловине и в долине Улуг-Хема (Енисея). 13 л.; Д. 32. Альбом иллюстраций к отчету С. Н. Астахова. 15 л.

4-й отряд. Начальник Д. Г. Савинов.

Д. 33–35. Чертежи полевых могильников Урбюн I (17 л.), Урбюн II (2 л.), Урбюн III (24 л.); Д. 36. Дневник Д. Г. Савинова о раскопках могильников Урбюн I–III. 86 л.; Д. 37. Отчет Д. Г. Савинова о полевых исследованиях отряда. 15 л.; Д. 38. Альбом иллюстраций к отчету Д. Г. Савинова о полевых исследованиях отряда. 30 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 39–41. Чертежи полевых могильников Аргалыкты I (55 л.), Аргалыкты II (24 л.), Аргалыкты III (5 л.); Д. 42. Дневник Ю. И. Трифонова о раскопках могильников Аргалыкты I–III. 32 л.; Д. 43. Отчет Ю. И. Трифонова о работе отряда. 24 л.; Д. 44. Альбом иллюстраций к отчету Ю. И. Трифонова. 49 л.

6-й отряд. Начальник М. Х. Маннай-оол.

Д. 45. Чертежи полевые могильника Ховужук (Паромный). 23 л.; Д. 46. Отчет М. Х. Маннай-оола о полевых исследованиях могильника Ховужук. 8 л.; Д. 47. Альбом иллюстраций к отчету. 14 л.

1966 г.

1-й отряд. Начальник экспедиции и отряда А. Д. Грач.

Д. 11. Отчет А. Д. Грача о раскопках на территории Куйдуг-Хемского плато на правом берегу Улуг-Хема (Енисея). 23 л.; Д. 11а. Дневник работ отряда. 29.06–10.09. 32 л.; Д. 12. Альбом иллюстраций к отчету А. Д. Грача. 39 л.; Д. 164–165. Чертежи полевых могильников Куйлуг-Хем I, Куйлуг-Хем II, Куйлуг-Хем V и Алды-Бель. 70 л.

Д. 178. Опись археологических находок из Саглынской долины; Д. 179. Петроглифы Тувы. 13 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 13–15. Чертежи полевых могильников Часкал II (57 л.), Бай-Даг II (15 л.), Бай-Даг III (6 л.); Д. 16. Дневник А. М. Мандельштама о работах 2-го отряда. 24 л.; Д. 17. Отчет А. М. Мандельштама о работах 2-го отряда. 20 л.; Д. 17а. Альбом иллюстраций к отчету. 32 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 18. Полевые чертежи стоянок Шанчи-Аксы I–IV, Баяжи II–III, Шом-Шум II, Суг-Бажи I–IV. 14 л.; Д. 19. Чистовые чертежи стоянок Суг-Бажи, Суг-Бажи I–IV, Шанчи-Аксы IV, Мойнальк, Баяжи II–III, Шом-Шум. 14 л.; Д. 20. Дневник С. Н. Астахова о раскопках стоянок в долине р. Хемчик, левого притока р. Енисей. 25 л.; Д. 21. Отчет С. Н. Астахова о работах в долине р. Хемчик, левый приток Енисея (Улуг-Хем). 28 л.; Д. 22. Альбом иллюстраций к отчету С. Н. Астахова. 19 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 23. Отчет И. У. Самбу о раскопках курганных могильников Куйлуг-Хем II, IV на правом берегу Улуг-Хема. 8 л.; Д. 24. Альбом иллюстраций к отчету. 15 л.; Д. 104. Полевые чертежи могильника Куйлуг-Хем II.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 25. Отчет Ю. И. Трифонова о работе отряда в районе г. Шагонара, Чая-Холя и пос. Кара-Тала, левый берег Енисея (Улуг-Хема). 62 л.; Д. 26. Альбом иллюстраций к отчету Ю. И. Трифонова. 65 л.; Д. 27. Дневник Ю. И. Трифонова о раскопках курганных могильников. 77 л.; Д. 105–110. Полевые чертежи могильников Аргалыкты I (22 л.); Аргалыкты IV, Аргалыкты V, Аргалыкты VI (16 л.); Аргалыкты VIII, Аргалыкты IX, Аргалыкты XI (18 л.); Кара-Тал I (23 л.); Кара-Тал II (13 л.); Кара-Тал III (19 л.).

1967 г.

Д. 175. Акт от 27.09.1967 о передаче в Тувинский республиканский краеведческий музей археологических материалов СТАЭ полевого сезона 1965–1966 гг. с описью. Л. 1–4. Акт № 793 от 30.11.1967 о передаче материалов в Тувинский республиканский краеведческий музей из раскопок в Монгун-Тайгинском, Бай-Тайгинском, Овюрском районах Тувинской АССР в 1953–1960 гг. и могильника Саглы в Овюрском районе в 1962 г. Раскопки А. Д. Грача. Л. 5–8.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 49. Отчет А. Д. Грача о работах 1-го отряда. 19 л.; Д. 49а. Дневник работ отряда. 26 л.;
Д. 50. Альбом иллюстраций к отчету А. Д. Грача о полевых исследованиях 1-го отряда в 1967 г.
20 л.; Д. 152. Полевые чертежи могильников Куйлуг-Хем I-II, Алды-Бель. 32 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 51. Отчет А. М. Мандельштама о работе 2-го отряда о раскопках могильников и горо-
дища Бажын-алаак вблизи пос. Чая-Холь. 19 л.; Д. 52. Альбом иллюстраций к отчету. 26 л.;
Д. 53. Дневник А. М. Мандельштама о работе 2-го отряда. 39 л.; Д. 54. Полевые чертежи мо-
гильников Даштыг-шоль и Бай-даг II-III. 50 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 55. Отчет С. Н. Астахова об обследовании долины р. Хемчик и правобережья Улуг-
Хема (Енисея). 17 л.; Д. 56. Альбом иллюстраций к отчету С. Н. Астахова. 16 л.; Д. 57. Дневник
С. Н. Астахова о работах 3-го отряда. 37 л.; Д. 58. Опись находок 3-го отряда. 40 л.; Д. 59.
Чертежи полевые. 6 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 61. Отчет И. У. Самбу о работах отряда на правом берегу Улуг-Хема (Енисея). 13 л.;
Д. 62. Альбом иллюстраций к отчету И. У. Самбу. 27 л.; Д. 63. Дневник И. У. Самбу о работе
4-го отряда. 14 л.; Д. 63а. Полевые чертежи могильника Ортаа-Хем I-II. 37 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 64. Отчет Ю. И. Трифонова о работах отряда на левом берегу Улуг-Хема (Енисея). 42 л.;
Д. 65. Альбом иллюстраций к отчету Ю. И. Трифонова. 41 л.; Д. 66. Дневник Ю. И. Трифонова
о работах 5-го отряда. 58 л.; Д. 67-69. Полевые чертежи могильников Аргалыкты I,
Аргалыкты VIII (18 л.); Аргалыкты IX (15 л.); Аргалыкты XII, Кара-Тал IV (17 л.).

1968 г.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 22. Отчет А. Д. Грача о раскопках отряда на правобережье Улуг-Хема (Енисея). 32 л.;
Д. 23. Альбом иллюстраций к отчету А. Д. Грача. 38 л.; Д. 23а. Дневник работ отряда. 29 л.;
Д. 23б, 23в. Полевые чертежи кургана Улуг-Хорум (25 л.); могильников Саглы-Бажи IV,
Куйлуг-Хем I, Алды-Бель (18 л.).

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 24. Отчет А. М. Мандельштама о работах отряда по раскопке могильника Аймырлыг
и городища Бажын-Алаак. 50 л.; Д. 25. Альбом иллюстраций к отчету. 64 л.; Д. 26. Дневник
А. М. Мандельштама о раскопках могильника Аймырлыг. 92 л.; Д. 27. Полевые чертежи мо-
гильника Аймырлыг. 151 л.; Д. 27а. Дневник раскопок городища Бажын-Алаак. Вела дневник
Л. К. Сергеева. 21 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 28. Отчет С. Н. Астахова о разведке отряда. Опись находок. 38 л.; Д. 29. Альбом иллю-
страций к отчету. 20 л.; Д. 30. Дневник С. Н. Астахова о работах отряда по обследованию до-
лины р. Саглы и левобережья Улуг-Хема (Енисея). 44 л.; Д. 30а. Полевые чертежи и зарисовки
к отчету. 12 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 31. Отчет И. У. Самбу о работах отряда на могильниках Ортаа-Хем I-III. 9 л.; Д. 32.
Альбом иллюстраций к отчету. 13 л.; Д. 32а. Дневник работ отряда И. У. Самбу. 16 л.; Д. 32б.
Полевые чертежи могильников Ортаа-Хем I, Ортаа-Хем III. 18 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 33. Отчет Ю. И. Трифонова о работах отряда на могильниках Аргалыкты I и Кара-
Тал IV. 32 л.; Д. 34. Альбом иллюстраций к отчету Ю. И. Трифонова. 43 л.; Д. 35. Дневник
Ю. И. Трифонова о раскопках могильника Кара-Тал IV. 15 л.; Д. 36. Полевые чертежи могиль-
ников Аргалыкты I и Кара-Тал IV. 85 л.

1969 г.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 74. Отчет о работах отряда в 1969 г. 24 л.; Д. 75. Альбом иллюстраций к отчету
А. Д. Грача. 34 л.; Д. 76. Дневник полевых работ. 28.06-20.09. 40 л.; Д. 77-79. Полевые чертежи

могильников Хемчик-Бом I (42 л.), Улуг-Хорум (3 л.), Хемчик-Бом II и Саглы-Бажи V (14 л.).

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 80. Отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1969 г. 70 л.; Д. 81. Дневник полевых исследований № 1. 37 л.; Д. 82. Дневник полевых исследований № 2. 23 л.; Д. 83–87. Полевые чертежи могильника Аймырлыг, сруб II, 5–7 и погребения II, 23–27 (26 л.); срубы III, 2–5, IV (31 л.); сруб VI, 1, 4–7 (31 л.); сруб VI, 8, 10, 11, 13, 14 и погребения VI, 1–11 (45 л.).

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 88. Отчет С. Н. Астахова о полевых исследованиях 3-го отряда в 1969 г. 34 л.; Д. 89. Альбом иллюстраций к отчету. 25 л.; Д. 90. Дневник С. Н. Астахова. 06.06–19.09. 29 л.; Д. 91. Полевые чертежи стоянок и пунктов. 25 л.; Д. 119. Полевые описи находок. 35 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 92. Полевой дневник. 20 л.; Д. 93. Полевые чертежи. 20 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 94. Полевой отчет. 45 л.; Д. 95. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 67 л.; Д. 96. Дневник полевых работ 25.07–18.09. 17 л.; Д. 97–101. Полевые чертежи могильников Аргалыкты I, III, VIII. 77 л.

1970 г.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 83. Отчет о полевых работах в 1970 г. 18 л.; Д. 84. Альбом иллюстраций к отчету А. Д. Грача. 23 л.; Д. 85. Дневник полевых работ. 25.06–15.09. 21 л.; Д. 86. Полевые чертежи. 20 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 87. Полевой отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1970 г. 60 л.; Д. 88. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 71 л.; Д. 89. Полевой дневник А. А. Гавриловой. 44 л.; Д. 90. Полевой дневник А. М. Мандельштама. 43 л.; Д. 91. Полевые чертежи. 188 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 92. Отчет С. Н. Астахова. 13 л.; Д. 93. Альбом иллюстраций к отчету. 13 л.; Д. 94. Дневник С. Н. Астахова. 06.06–19.09. 26 л.; Д. 95. Полевые чертежи стоянок Е15, Е20. 11 л.; Д. 98. Полевые чертежи. 26 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 99. Полевой отчет о раскопках в 1970 г. 35 л.; Д. 100. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 37 л.; Д. 101. Дневник полевых работ. 20 л.; Д. 102. Полевые чертежи. 64 л.; Д. 156. Акт передачи на временное хранение Тувинскому Республикаинскому краеведческому музею золотых предметов из раскопок СТЭ 1965–1969 гг. (с описью). Л. 2–4.

1971 г.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 76. Отчет А. Д. Грача о работах отряда в 1971 г. 36 л.; Д. 77. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 62 л.; Д. 78. Дневник полевых работ. Вела Г. В. Длужневская. 47 л.; Д. 79. Полевые чертежи. 90 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 80. Полевой отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1971 г. 47 л.; Д. 81. Полевой дневник А. М. Мандельштама. 63 л.; Д. 82. Полевые чертежи. 121 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 83. Отчет С. Н. Астахова о раскопках в 1971 г. 20 л.; Д. 84. Альбом иллюстраций к отчету. 16 л.; Д. 85. Дневник полевых работ. Июль — сентябрь. 29 л.; Д. 86. Полевые чертежи стоянок Означенное I, II; Голубая I, VII, Е16, Е17, Е19. 20 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 87. Отчет И. У. Самбу о раскопках в 1971 г. 12 л.; Д. 88. Дневник полевых работ. 40 л.; Д. 89. Полевые чертежи. 27 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 90. Отчет Ю. И. Трифонова о раскопках в 1971 г. 40 л.; Д. 91. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 47 л.; Д. 92. Дневник полевых работ. 22 л.; Д. 93. Полевые чертежи. 54 л.

Эпиграфический отряд. Начальник С. Г. Кляшторный.

Д. 94. Полевой дневник С. Г. Кляшторного. 30 л.; Д. 95. Полевые чертежи. 8 л.

1972 г.

1-й отряд. Начальник А. Д. Грач.

Д. 101. Отчет А. Д. Грача о работах отряда в 1972 г. 27 л.; Д. 102. Дневник полевых работ. Вела Г. В. Длужневская. 65 л.; Д. 103–104. Полевые чертежи могильников Хемчик-Бом II (27 л.); Хемчик-Бом III, Хемчик-Бом IV, Ургунь (46 л.).

Отдельный (2-й) отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 105. Отчет А. М. Мандельштама о полевых работах отряда СТЭА в 1972 г. 41 л.; Д. 106. Дневник полевых работ. 28 л.; Д. 107–111. Полевые чертежи. 158 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 112. Отчет С. Н. Астахова о раскопках в 1972 г. 11 л.; Д. 84. Альбом иллюстраций к отчету. 7 л.; Д. 85. Дневник полевых работ. 15 л.; Д. 86. Полевые чертежи стоянок Голубая I, IV, Катушка. 13 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 116. Дневник полевых работ. 15 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 117. Отчет Ю. И. Трифонова о работе отряда в 1972 г. 13 л.; Д. 118. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 22 л.; Д. 119. Дневник полевых работ. 12 л.; Д. 120. Полевые чертежи могильников Летник VI, Означенное V, Означенное VIII. 29 л.

1973 г.

1-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 80. Отчет Г. В. Длужневской о полевых исследованиях 1-го отряда в 1973 г. 22 л.; Д. 81. Дневник полевых работ с 30.07. 38 л.; Д. 82. Полевые чертежи могильников Комбужап-Аксы, Перевалка и др. 52 л.; Д. 179. Альбом иллюстративного материала к отчету о полевых исследованиях 1-го отряда в 1973 г. 19 л.

Отдельный (2-й) отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 83. Отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1973 г. 38 л.; Д. 84. Дневник полевых работ. 61 л.; Д. 85–87. Полевые чертежи могильника Аймырлыг. 116 л.

3-й отряд. Начальник экспедиции и отряда С. Н. Астахов.

Д. 88. Отчет С. Н. Астахова о раскопках в 1973 г. 14 л.; Д. 89. Полевые чертежи стоянок Означенное, Голубая I, Катушка, Хадынных. 22 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 90. Отчет Ю. И. Трифонова о работах отряда в 1973 г. 36 л.; Д. 91. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 37 л.; Д. 92–93. Полевые чертежи могильников Означенное III (24 л.); Означенное V, VII, VIII (24 л.).

Эпиграфический отряд. Начальник С. Г. Кляшторный.

Д. 94. Отчет о рекогносцировочных работах в Саянском каньоне Енисея и в районе пос. Означенное-Майна в 1973 г. 4 л.

1974 г.

1-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 88. Отчет Г. В. Длужневской о работах отряда в 1974 г. 23 л.; Д. 89. Дневник полевых работ. 28 л.; Д. 90. Полевые чертежи Улуг-Бюк I, II. 40 л.; Д. 197. Альбом иллюстраций к отчету за 1974 г. 23 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 91. Отчет А. М. Мандельштама о работах отряда в 1974 г. 37 л.; Д. 92. Дневник полевых работ. Тетрадь № 1. 43 л.; Д. 93. Дневник полевых работ. Тетрадь № 2. 57 л.; Д. 94. Полевые

чертежи. Сооружения В, 4–10. 28 л.; Д. 95. Полевые чертежи. Сооружения Г, 1–3; Д. 2. 22 л.; Д. 96. Полевые чертежи. Сооружения Д, 3–8. 29 л.; Д. 97. Полевые чертежи. Сооружения VII, 8; IX, 4–9. 14 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 98. Отчет С. Н. Астахова о раскопках палеолитической стоянки Кантегир в 1974 г. 7 л.; Д. 99. Альбом иллюстраций к отчету. 8 л.; Д. 100. Дневник полевых работ. 9 л.; Д. 101. Полевые чертежи стоянок Означенное I, II; Голубая I, VII, E16, E17, E19. 7 л.

Неолитическая группа 3-го отряда. Руководитель группы Вл. А. Семенов.

Д. 102. Отчет Вл. А. Семенова о раскопках неолитической стоянки Хадынных I, II. 15 л.; Д. 103. Дневник полевых работ Вл. А. Семенова. 04.07–30.08. 45 л.; Д. 104. Полевые чертежи. 25 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 105. Отчет И. У. Самбу о работах отряда в 1974 г. 13 л.; Д. 106. Полевые чертежи. 24 л.

5-й отряд. Начальник Ю. И. Трифонов.

Д. 107. Отчет Ю. И. Трифонова о работе отряда в 1974 г. 35 л.; Д. 108. Дневник полевых работ. 15.06–15.10. 25 л.; Д. 109. Полевые чертежи могильников Даттыг, Чарыг-Окса I. 51 л.; Д. 165. Акт передачи от 18.02.1974 г. в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР антропологического материала из раскопок могильника Аймырлыг (нач. А. М. Мандельштам), из могильников у пос. Означенное Хакасской АО (нач. Ю. И. Трифонов). 1 л.; Д. 166. С. Н. Астахов. Отчет о работе Саяно-Тувинской экспедиции за 1965–1974 гг. 7 л.

1975 г.

1-й отряд. Начальник А. Я. Щетенко.

Д. 99. Полевой отчет А. Я. Щетенко о раскопках на городище Бажын-алаак. 10 л.; Д. 100. Полевой дневник 02–28.07. 41 л.; Д. 101. Полевые чертежи. 1 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 102. Полевой отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1975 г. 47 л.; Д. 103. Полевой дневник. 78 л.; Д. 104. Полевые чертежи могильников Карадаг II–III, Аймырлыг. 151 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 105. Полевой отчет о работе отряда в 1975 г. 21 л.; Д. 106. Альбом иллюстраций к отчету. 20 л.; Д. 107. Полевой дневник С. Н. Астахова № 1. 17.06–27.08. 41 л.; Д. 108. Полевой дневник С. Н. Астахова № 2. 28.08–09.09. 15 л.; Д. 109. Полевые чертежи. 22 л.

Неолитическая группа 3-го отряда. Руководитель Вл. А. Семенов.

Д. 110. Отчет Вл. А. Семенова о работе группы в 1975 г. 21 л.; Д. 111. Дневник полевых работ. 43 л.; Д. 112. Полевые чертежи. 23 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 113. Отчет И. У. Самбу о работе отряда в 1975 г. 12 л.; Д. 114. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 17 л.; Д. 115. Полевые чертежи. 22 л.

Группа административного отдела. Руководитель группы Г. В. Длужневская.

Д. 116. Полевой отчет о работе группы в 1975 г. 21 л.; Д. 117. Альбом иллюстраций к полевому отчету за 1975 г. 23 л.; Д. 118. Полевые чертежи. 32 л.

Группа по изучению петроглифов. Руководитель М. А. Дэвлет.

Д. 119. Отчет о работе в 1975 г. группы по изучению петроглифов. 11 л.; Д. 120. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 20 л.; Д. 170. Л. 2: Акт передачи в Ленинградское отделение Института этнографии [ЛОИЭ] АН СССР антропологических материалов из раскопок Саяно-Тувинской экспедиции. Могильники Аймырлыг, Чинте, Кошбутан-Аксы, Улуг-Бюг, Означенное III, Летник VI. Л. 8: Акт передачи в ЛОИЭ материалов из раскопок могильника Аймырлыг.

Ф. 312. Опись 1. Д. 992. Переписка по Саяно-Тувинской экспедиции. 1975 г. Л. 55–57.

1976 г.

1-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 117. Полевые чертежи раскопок 1976 г. 32 л.; Д. 118. Полевые чертежи, разведка 1976 г. 7 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 119. Отчет о работе отряда в 1976 г. 29 л.; Д. 120. Дневник полевых исследований. 36 л.;
Д. 121. Полевые чертежи. 80 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 122. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1976 г. 17 л.; Д. 123. Альбом иллюстраций к отчету. 8 л.; Д. 124. Полевой дневник С. Н. Астахова. 16 л.; Д. 125. Полевой дневник С. А. Васильева 19.08–24.08. 14 л.; Д. 126. Полевые чертежи. 25 л.

4-й отряд. Начальник И. У. Самбу.

Д. 127. Полевые чертежи. 22 л.

Группа по изучению петроглифов. Руководитель М. А. Дэвлем.

Д. 128. Отчет за 1976 г. 14 л.; Д. 129. Альбом иллюстраций к отчету за 1976 г. 19 л.

1977 г.

1-й отряд. Начальник А. Я. Щетенко.

Д. 93. Полевой отчет А. Я. Щетенко о работе 1-го отряда на городище Бажын-Алаак в 1977 г. 7 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 94. Отчет о работе отряда в 1977 г. 56 л.; Д. 95. Дневник полевых исследований. Могильник Байдаг-II. 60 л.; Д. 96. Полевые чертежи. 155 л.; Д. 97. Отчет Э. У. Стамбульник о полевых работах на могильнике Аймырлыг в 1977 г. 26 л.; Д. 98. Дневник А. М. Мандельштама полевых исследований на могильнике Аймырлыг. 1.VII–7.IX. 39 л.; Д. 99. Полевые чертежи. 44 л.; Д. 133. Отчет А. М. Мандельштама о работе в 1977 г. 28 л.; Д. 134. Дневник А. М. Мандельштама полевых исследований. 33 л.; Д. 135. Полевые чертежи. 44 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 100. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1977 г. 27 л.; Д. 101. Дневник полевых исследований. Вели Л. И. Рева и Н. Ф. Лисицын. 19.07–18.08. 37 л.; Д. 102. Полевые чертежи. 16 л.

5-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 103. Отчет о раскопках отряда в 1977 г. 11 л.; Д. 104. Дневник полевых исследований 15.07–27.08. 32 л.; Д. 105. Полевые чертежи. 21 л.

Отряд по изучению петроглифов. Начальник М. А. Дэвлем.

Д. 106. Отчет о работе отряда за 1977 г. 25 л.; Д. 107. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 35 л.

1978 г.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 108. Отчет о раскопках на могильнике Аймырлыг в 1978 г. 23 л.; Д. 109. Отчет о раскопках могильников Хайыракан I, Каат-Хавак I и II в 1978 г. 41 л.; Д. 110. Дневник раскопок на могильнике Аймырлыг. 23 л.; Д. 111. Дневник раскопок могильников Каат-Хавак I и II. 83 л.; Д. 112а–д. Полевые чертежи. 133 л.

Разведочная группа. Руководитель Т. А. Шаровская.

Д. 113. Полевой отчет Т. А. Шаровской о разведочных работах в 1978 г. 8 л.

Уюкская экспедиция. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 150. Отчет А. М. Мандельштама о полевых работах Уюкской археологической экспедиции в 1978 г. 16 л.; Д. 151. Дневник полевых исследований. 27 л.; Д. 152. Полевые чертежи. 17 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 114. Полевой отчет о работе отряда в 1978 г. 11 л.; Д. 115. Полевой дневник С. Н. Астахова. 24.08–18.09.11 л.; Д. 116. Полевые чертежи. 4 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 117. Полевой отчет о полевых исследованиях в 1978 г. 13 л.; Д. 118. Полевой дневник Вл. А. Семенова. 23 л.; Д. 119. Полевые чертежи. 21 л.

5-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 120. Отчет Г. В. Длужневской о работе отряда в 1978 г. 25 л.; Д. 121. Дневник полевых работ 06.05–30.08. 27 л.; Д. 122. Полевые чертежи. 37 л.

Отряд по изучению петроглифов. Начальник М. А. Дэвлем.

Д. 123. Отчет о полевых исследованиях отряда в 1978 г. 53 л.; Д. 124. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 34 л.

1979 г.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 87. Отчет о полевых исследованиях отряда в 1979 г. 16 л.; Д. 88. Дневник полевых исследований. Июль — август. 30 л.; Д. 89. Полевые чертежи. 47 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 90. Полевой отчет С. А. Васильева о полевых исследованиях 3-го отряда в 1979 г. 24 л.; Д. 91. Альбом иллюстраций к полевому отчету. 15 л.; Д. 92. Полевой дневник. 71 л.; Д. 93. Полевые чертежи. 62 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 94. Отчет о полевых работах отряда в 1979 г. 13 л.; Д. 95. Полевые чертежи. 14 л.

5-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 96. Отчет о полевых исследованиях в 1979 г. 22 л.; Д. 97. Дневник полевых работ. 03.07–30.07. 36 л.; Д. 98. Полевые чертежи. 32 л.

6-й отряд. Начальник Э. У. Стамбульник.

Д. 99. Отчет о полевых работах в 1979 г. 26 л.

7-й отряд. Начальник Т. А. Шаровская.

Д. 100. Полевой отчет Т. А. Шаровской о работе отряда в 1979 г. 17 л.; Д. 101. Полевой дневник Т. А. Шаровской. Тетрадь 1. 18 л.; Д. 102. Полевой дневник Т. А. Шаровской. Тетрадь 2. 8 л.; Д. 103. Полевой дневник Т. А. Шаровской. Тетрадь 3. 30 л.; Д. 104. Полевые чертежи. 16 л.

1980 г.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 108. Полевой отчет А. М. Мандельштама о раскопках могильника Карадаг II в 1980 г. 16 л.; Д. 109. Дневник полевых исследований. 28 л.; Д. 110. Полевые чертежи. Карадаг II. 45 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 111. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1980 г. в зоне затопления Шушенской ГЭС. 15 л.; Д. 112. Полевой дневник С. Н. Астахова. 28 л.; Д. 113. Полевые чертежи. 20 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 114. Отчет о продолжении исследований стоянки Тоора-Даш в 1980 г. 16 л.; Д. 115. Полевой дневник Вл. А. Семенова 14.07–26.08. 19 л.; Д. 116. Полевые чертежи стоянки Тоора-Даш, 1–12 культурные слои. 20 л.

5-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 117. Полевой отчет Г. В. Длужневской о работе отряда в 1980 г. 23 л.; Д. 118. Полевой дневник Г. В. Длужневской 11.06–21.07. 31 л.; Д. 119. Полевые чертежи. Омай-тура. 24 л.

6-й отряд. Начальник С. А. Васильев.

Д. 120. Отчет об исследовании памятников каменного века в зоне затопления Майнской ГЭС в 1980 г. 18 л.; Д. 121. Полевой дневник С. А. Васильева 18.06–14.09. 52 л.; Д. 122. Полевые чертежи. 35 л.

6-й отряд. Руководитель Э. У. Стамбульник.

Д. 123. Отчет Э. У. Стамбульник о полевых исследованиях группы XXXI могильника Аймырлыг в 1980 г. 31 л.; Полевые чертежи. 1 л.; Д. 185. Из переписки ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа о передаче в Гос. Эрмитаж палеолитической глиняной статуэтки из раскопок Майнинской стоянки в 1980 г. Л. 32.

1981 г.

Д. 182. Из переписки ЛОИА АН СССР и ЛОИЭ АН СССР о передаче последнему археологических материалов из раскопок могильников Аймырлыг, гр. XXXI, Темир-Суг, Аймырлыг III, Бедиг-Хорум в 1981 г. Л. 61.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 121. Полевой отчет А. М. Мандельштама о полевых работах 2-го отряда в 1981 г. Раскопки на трассе Новый Шагонар — Новый Эйлигхем. 20 л.; Д. 122. Дневник полевых исследований. 21 л.; Д. 123. Полевые чертежи. 54 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 124. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1981 г. 11 л.; Д. 125. Полевой дневник. 17 л.; Д. 126. Полевые чертежи. 18 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 127. Полевой отчет Вл. А. Семенова о работе отряда в 1981 г. 11 л.; Д. 128. Полевой дневник Вл. А. Семенова. 30.07–06.09. 11 л.; Д. 129. Полевые чертежи стоянки Тоора-Даш. 8 л.

5-й отряд. Начальник С. А. Васильев.

Д. 130. Полевой отчет С. А. Васильева о работе отряда в 1981 г. 23 л.; Д. 131. Полевой дневник. 65 л.; Д. 132. Полевые чертежи. 1981 г. 50 л.

6-й отряд. Начальник Э. У. Стамбульник.

Д. 133. Отчет Э. У. Стамбульник о работе отряда в 1981 г. 22 л.

7-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 134. Отчет о работах в Улуг-Хемском районе (могильники Эйлиг-Хем и Бедиг-Хорум) в 1981 г. 22 л.; Д. 135. Полевой дневник. 5 л.; Д. 136. Полевые чертежи. 21 л.

1982 г.

Д. 181. Акты передачи в Республиканский краеведческий музей им. 60-ти богатырей археологических материалов из раскопок Саяно-Тувинской экспедиции 1965–1979 гг. в Улуг-Хемском районе. Л. 9–26.

1-й отряд. Начальник Г. В. Длужневская.

Д. 118. Полевой дневник Г. В. Длужневской 1982 г. Могильник Сарыг-Хая II. 05.07–28.07. 14 л.; Д. 126. Полевой отчет Г. В. Длужневской о работе отряда в 1982 г. 21 л.; Д. 127. Полевые чертежи. 42 л.

2-й отряд. Начальник А. М. Мандельштам.

Д. 128. Полевой отчет А. М. Мандельштама о работе отряда в 1982 г. 25 л.; Д. 129. Дневник полевых исследований. 31 л.; Д. 130. Полевые чертежи Текет-21, Акдаш, Кежи. 59 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 131. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1982 г. 5 л.; Д. 132. Полевой дневник. 8 л.; Д. 133. Полевые чертежи Н. Иджир. 2 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 134. Полевой отчет Вл. А. Семенова о работе отряда в 1982 г. 20 л.; Д. 135. Полевой дневник Вл. А. Семенова. 28 л.; Д. 136. Полевые чертежи стоянки Тоора-Даш. 32 л.

5-й отряд. Начальник С. А. Васильев.

Д. 137. Полевой отчет С. А. Васильева о работе отряда в 1982 г. 23 л.; Д. 138. Полевой дневник С. А. Васильева. 01.07–31.08. 53 л.; Д. 139. Полевые чертежи Майнинской палеолитической стоянки. 34 л.

1983 г.

Д. 182. Переписка о принятии на хранение в Институт этнографии и антропологии антропологических материалов из раскопок Саяно-Тувинской экспедиции за 1977–1982 гг. 54 л.

2-й отряд. И. о. начальника Е. Л. Кириллов.

Д. 127. Полевой отчет Е. Л. Кириллова о раскопках в долине р. Темир-Суг в 1983 г. 17 л.; Д. 128. Полевые чертежи. 28 л.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 129. Полевой отчет С. Н. Астахова о работе отряда в 1983 г. 10 л.; Д. 130. Полевой дневник. 18 л.; Д. 131. Полевые чертежи. 9 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 132. Отчет о полевых исследованиях в 1983 г. 22 л.; Д. 133. Полевой дневник. 14 л.; Д. 134. Полевые чертежи стоянки Тоора-Даш. 32 л.

5-й отряд. Начальник С. А. Васильев.

Д. 135. Отчет С. А. Васильева о полевых исследованиях отряда в 1983 г. 13 л.; Д. 136. Полевой дневник С. А. Васильева. 19 л.; Д. 137. Полевые чертежи Майнинской палеолитической стоянки. 6 л.

1984 г.

Д. 203. Письмо ЛОИА АН СССР Заведующему ЛОИЭ профессору Р. Ф. Итсу с просьбой принять на хранение антропологический материал из раскопок могильников Аймырлыг, Темир-Суг. Л. 2.

3-й отряд. Начальник С. Н. Астахов.

Д. 131. Полевой отчет о работе отряда в 1984 г. 6 л.; Д. 132. Полевой дневник. С 05.08. 7 л.; Д. 133. Полевые чертежи. 1 л.

4-й отряд. Начальник Вл. А. Семенов.

Д. 134. Отчет Вл. А. Семенова о полевых исследованиях на территории Торгалыкской оросительной системы и на стоянке Тоора-Даш в 1984 г. 46 л.; Д. 135. Полевой дневник Вл. А. Семенова. 08.06–27.08. 32 л.; Д. 136. Полевой дневник М. Е. Килуновской. 11 л.; Д. 137. Полевые чертежи. 68 л.

5-й отряд. Начальник С. А. Васильев.

Д. 138. Полевой отчет С. А. Васильева о раскопках на Майнинской палеолитической стоянке в 1984 г. 11 л.; Д. 139. Полевой дневник С. А. Васильева. 01.08–29.08. 20 л.; Д. 140. Полевые чертежи Майнинской палеолитической стоянки. 11 л.

Несмотря на то что работы Саяно-Тувинской экспедиции завершились много лет назад, документальные материалы этих исследований востребованы до сих пор и будут необходимы и следующим поколениям археологов.

Литература и источники

Астахов 2020 — Астахов С. Н. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция (1962–2003) // Археологические вести. 2020. Вып. 27. С. 419–428.

Саяно-Тувинская ..., 1998 — Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР в архивах ИИМК РАН. Фонд А. Д. Грача в фотоархиве ИИМК РАН // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 22–29.

MATERIALS OF THE SAYAN-TUVA EXPEDITION IN THE SCHOLARLY ARCHIVE OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

N. A. Lazarevskaya

Keywords: *Sayan-Tuva Expedition, Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, Scholarly Archive of IHMC RAS, documentary heritage*

The paper prepared to the 60th jubilee of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences deals with its rich documentary heritage held by the Scholarly Archive of IHMC RAS. The author provides a comprehensive list of documents stored in the Manuscript Division of the archive.

УРАЛЬСКИЙ ОТРЯД В СОСТАВЕ САЯНО-ТУВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1960–1980-Е ГОДЫ

Б. Б. ОВЧИННИКОВА¹, С. А. ЗАХАРОВ²

Ключевые слова: Центральная Тува, Саяно-Тувинская экспедиция, Уральский отряд, гунны, древние тюрки, уйгуры, кыргызы (древние хакасы).

В статье предлагается обзор исследований археологических памятников Центральной Тувы, в раскопках которых в 1960–1980-е гг. принимали активное участие преподаватели и студенты Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ), г. Свердловск (ныне — Уральский федеральный университет (УрФУ), г. Екатеринбург). За этот период уральцами в Улуг-Хемском районе были проведены раскопки нескольких памятников, датируемых от раннего железного века до нового времени. Полученные материалы позволили существенно дополнить источниковую базу по средневековой истории не только Тувы, но и всей Центральной Азии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-24-36

Сегодня в процессе изучения памятников материальной культуры на территории Тувы существенное значение приобретает не формальное выделение той или иной археологической культуры, а определение единства и множественности культурных традиций, проявившихся в группе не только хронологически близких памятников, но и в трансляции их от одной культурной общности к другой, сменяющихся во временном пространстве. По своему происхождению эти трансляции могут быть как внутренними, то есть передаваемыми в родственной среде на одной территории от одного этапа развития культуры к другому, так и внешними, характеризующими культурное развитие в одном хронологическом отрезке в широком культурно-организационном пространстве (Савинов 1994: 5; Овчинникова 2001: 45).

Именно с этих позиций можно рассматривать памятники, исследованные на территории Центральной Тувы в результате археологических раскопок студенческого отряда Уральского государственного университета (УрГУ/УрФУ), работавшего в составе Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) в 1960–1980-е гг.

Участие уральцев в археологическом изучении древних памятников на территории Тувы началось с приглашения А. Д. Грача, начальника Саяно-Тувинской археологической экспедиции (СТАЭ), поступившего в 1966 г. Б. Б. Овчинниковой (археологу из Уральского университета), поработать на памятниках, близких ее научным интересам. К этому времени у нее уже был определенный опыт работы в археологических исследованиях на Урале и в Западной Сибири. После первого полевого сезона в Туве в составе 2-го отряда СТАЭ, которым руководил д-р ист. наук А. М. Мандельштам, Б. Б. Овчинникова продолжала

¹ Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

² Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного наследия «Ав Ком-Наследие», г. Екатеринбург.

© Овчинникова Б. Б., Захаров С. А., 2025

участвовать в раскопках и в последующие годы на таких памятниках, как могильники Бай-Даг II и III, Часкал II, Аймырлыг, городище Бажын-Алаак и др.

С 1968 г. отряд А. М. Мандельштама начал стационарные исследования могильного поля Аймырлыг — одного из крупнейших археологических объектов Тувы. Памятник располагался на террасе реки Чая-Холь (левобережного притока Енисея) между горами Карабей и Бош-Даг (Мандельштам 1969: 189). Начатые раскопки могильника показали, что хронологические рамки для всего могильного поля оказались очень широкими — от эпохи бронзы до нового времени. На определенном этапе исследований стала очевидной необходимость дифференциации по основным периодам истории памятника. В 1971 г. А. М. Мандельштам предложил Б. Б. Овчинниковой заняться изучением на данном памятнике курганов древнетюркского и более позднего времени с заключением договора о сотрудничестве организаций (Мандельштам 1983: 25, 26).

В конце 1971 г. между ЛОИА АН СССР и кафедрой истории СССР (досоветского периода) УрГУ был заключен Договор о научном содружестве. Согласно договору, приказом по Уральскому университету в 1972 г. была создана Тувинская археологическая экспедиция УрГУ под руководством преподавателя Б. Б. Овчинниковой с привлечением к работе студентов для археологической практики. Договор продлевался и в последующие годы. Так, с 1972 по 1982 г. студенческий отряд УрГУ осуществлял планомерные исследования в Центральной Туве. За этот период студенты приняли участие в раскопках могильников Аймырлыг, Аймырлыг 2, Даг-Аразы (Аймырлыг 3), Малиновка и на «тропе Чингис-хана»³.

Первоначально объектом исследований Уральского отряда в 1972–1973 гг. был *могильник Аймырлыг*, точнее — приречная его часть (рис. 1, 1), где было раскопано более 20 объектов. В их число кроме древнетюркских вошли погребальные сооружения более ранних эпох⁴. Среди памятников *гунно-сарматского периода* уральцами вскрыты детские захоронения, находящиеся в каменных ящиках (гр. VIII-10) либо в деревянных (дощатых) гробах (гр. VII-11), и женское — в колоде (гр. VII-1) (рис. 1, 5, 6; Мандельштам, Овчинникова 1973).

Особый интерес представляло захоронение воина, исследованное Б. Б. Овчинниковой еще в 1971 г., которое находилось на краю террасы р. Чая-Холь (гр. XI-1)⁵. После разборки развала камней от наземного сооружения был обнаружен настил из переплетенных ветвей, напоминающий «циновку». На нем располагались четыре черепа лошадей с парой копыт возле каждого. Все это находилось на краю могильной ямы, на дне которой (на глубине более 1,5 м) вытянуто на спине, головой на В покоился погребенный. Слева возле черепа находилось золотое кольцо (серьга?), ближе к шейным позвонкам — голубая пастовая бусина. От правого плеча вдоль туловища до левой тазовой кости сохранилась *in situ* протянутая кожаная «лента» (напоминающая портупею), украшенная по всей длине бисером (серебро?) в четыре продольных ряда. Между ребрами в районе пояса слева торчал костяной наконечник стрелы. Правая тазовая кость также была пробита аналогичным наконечником. Более десятка бронзовых наконечников стрел располагались по всему скелету. Справа в стороне от скелета на уровне пояса лежал кожаный мешочек, в котором

³ С 1972 г. раскопки в Туве проводились по Открытым листам, выданным Институтом археологии АН СССР на имя Б. Б. Овчинниковой. Все эти годы — при совместном финансировании УрГУ и СТАЭ — студенческий отряд УрГУ организационно был прикомандирован ко 2-му Отдельному отряду СТАЭ, возглавляемому А. М. Мандельштамом.

⁴ Авторы настоящей работы решили включить часть материалов, относящихся к более ранним периодам, изученным А. М. Мандельштамом, в исследовании которых уральцы принимали участие на могильнике Аймырлыг. Заметки о некоторых из них сохранились в личном архиве Б. Б. Овчинниковой.

⁵ Все полевые записи сразу же были переданы А. М. Мандельштаму, фото и чертежи производились сотрудниками СТЭАН. К сожалению, это погребение не получило отражения ни в печати, ни в отчетах А. М. Мандельштама в ИА РАН. Поэтому авторы посчитали необходимым подробнее остановиться на его описании.

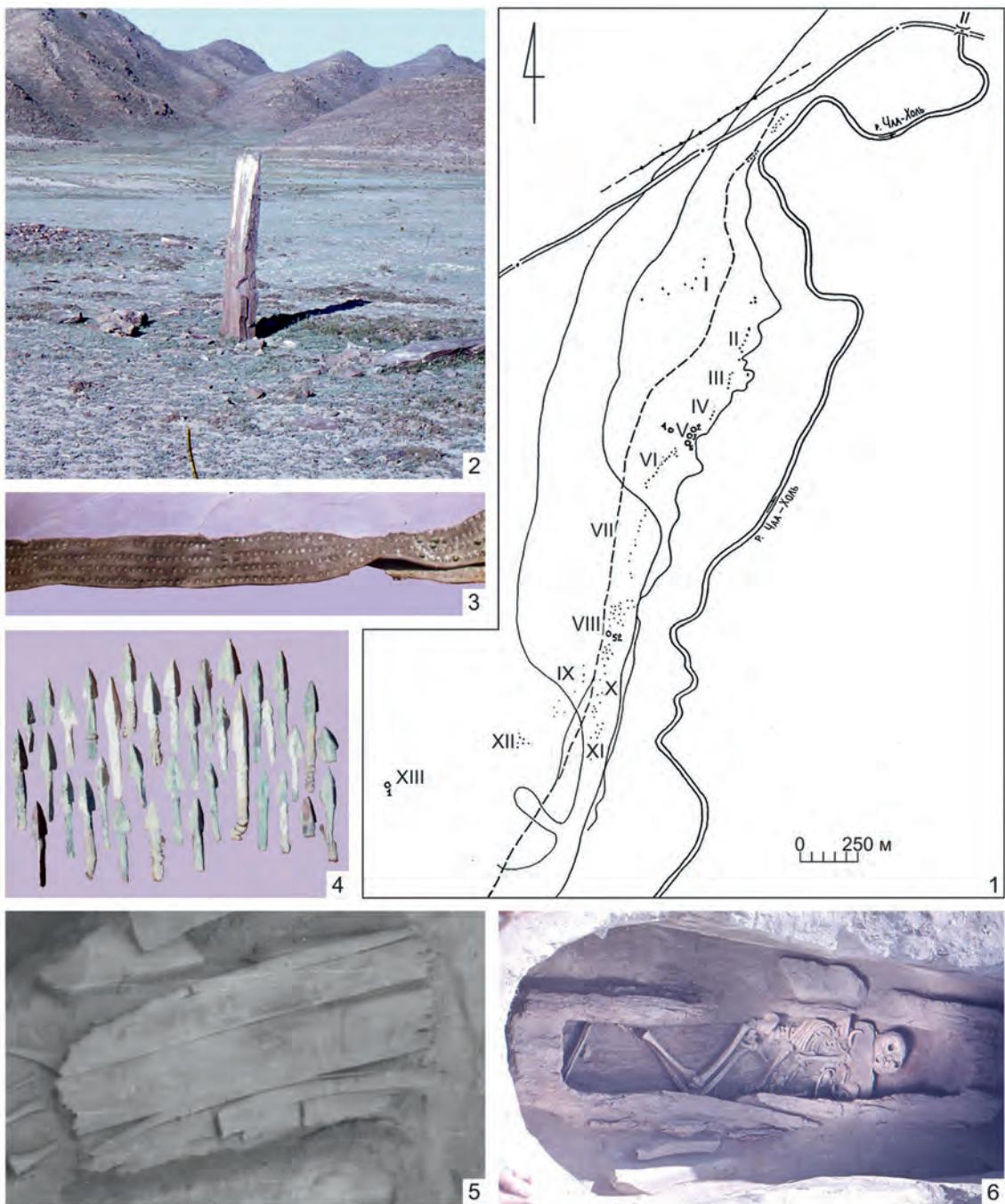

Рис. 1. Могильник Аймырлыг, памятники гунно-сарматского времени: 1 — план приречной части, гр. I-XIII; 2 — гр. X-1 — каменные стеллы; 3 — гр. XI-1: «портупея» (кожа, серебро?); 4 — наконечники стрел (кость, бронза); 5 — гр. VII-11, детское захоронение с дощатым перекрытием; 6 — кург. VII-1, захоронение женщины в колоде

Fig. 1. Aimyrlyg cemetery, materials of the Hun-Sarmatian period: 1 — plan of the riverside part of the cemetery, groups I-XIII; 2 — group X-1, stone stelae; 3 — group XI-1, "girdle belt" (leather, silver?); 4 — arrowheads (bone, bronze); 5 — group VII-11, child's burial with a wooden cover; 6 — barrow VII-1, woman's burial in a hollowed-out log

находилось 27 бронзовых наконечников стрел, различных по форме (втульчатые и черешковые). По нашему мнению, это погребение воина, судя по вещевому комплексу и обряду захоронения, можно отнести к переходному этапу от скифского к гунно-сарматскому периоду (рис. 1, 3, 4).

Также на краю береговой террасы Чая-Холь, к югу от захоронения воина с «портупеей» была расчищена каменно-земляная насыпь (6,4 × 3,6 м). На площадке находились две стелы (гр. X-1; рис. 1, 2). На момент изучения северная стела была свалена. Если согласиться с мнением Л. Р. Кызласова, что подобные стелы в Туве, на Алтае и в Монголии могли являться памятниками раннего железного века, но «нужна „привязка“ этих памятников к определенным курганам...» (Кызласов 1979: 76), тогда в нашем случае можно предположить, что эти стелы, учитывая их расположение⁶, могли быть сооружены в честь погребенного воина и, возможно, являться частью памятника ритуально-поминального характера в гунно-сарматскую эпоху, а не тюркского периода, как предполагалось ранее (Овчинникова 2013а: 123, 124).

Что же касается *памятников древнетюркского времени* на могильном поле Аймырлыг, то визуальный осмотр показал, что погребения не образуют на его территории отдельного компактного кладбища (Овчинникова 2013а). Нами исследовано десять сооружений погребального и поминального характера (рис. 2, 1). Благодаря выбранной методике раскопок, на могильнике Аймырлыг в 1971 г. впервые была выявлена отличительная черта, ранее не зафиксированная при раскопках древнетюркских погребений в Туве, — захоронение человека в подбое, сопровождаемое одним или двумя конями через разделительную стенку из вертикально установленных плит, упирающихся в свод подбоя⁷ (Овчинникова 1973: 231). Погребенного сопровождал богатый вещевой комплекс, в том числе колчан со стрелами. Здесь же были выявлены рунические знаки на серединных накладках на лук (Овчинникова 1990: 202, рис. 35, 1, 2).

К более позднему времени — XVI–XVII вв. — относится вскрытая могила подростка 13–14 лет, в ногах которого лежали останки коня и барана (гр. V, кург. 4). Погребенного сопровождал весьма богатый вещевой комплекс (рис. 2, 2; Ovchinnikova 1987).

С 1973 по 1978 г. Уральский отряд проводил исследования на *могильнике Аймырлыг 2*, расположенным в 10–15 км к ЮЗ от основного могильного поля Аймырлыг (Овчинникова 1973; Овчинникова и др. 1975). Памятник состоял из многочисленных каменно-земляных насыпей, разместившихся в межгорных котловинах. Его территория была условно разделена на четыре группы по концентрации сооружений. Всего вскрыто 70 сооружений (около 25 % общего числа насыпей). В приречной части раскопанные курганы относились к разным эпохам и отличались погребальным обрядом. Большая часть — захоронения по обряду трупосожжения, а также ритуальные выкладки, характерные для енисейских кыргызов. Они содержат разнообразный погребальный инвентарь (рис. 3, 4), в том числе богато орнаментированные детали сбруйного набора (рис. 3, 3; Овчинникова 2018). Определенный интерес представляют так называемые дружинные захоронения, расположенные в межгорье — гр. III и IV, первая из которых была исследована полностью (рис. 3, 1; Овчинникова, Длужневская 2000). Полученные материалы отражают их причастность к культуре енисейских кыргызов периода IX–X вв. н. э. В кольцах сооружений, примыкающих вплотную друг к другу, кроме остатков трупосожжений встречались единичные находки (рис. 3, 2).

⁶ Если обратить внимание на расположение памятников в группах могильника Аймырлыг (рис. 1, 1), то, на наш взгляд, древнетюркское захоронение с подбоем (гр. VIII-52) находится на одной площадке с древнетюркскими оградками (гр. IX, рис. 2, 1), составляя один погребально-поминальный комплекс, так же как две стелы (гр. X-1, рис. 1, 2), возвышаясь на краю террасы и находясь несколько в стороне от погребения воина (гр. XI-1, рис. 1, 1), вместе могли составить один поминально-погребальный комплекс гунно-сарматского времени.

⁷ В течение 1970–1980-х гг. при выявлении древнетюркских погребений, совершенных по обряду человека с конем с подбоем по всей территории Саяно-Алтая (с учетом ранее исследованных предшественниками), Б. Б. Овчинниковой было выявлено 50 сооружений (Овчинникова 1984: 246–255, табл. А).

Рис. 2. Могильник Аймырлыг, древнетюркские памятники: 1 — гр. IX, тюркские оградки; 2 — гр. V-4, часть наборного пояса (цветной металл)

Fig. 2. Aimyrlyg cemetery, ancient Turkic monuments: 1 — group IX, Turkic enclosures; 2 — group V-4, fragment of a composite belt (non-ferrous metal)

Заметим, при «входе» на «дружинное кладбище» был обнаружен комплекс — клад, состоящий из 57 железных и бронзовых предметов, датируемых временем не ранее конца X — начала XI в. Учитывая все обстоятельства, можно говорить, что речь идет о локальном варианте культуры — сохранении местных традиций в так называемый переходный период от тюхтятской к аскизской культурной общности. Вероятно, «дружинное кладбище» можно включить в один ряд с памятниками эйлиг-хемского типа (Грач и др. 1998: 49).

Могильник Даг-Аразы (Аймырлыг 3) располагается в открытой со всех сторон долине, окруженной с северо-востока горами, известной у местного населения как долина Даг-Аразы. Памятник находится на левом берегу р. Чая-Холь, в 5 км к северу от нового поселка Чая-Холь. Стационарные раскопки этого могильника проводились отрядом УрГУ в 1973, 1976–1981 гг. (Анищук, Овчинникова 1978). Каменные курганные насыпи занимали площадь в один гектар. Хронологические рамки памятника достаточно широки — от гунно-сарматского до нового времени. Могильник отличается сравнительно четкой структурой и распадается на пять условных курганных групп (рис. 4, 1). Основополагающими объектами являются памятники гунно-сарматского времени — 49 курганов из 82 — и древнетюркского периода — 29 курганов (рис. 4, 1).

Исследованные памятники гунно-сарматского времени на могильнике Даг-Аразы в большинстве случаев представлены огромными погребально-поминальными комплексами⁸ (Овчинникова 2010). При этом в погребальной обрядности более устойчиво сохраняются определенные традиции: погребения в ямах без дополнительных внутримогильных конструкций и погребения в каменных ящиках, имеющие местное происхождение. Погребения в деревянных конструкциях отражают влияние пришлого населения, возможно «кокэльцев» (рис. 4, 2). В отличие от Даг-Аразы, погребения на могильнике Кокэль совершились только в гробах (Вайнштейн, Дьяконова 1966: 185–291).

⁸ При изучении материалов памятников гунно-сарматского времени на могильнике Даг-Аразы постоянно проводились параллели с материалами могильника Кокэль. И это правомерно, поскольку на период наших работ в 1960–1970-е гг. Кокэль являлся самым крупным памятником этой эпохи в Туве (Вайнштейн, Дьяконова 1966: 185–291).

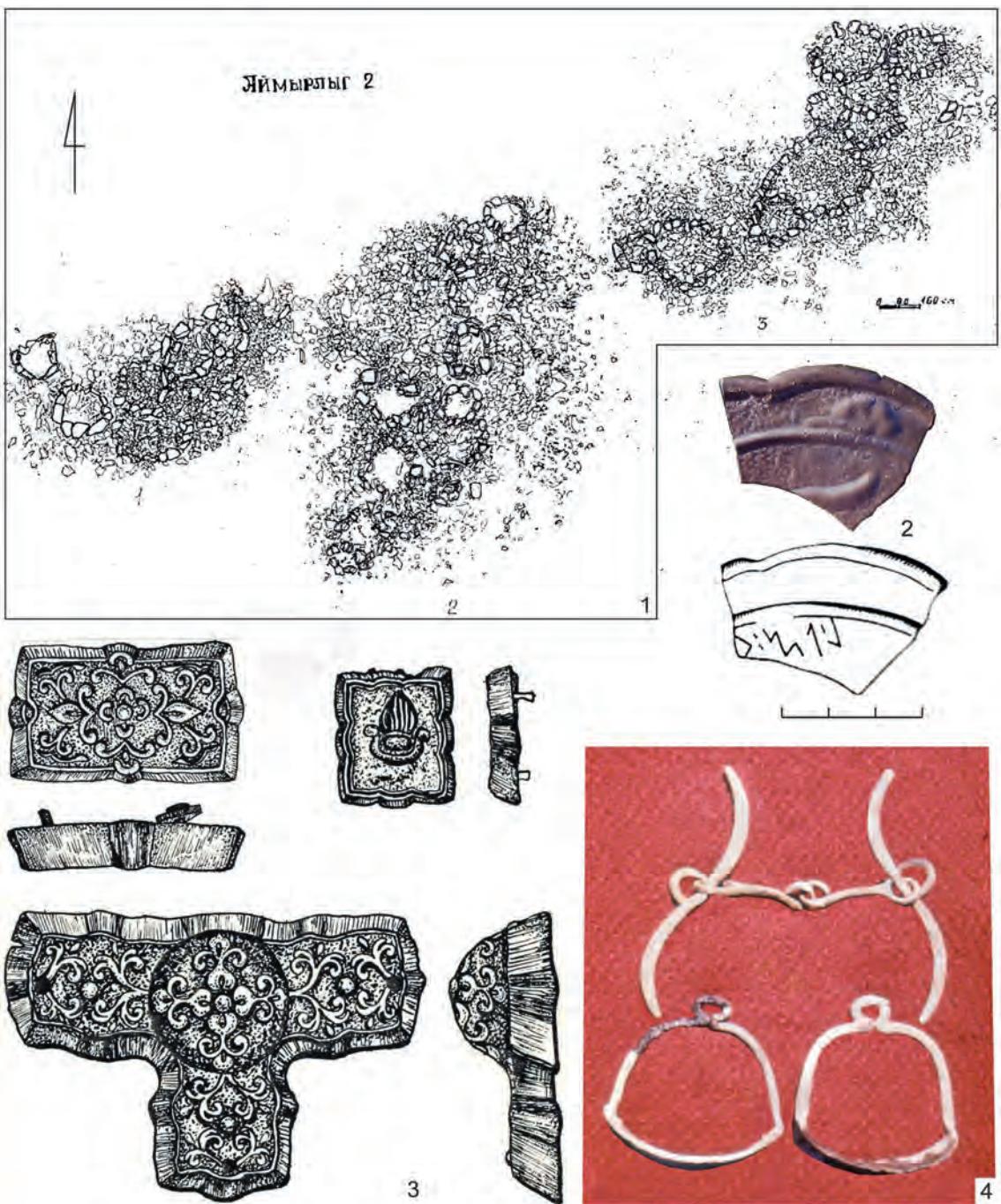

Рис. 3. Могильник Аймырлыг-2: 1 — гр. III — «дружинное захоронение», план наземных сооружений; 2 — гр. III-27, обломок зеркала с рунической надписью (фото, порисовка) (белый сплав); 3 — гр. I-12, бляшки от сбруйного набора (бронза); 4 — гр. III-1, 2, удила и стремена (железо)
 Fig. 3. Aimyrlyg-2 cemetery: 1 — group III — “military retinue burial”, plan of aboveground constructions; 2 — group III-27, mirror fragment with a runic inscription (photo and drawing) (white alloy); 3 — group I-12, harness decorative plaques (bronze); 4 — group III-1, 2, bridle-bits and stirrups (iron)

На Даг-Аразы под округлыми курганными каменными насыпями (диаметром 2,5–14,0 м) чаще всего находились одиночные захоронения, либо только поминальные, либо только погребальные. Курганы имеющие вытянутой формы насыпи из камней (длиной 30,0–40,0 м, высотой до 2,0 м), как правило, были только поминальными (рис. 4, 5), содержащими под насыпью каменные выкладки с керамическими сосудами. Такие жертвенно-поминальные курганы, исследованные на могильнике Даг-Аразы, являются новой группой памятников гунно-сарматского времени в Туве. На Кокэле курганы поминального характера

Рис. 4. Могильник Даг-Аразы, памятники гунно-сарматского времени: 1 — план могильника (а — условные границы курганных групп; б — курганы гуннов с погребениями; в — захоронение животного; г — поминальные курганы гуннов; д — погребения древних тюрок; е — культурная принадлежность не определена); 2 — гр. IV-18, детское захоронение в деревянной раме; 3 — гр. IV-18, котелок-подвеска и зеркало (бронза); 4 — гр. V-7 и V-5, сосуды (керамика); 5 — гр. IV — поминальные курганы 23–26 под общей насыпью, вид северной части разреза наземного сооружения после разборки южной половины

Fig. 4. Dag-Arazy cemetery, materials of the Hun-Sarmatian period: 1 — plan of the cemetery (а — conventional borders between groups of barrows; б — Hun barrows with burials; в — animal burial; г — Hun commemorative barrows; д — ancient Turkic burials; е — cultural affinity unidentified); 2 — group IV-18, child's burial in a wooden frame; 3 — group IV-18, suspension cauldron and a mirror (bronze); 4 — groups V-7 and V-5, vessels (ceramics); 5 — grave IV, commemorative barrows 23–26 under a common mound, general view of the northern part of the aboveground structure after the southern half was removed

не встречаются. Однако, изучение малочисленного инвентаря при значительном количестве керамики (рис. 4, 3, 4) могильника Даг-Аразы в сравнении с материалами из других синхронных памятников, прежде всего из Кокэля, показало их полную идентичность в керамическом комплексе (Вайнштейн, Дьяконова 1966: 281–284, табл. IV–VII; Овчинникова 2010: 160–162, рис. 10–13). Следовательно, судя по орнаменту на керамике, при некотором различии в погребально-поминальной обрядности в памятниках культуры гунно-сарматского времени существовало единство вещевого комплекса.

В итоге монографическое исследование могильника Даг-Аразы показало, что в значительной степени культура данного периода на этой территории складывается на местной основе (Овчинникова 2010).

Наземные сооружения курганных захоронений, воздвигнутые пришельцами в древнетюркское время на существующей территории могильника Даг-Аразы, не нарушили наземные конструкции гунно-сарматских погребально-поминальных сооружений (рис. 4, 1; Овчинникова 2013б). С приходом в эту местность древних тюрок, совершивших обряд захоронения человека с конем, появляются поминальные оградки, сооруженные на расстоянии от погребальных захоронений (рис. 4, 1; Овчинникова, 2013б). По внешнему виду погребальные наземные сооружения представляли собой округлые каменные постройки, выложенные в несколько слоев (от двух до шести). Они образовывали ограду, внутренняя часть которой была заполнена разрушенной частью постройки, после разборки которой фиксировалась входная яма, заполненная камнями, перекрывавшая захоронение коня (ей) (рис. 5, 1). Рядом с конем в подбое через разделительную стенку находилось погребение человека либо погребение только с вещами покойного (колчаном и др.), без его останков (кенотаф) (рис. 5, 2).

Хотелось бы отметить захоронение воина (гр. V, кург. 1), которое располагалось на юго-восточной окраине могильника, вдали от основной группы древнетюркских сооружений. В могиле погребенного обнаружен наиболее полный набор воинского снаряжения, среди которого находились уникальные предметы — полуистлевший деревянный щит, железный клепаный котел и др. (рис. 5, 3; Овчинникова 1982). Несколько в стороне была трехкамерная поминальная оградка.

Заметим, что результаты раскопок могильника Даг-Аразы позволили впервые отнести погребения с конем и находящиеся на этой же территории четырехугольные оградки к одному погребально-поминальному комплексу древних тюрок. Следовательно, на территории могильника выявлено 15 таких тюркско-уйгурских погребально-поминальных комплексов⁹.

⁹ Понимаем, что впервые поставленный нами тогда вопрос о связи погребений человека в сопровождении коня(ей) с поминальными памятниками является дискуссионным, но наши наблюдения и подсчеты на могильниках, исследованных экспедицией в Центральной Туве, дают именно такой результат. См.: Овчинникова 2005: 163.

Необходимо отметить и памятники других эпох, пусть единично, но присутствующих на могильном поле Даг-Аразы. Порой состояние их таково, что не позволяет с точностью определить культурную принадлежность и время сооружения. Так, несколько особняком, как бы венчая вход на площадку могильника, сохранился развал камней от наземного сооружения (ДА-IV-1). После расчистки четко проявились очертания ограды, сохранившейся на высоту более 1,0 м (рис. 5, 4). В северо-восточной части ее находилась стела высотой 1,1 м. Под каменной насыпью был вскрыт участок прокаленной почвы толщиной 0,3–0,5 м, где обнаружены фрагменты железных наконечников стрел (плохой сохранности), бронзовая бляшка квадратной формы с прорезью в середине и фрагменты неорнаментированной керамики, которые не позволяют определить, кому принадлежал и когда был сооружен курган.

Важно отметить также и то, что на Даг-Аразы были обнаружены единичные случаи захоронений, совершенных по обряду трупосожжения, характерных для енисейских *кыргызов* Тувы. Но это были либо впускные захоронения вещей в кладке надмогильного сооружения древних тюрок (ДА-II-14), либо пристроенные с внешней стороны к внешнему сооружению древнетюркского захоронения (ДА-II-6) кольцевидные ограды небольших размеров, содержащие пережженные кости людей и скромный, но весьма выразительный вещевой инвентарь тюхтятского облика, датируемый IX–X вв.

К впускным захоронениям можно отнести также находки в виде «клада» — в основном детали конского снаряжения, а порой и украшения (серьга), относящиеся к этнографическому времени.

На северо-западе Тувы, в Саянском каньоне, до сих пор сохранились остатки некогда сооруженной древней дороги или тропы, известной у местных жителей как «тропа» или «дорога Чингис-хана». Ее участки стали следующим объектом исследования Уральского отряда в полевые сезоны 1979–1981 гг. (Анищук, Овчинникова 1980). Благодаря предоставленной руководителем отряда СТАЭ по изучению петроглифов М. А. Дэвлет возможности небольшая группа уральских студентов приступила к изучению «кочевой тропы» (Дэвлет 1982: 5–13) (рис. 5, 5, 6). Для этой цели была взята лишь часть «дороги» (более 17 км) от устья р. Хемчик вверх по левобережью Енисея до местечка Каравей, которым начинается Саянский каньон (Овчинникова, Трепавлов 1989: 21). На всех уцелевших участках «дорога» образована мощной каменной кладкой, иногда нависая над обрывистым берегом. Северный край ее порой подходит близко к воде, местами напоминая скорее оборонительную стену, чем дорогу.

Насколько возможно было установить в момент исследования, ширина «дороги» составляла от 2–4 м, высота кладки со стороны реки (с севера) — 1–3 м. На обследованном участке «дорога» имела следующее конструктивное строение: с правого берега Хемчика при впадении в Енисей она сворачивает на его левый берег. Протянувшись на 50 м исчезает (может быть, была смыта в реку). Далее на протяжении 2 км кладка сохранилась небольшими отрезками по 5–10 м. В 2 км от устья Хемчика береговой склон прерывается ущельем Мугур-Саргол. В 200 м от него (выше по течению реки) на «дороге» было обнаружено прямоугольной формы сооружение из уложенных плашмя каменных плит — объект 1, именуемый нами «караульный бастион» (рис. 5, 6). Отсюда «дорога» сохранилась на сравнительно длинном участке до местечка Терезинник-Бююк (4 км от Мугур-Саргола). На этом участке удалось зафиксировать еще три объекта: два кургана в виде округлых каменных выкладок и сооружение прямоугольной формы, аналогичное отмеченному выше. Затем «дорога» то прерывается, то появляется вновь в местечке, именуемом местными жителями Перевалкой. Вверх по течению реки от Перевалки «дорога» тянется вдоль берега реки, то прерываясь, то появляясь. В 700 м от Чингинской воронки вновь обнаружено прямоугольное сооружение, аналогичное упомянутым. За ним следы «дороги» исчезают и начинаются горные осыпи. Через несколько десятков метров открывалась долина с хорошо просматриваемой «дорогой». Здесь обнаружены курганные насыпи и несколько современных каменных насыпей. Через 250 м обнаружена еще одна каменная выкладка. После

Рис. 5. 1–4 — могильник Даг-Аразы, древнетюркские захоронения: 1 — гр. II-5, крепида и могильная яма; 2 — гр. II-8, кенотаф; 3 — гр. V-1, котел (железо); 4 — гр. IV-1, наземное сооружение после расчистки; 5, 6 — «дорога Чингис-хана»: 5 — Саянский каньон Енисея, вид на участок «дороги Чингис-хана», 6 — сооружение 1 «караульный бастион», вид с В

Fig. 5. 1–4 — Dag-Arazy cemetery, ancient Turkic burials: 1 — group II-5, crepida and the grave pit; 2 — group II-8, cenotaph; 3 — group V-1, cauldron (iron); 4 — group IV-1, aboveground structure after excavation; 5, 6 — “Genghis Khan’s road”: 5 — Sayan canyon of the Yenisei, view of a section of the “Genghis Khan’s road”, 6 — structure 1, “lookout bastion”, east view

небольшого промежутка «дорога» на скалах сохраняется лишь во фрагментах и примерно в 1 км до Каравей она исчезает совсем.

Таким образом, наиболее подробно уральцами были изучены фрагменты «дороги» в урочище Терезинник-Бююк и на Перевалке. Впервые проведенные раскопки на отрезках «дороги» позволяют предположить, что она возводилась не только как коммуникационное сооружение. Продуманная прерывистость многокилометровой кладки и ее совпадение с пешеходной тропой приводят к мысли о первоначальном военно-фортификационном назначении памятника. О том, что «дорога Чингис-хана» была не чем иным, как оборонительной стеной, свидетельствует облик и содержимое двух раскопанных камер (объекты 1 и 4), которые, на наш взгляд, могли служить стационарными караульными пунктами и использовались

в качестве бастиона для наблюдения и сигнализации (Овчинникова, Трепавлов 1989: 23–26). Оборонительные функции «дороги» со временем были утрачены, после чего сооружение стало основой дороги в обычном понимании этого слова. Дорога прошла по кромке енисейского берега, а кладка стала ее надежным основанием, предохраняющим от обвалов и водных потоков. Именно в таком качестве она продолжала существовать до того момента, когда Уральский отряд проводил свои исследования вдоль ее участка, который скрыло Красноярское море.

В заключение отметим, что исследования отряда Уральского университета в Центральной Туве выявили весьма интересные археологические памятники не только

Рис. 6. Уральский отряд Саяно-Тувинской экспедиции: 1 — 1977 г., на могильнике Даг-Аразы, слева направо, 1-й ряд: С. Захаров, И. Новоселов, Б. Рыбаков, Н. Моллеров, М. Косенков; 2-й ряд: С. Черепов, М. Наумкин, с 3-го по 7-й — местные жители на экскурсии, Б. Б. Овчинникова; 3-й ряд: С. Демаков, Н. Анищук, Т. Новикова (фото А. Папурова); 2 — 1981 г., полевой лагерь, слева направо, 1-й ряд: М. Косенков, В. Трепавлов, Я. Овчинникова, А. Татаркин, С. Лобарев; 2-й ряд: В. Шипулин, Л. Голубева, Б. Б. Овчинникова, А. Чередников, А. Ефимова, О. Яковлева, А. Раметов, М. Субботкина, Д. Прилуцкая (фото А. Логиновских)

Fig. 6. Ural Detachment of the Sayan-Tuva Expedition: 1 — 1977, Dag-Arazy cemetery, from left to right, first row: S. Zakharov, I. Novoselov, B. Rybakov, N. Mollerov, M. Kosenkov; second row: S. Cherepov, M. Naumkin, from 3 through 7 — local visitors, B. B. Ovchinnikova; third row: S. Demakov, N. Anishchuk, T. Novikova (photo by A. Papulov); 2 — 1981, field camp, from left to right, first row: M. Kosenkov, V. Trepavlov, Ya. Ovchinnikova, A. Tatarkin, S. Lobarev; second raw: V. Shipulin, L. Golubeva, B. B. Ovchinnikova, A. Cherednikov, A. Efimova, O. Yakovleva, A. Rametov, M. Subbotkina, D. Prilutskaya (photo by A. Loginovskikh)

в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, но и за ее пределами, что позволило, на наш взгляд, существенно дополнить источниковую базу по древней истории не только Тувы, но и Центральной Азии. При этом важным фактором послужила возможность монографического исследования Даг-Аразы. С тех пор прошло несколько десятков лет, но история народов, некогда заселявших степи Центральной Азии, в том числе и Туву, продолжает привлекать внимание уральских студентов, и в этом неоценимую помощь им оказывают материалы исследований из прошлого столетия, полученные в те давние годы Уральским отрядом УрГУ/УрФУ в содружестве с Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР (рис. 6).

Литература и источники

- Анищук, Овчинникова 1978 — *Анищук Н. И., Овчинникова Б. Б. Исследование могильника Аймырлыг 3* // АО 1977 г. 1978. С. 205–206.
- Анищук, Овчинникова 1980 — *Анищук Н. И., Овчинникова Б. Б. Раскопки на «дороге Чингисхана»* // АО 1979 г. 1980. С. 188–189.
- Вайнштейн, Дьяконова 1966 — *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры* // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М.; Л.: б. и., 1966. 364 с. (Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2).
- Грач и др. 1998 — *Грач А. Д., Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы)*. М.: Фундамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Дэвлет 1982 — *Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе*. М.: Наука, 1982. 128 с.
- Кызласов 1979 — *Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX в.* // СА. 1979. № 3. С. 286–290.
- Мандельштам 1969 — *Мандельштам А. М. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алак* // АО 1968 г. 1969. С. 189–191.
- Мандельштам 1983 — *Мандельштам А. М. Исследование на могильном поле Аймырлыг (некоторые итоги и перспективы)* // Массон В. М. (ред.). Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.
- Мандельштам, Овчинникова 1973 — *Мандельштам А. М., Овчинникова Б. Б. Отчет о полевых работах Отдельного отряда СТАЭ в 1972 г.* // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5196. 34 л.; № 5196а — Альбом иллюстраций к отчету. 45 л., 163 ил.
- Овчинникова 1973 — *Овчинникова Б. Б. Исследование тюркских памятников на могильнике Аймырлыг* // АО 1972 г. 1973. С. 231.
- Овчинникова 1982 — *Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве* // СА. 1982. № 3. С. 210–218.

- Овчинникова 1984 — Овчинникова Б. Б. Тюрки-тутю на Саяно-Алтайском нагорье в VI–X вв. (по материалам погребений человека с конем): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 472 с.: ил.; прил. 152 с.: ил. Шифр хранения: ОД 61 85.
- Овчинникова 1990 — Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 223 с.
- Овчинникова 2001 — Овчинникова Б. Б. Культурные трансляции в Южной Сибири в I тысячелетии нашей эры (по материалам Тувинской экспедиции УрГУ) // Емельянов Б. В. (ред.). Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 1997 года. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. С. 45–47.
- Овчинникова 2005 — Овчинникова Б. Б. Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая // Кляшторный С. Г. и др. (ред.). Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 152–165.
- Овчинникова 2010 — Овчинникова Б. Б. Могильник Дар-Аразы как источник по истории племен Центральной Тувы в гунно-сарматскую эпоху // Савинов Д. Г., Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А. (редкол.). Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования: Колл. монография. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 119–163.
- Овчинникова 2013а — Овчинникова Б. Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Савинов Д. Г. (ред.). Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): Колл. монография. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 115–138.
- Овчинникова 2013б — Овчинникова Б. Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Там же. С. 139–172.
- Овчинникова 2018 — Овчинникова Б. Б. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы // Медведева М. В., Смирнов Н. Ю. (ред.). Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 149–155.
- Овчинникова, Длужневская 2000 — Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.
- Овчинникова, Трапавлов 1989 — Овчинникова Б. Б., Трапавлов В. В. Исследование на «дороге Чингис-Хана» // Аранчын Ю. Л. (ред.). Культура тувинцев: традиции и современность. Кызыл: Тувинский НИИ языка, литературы и истории, 1989. С. 20–28.
- Овчинникова и др. 1975 — Овчинникова Б. Б., Панова О. Ю., Рыбаков Б. И. Раскопки на могильнике Аймырлыг 2 // АО 1974 г. 1975. С. 224–225.
- Савинов 1994 — Савинов Д. Г. Введение // Савинов Д. Г. (ред.). Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 3–7.
- Ovchinnikova 1987 — Ovchinnikova B. Mediul burials in Tuva: new finds // UNESCO, Information Bulletin. Moscow: General Editorial Board for Foreign Language Publications Nauka Publishers, 1987. Is. 12. P. 30–35.

URAL DETACHMENT OF THE SAYAN-TUVA EXPEDITION IN THE 1960S–1980S

B. B. Ovchinnikova, S. A. Zakharov

Keywords: Central Tuva, Sayan-Tuva expedition, Ural Detachment, Huns, ancient Turks, Uighurs, Kyrgyz (ancient Khakass)

The paper provides an overview of archaeological excavations in Central Tuva that were conducted in the 1960s — 1980s with an active participation of the academic staff and students from the A. M. Gorky Ural State University, Sverdlovsk (now Ural Federal University, Ekaterinburg). During this period the Uralians excavated in the Ulug-Khem district of Tuva a number of sites ranging in time from the Early Iron Age to the Modern Times. The obtained materials made it possible to sufficiently augment the database on the Medieval history of not only Tuva but the whole of Central Asia.

ТУВИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН — 40 ЛЕТ¹

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, ВЛ. А. СЕМЕНОВ, А. В. СЕМЕНОВ,
П. М. ЛЕУС, В. С. БУСОВА²

Ключевые слова: Тува, стоянки, могильники, петроглифы, эпоха бронзы, монгун-тайгинская культура, скифское время, алды-бельская, уюкско-саглынская и кокэльская культуры, эпоха хунну.

В 2025 г. исполнилось 60 лет с момента создания крупнейшей в стране Саяно-Тувинской экспедиции, работавшей в Центральной Туве. Тувинская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН (преемница Саяно-Тувинской экспедиции АН) под руководством проф. Вл. А. Семенова и канд. ист. наук. М. Е. Килуновской работает начиная с 1985 г. в разных районах Республики Тыва и пограничных районах с Монгoliей. Основные направления исследований: 1) разведки и раскопки в зонах строительства различных хозяйственных объектов; 2) раскопки и мониторинг памятников в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС; 3) изучение наскальных изображений; 4) изучение памятников археологии в южных районах Тывы (Овюр, Эрзин, Монгун-Тайга); 5) изучение памятников на границе Тывы и Монголии (Убсу-Нурская котловина); 6) обобщение накопленных материалов экспедиции (издание монографий и статей, проведение выставок в СПб., Москве, Кызыле, чтение лекций, выступления в СМИ и т. п.).

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-37-45

1965 г. — год начала работ Саяно-Тувинской экспедиции Академии наук СССР (СТЭАН), одной из самых крупных в то время, задачей которой было изучение археологических памятников, расположенных в зоне затопления будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Силами экспедиции, в состав которой входили А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Ю. И. Трифонов, С. Н. Астахов, И. У. Самбу, А. М. Мандельштам, Г. В. Длужневская, М. Х. Маннай-оол и др., было изучено и спасено более сотни тысяч объектов археологии на территории зоны затопления в Центральной Туве и в Саянском каньоне Верхнего Енисея.

В 1985 г. СТЭАН распалась на две экспедиции — Саянскую, работающую в Хакасии и Минусинских котловинах, и Тувинскую (ТАЭ ИИМК РАН), которая под руководством Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской проводит исследования в разных районах Тывы. Но уже в 1984 г. 4-й отряд СТЭАН произвел раскопки на площадке строительства Торгальской оросительной системы, в ходе которых были исследованы монгун-тайгинские памятники и городище монгольского времени Бажын-Орну (Семенов и др. 1995: 25, 26).

В 1985–1988 гг. «Туваавтодор» финансировал археологические исследования по трассе дороги местного значения Ээрбек — Баян-Кол протяженностью 58 км, проходящей непосредственно по правому берегу реки Улуг-Хем. За четыре полевых сезона здесь были

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

© Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Семенов А. В., Леус П. М., Бусова В. С., 2025

выявлены новые местонахождения наскальных изображений скифского времени (гора Хербис), заново скопированы петроглифы, открытые еще А. В. Адриановым у села Ээрбек (пункты Ээрбек 1, 2, 3). Также были произведены раскопки на девяти могильниках: Чарга, Ангор-Хову, Суглут-Хем I и II, Чайлаг-Ховак, Нижний Курбусту, Хорум, Сарыг-Булун, Баян-Кол. В общей сложности было исследовано 48 различных курганов; открыто пять эпиграфических памятников, из них три стелы, одно кыргызское изваяние с орхон-енисейскими runами, одна тибетская надпись; найдено пять оленных камней (особенно интересен камень с личиной из могильника Чарга). Хронологический диапазон исследованных объектов очень широк — от курганов монгун-тайгинского типа до этнографических погребений XVI–XVIII вв., впущенных в насыпи более древних курганов. Материалы этих раскопок нашли отражение в целом ряде статей и монографий (Семенов 2003; Семенов и др. 1995: 23–30; Васильев, Семенов 1986; Длужневская, Семенов 1990: 76–81; Семенов, Килуновская 1990; Килуновская 1995). На могильнике Сарыг-Булун был открыт погребальный комплекс алды-бельской культуры VII в. до н. э., в котором особенный интерес вызывает погребение ребенка в колоде, выдолбленной из цельного куска дерева и плотно закрытой крышкой. Из-за того что в колоде была особая среда, изолированная от внешних воздействий, произошла естественная частичная мумификация тела погребенного и хорошо сохранились многие органические материалы — дерево, детали одежды и пояса, часть головного убора. В колоде за спиной погребенного лежал комплект вооружения — чекан, колчан со стрелами, древки которых украшал расписной орнамент, и лук. Практически все детали этого захоронения были тщательно исследованы антропологами, генетиками, проанализированы состав и технологии производства изделий из органических материалов и металла. В результате было сделано неожиданное открытие — умершая оказалась девочкой 6–7 лет (Килуновская и др. 2020а; 2021а). Монографически был исследован могильник Суглут-Хем, материала которого вместе с полученными на могильнике Хайыракан около пгт. Шагонар и Улангом в Монголии существенно дополнили базу данных по позднескифскому времени (IV–II вв. до н. э.): создана типология керамики, выделены вещи-маркеры, позволяющие часть погребений соотнести с эпохой хунну (Семенов 2003).

Продолжением работ по трассе дороги Ээрбек — Баян-Кол были исследования в уроцище Сыпучий Яр и ущелье Кара-Булун ниже поселка Баян-Кол. Могильник Сыпучий Яр расположен в 8 км ниже устья реки Баян-Кол на первой надпойменной террасе. Он активно разрушался в процессе естественной береговой абразии. Впервые он был нами осмотрен в 1988 г. В 1995–1996 гг. появилась возможность провести на памятнике спасательные раскопки. Здесь был раскопан комплекс алды-бельской культуры: в трех слившихся вместе курганах (4–5–6) вскрыто четыре могилы — одна детская в каменном ящике и три (все центральные) в больших грунтовых ямах с деревянными конструкциями. Одно погребение насчитывало семь скелетов (кург. 4, погр. 1), другое — четыре и в третьем, ограбленном, были кости одного человека, но среди них было обнаружено зеркало с высоким бортиком. Безусловный интерес представляют обнаруженные в курганах Сыпучего Яра неграбленые погребения в кургане 4 — индивидуальное детское в каменном ящике и коллективное в сравнительно глубокой яме с бронзовыми поясными бляшками, изделиями, выполненными в скифском зверином стиле, и набором конского снаряжения, помещенным под оградой кургана (Семенов 1997а; 2001). Второй комплекс на могильнике состоит из более раннего кургана с захоронением в валунной камере на горизонте (8), который больше чем наполовину перекрыт алды-бельским курганом (9), содержащим два сильно ограбленных погребения в деревянной раме и два детских — в каменных ящиках. В камере кургана 8 погребенный лежал в скорченном положении в камере из больших валунов, что позволяет отнести этот объект к памятникам шанчигского/аржанского типа и сопоставить с раскопанными Н. А. Боковенко в долине р. Ус на могильнике Баданка (Боковенко 1995). Материалы могильника Сыпучий Яр позволяют включить его в число самых ранних памятников алды-бельской культуры.

Кочевая тропа, ведущая далее от Сыпучего Яра по Улуг-Хему, приводит к прижиму и сворачивает в ущелье Кара-Булун. Здесь был обнаружен скальный навес с петроглифами

«гунно-сарматского» и тувинского времени, который получил название Инитал (правильнее — Итала) (Семенов А. 2010). Это крашеные петроглифы с изображениями национальной одежды, портретами лидеров Танну-Тувинской республики и другими опознаваемыми лицами. Далее в перевальном ущелье Кара-Булун, ведущем в долину р. Эджим, были выявлены петроглифы эпохи бронзы и раннескифского времени (Килуновская 1998). Это в основном быки, поверх которых нанесено несколько строк орхонской руники, с которыми мы ознакомили Д. Д. Васильева в 2007 г. (Васильев 2009).

В ходе археологических раскопок в полосе отвода автомобильной дороги Туран — Хадын в Уюкской котловине (1986–1990, 2009–2010) был открыт элитный памятник уюкской культуры могильник Кош-Пей. Здесь было раскопано три больших кургана (кург. 1 имел земляную насыпь, кург. 2 — без наземного сооружения, кург. 3 — с земляной насыпью, обложенной по краю камнем). Они содержали захоронения конца VI — начала V в. до н. э., в глубоких ямах с дромосами. Зафиксирован сложный погребальный ритуал с созданием погребальной площадки и заполнением ямы принесенным илом из оз. Белого, а в кург. 3 над могилой было установлено сооружение из жердей, напоминающее юрту. Среди находок представлены золотые нашивные украшения на костюм и головной убор, серьги, бусы из сердолика, бирюзы и золота, бронзовые зеркала, оружие из бронзы и железа (частично пластированные золотом), бронзовый котелок-курильница (кург. 2), находящий аналогии в пазырыкской культуре (Семенов 2010; 2015а: 95–98; 2015б: 186, 187).

В 1994 и 1995 гг. экспедиция работала в Монгун-Тайге. Была поставлена научная цель — понять культурно-хронологическое значение погребальных памятников разного типа в этом регионе (Семенов 1997б). Исследованы курганы монгун-тайгинской культуры (Терге-Кежиг), и раскопан погребально-ритуальный комплекс (Холаш), в центре которого находился большой курган. Конструктивные особенности, а именно плоское пирамидальное наземное сооружение, центральное захоронение в яме с остатками деревянной рамы, большое количество поминальных колец вокруг кургана, наличие в насыпи керамических сосудов с валиком под венчиком, позволяют соотнести его с раннескифской алды-бельской культурой. Однако под наземным сооружением к северу от центральной могильной ямы находился комплекс, состоящий из четырех цист, установленных на уровне древней дневной поверхности (шанчигского типа), а с ЮВ лежали два оленных камня раннего монголо-забайкальского типа. Наличие разнокультурных компонентов в одном памятнике позволяет его рассматривать «как переходный от аржанского к последующим этапам скифского времени» (Семенов 1997б: 33; Савинов 2002: 90).

В 2009 г. начались исследования по трассе планируемой железной дороги Кызыл — Курагино. На территории Тувы дорога должна была пройти по Кызылскому (правый берег Улуг-Хема, долина р. Ээрбек) и Пий-Хемскому (так называемая «долина царей») кожуунам. Всего 110 км. В ходе разведок в 2009–2014 гг. обнаружено 178 объектов археологического наследия: шесть стоянок, одно местонахождение петроглифов, 171 могильник — от эпохи бронзы (монгун-тайгинская культура), скифского времени до раннего Средневековья.

В 2011–2014 г. при поддержке Российского географического общества на территории Тувы велись раскопки на 32 могильниках: Ээрбек 2 и 10, Ак-Даг 1 и 2, Бай-Даг 1–10 (в 2011 г. в раскопках на Бай-Даг 1 и Ак-Даг 1 участвовал ИАЭТ СО РАН в лице Ю. С. Худякова, О. А. Митко, Ю. В. Тетерина, а в 2014 г. в раскопках Бай-Даг 8 — ИА РАН в лице И. В. Рукавишниковой), Кара-Чоога 3 и 4, Кадылын 1, Черная Речка 1, Эки-Оттук 1–3, Саускен 1–5, 7 в Кызылском кожууне и Белое Озеро 1, 3, 3а и 4, Оргу-Хову. Раскопано 29 курганов в 2011 г., 42 кургана — в 2012 г., 24 кургана — в 2013 г., 60 курганов — в 2014 г., всего 155 курганов, в которых исследовано 260 погребений разных исторических периодов. В 2011 г. проводились раскопки на стоянке Кара-Орга (400 м²) эпохи бронзы с захоронениями плит с окуневскими личинами. В 2014 г. производились раскопки городища Катылыг 5 кокэльской культуры (IV–V вв. н. э.), где было зафиксировано более чем 500 хозяйственных ям, часть с железоделательными печами, углежогными ямами, захоронениями (Килуновская, Семенов 2013; Килуновская и др. 2014; 2015; Дорога длиной в тысячелетия... 2015).

В 2015 г. на левом берегу Улуг-Хема на территории строительства ГОК «Элегест» в уро-чище Бай-Булун работы велись на семи могильниках под названием «Красная Горка». Раскопано 57 объектов: 21 — монгун-тайгинской культуры (Х–IX вв. до н. э.); девять — предшествующего периода (II тыс. до н. э.); три — раннескифского времени — алды-бельской культуры (VIII–VI вв. до н. э.); шесть — уюкско-саглынской культуры (VI–II вв. до н. э.); восемь — начала нашей эры (I–V вв. н. э.); семь — эпохи кыргызов с трупосожже-нием на горизонте (IX–XI вв. н. э.); три — древнетюркского времени (захоронение коня) (VII–VII вв. н. э.). Найдено четыре оленных камня и 305 артефактов (Килуновская и др. 2017).

В результате реализации проекта «Кызыл — Курагино» были полностью исследованы могильники с захоронениями разных периодов, что позволило выстроить достаточно чет-кую хронологию этих памятников (Килуновская 2019), проследить тенденции в соотно-шении культурных традиций, а для памятников в долине р. Ээрбек, которая представляет собой относительно изолированный регион, на основе комплексного изучения, включаю-щего антропологию и генетику, создать некую модель этнокультурных процессов в I тыс. до н. э. (Килуновская и др. 2023а).

В 2021 г. совместно с ООО «Красноярская Геоархеология» проводились раскопки в по-лосе отвода автомобильной дороги Кызыл — Чадан — Хандагайты — Монголия на участ-ке вдоль р. Хондергей. На девяти могильниках раскопано 27 объектов. На могильнике Хондергей-21 исследован комплекс из трех курганов монгун-тайгинской культуры, вы-строившихся в цепочку (Килуновская и др. 2021б: 148–155). Два объекта содержали по-гребения мужчины (11) и женщины (12) в узких могильных ямах, тщательно перекрытых несколькими слоями плит, окруженные оградами подпрямоугольной формы. Они отно-сятся к первому (раннему) типу монгун-тайгинских курганов (по: Чугунов 1994). В тазо-вых костях мужчины обнаружен втульчатый костяной наконечник стрелы. У него неболь-шая выделенная втулка, опущенные жальца и ромбическое сечение бойка. Данная находка уникальна, точных аналогий ей пока не найдено. В третьем кургане, расположенному между ними (10), было захоронение в невысокой валунной цисте на уровне древней дневной по-верхности, что соответствует второму типу памятников.

На могильнике Хондергей-22, который делится на две части, вдоль реки расположе-ны сильно разрушенные при строительстве дороги курганы монгун-тайгинской культу-ры. Под одним из них частично сохранилась выкладка из небольших камней в виде быка (Килуновская 2023). Данный геоглиф является уникальным для Саяно-Алтая и датируется эпохой бронзы по обнаруженной в нем керамике. В степной части находится несколько десятков каменных курганов с глубокими западинами, выстроившимися в цепочки в на-правлении С–Ю. В двух курганах были исследованы коллективные захоронения в срубах уюкско-саглынской культуры — IV–III вв. до н. э. Обнаруженный в них инвентарь — укra-шения одежды и поясов, керамика, оружие (особенно интересен биметаллический акинак) и бронзовые котлы — свидетельствуют о том, что Тува в этот период не только выступала в роли посредника между различными кочевническими и земледельческими культурами Центральной Азии и Южной Сибири, но и сама принимала участие в сложении новых ко-чевнических культур (Килуновская и др. 2021б: 151–153).

С 2000 г. ТАЭ проводит постоянный мониторинг памятников археологии на «дне» Саяно-Шушенского водохранилища, а с 2015 г. — раскопки при поддержке Русского географического общества (подробно см.: Килуновская и др. 2023б). В течение мая — июня мно-гокилометровые пространства по обоим берегам Верхнего Енисея освобождаются от воды и появляется возможность исследовать памятники, которые разрушаются под воздействи-ем «гуляющей» воды. В результате зафиксированы многочисленные памятники наскально-го искусства, большая часть которых была изучена М. А. Дэвлет (сейчас открываются но-вые плоскости, до этого занесенные песком или заросшие лишайником, с помощью новых технологий их удается зафиксировать) (Килуновская 2006; 2012); раскопаны могильники эпохи бронзы и скифского времени.

Самым важным открытием являются грунтовые могильники эпохи хунну (конца II — I в. до н. э.) Ала-Тей 1 и Терезин. На Ала-Тее 1 исследовано 121 погребение, а на Терезине — 46. До настоящего времени были известны лишь единичные памятники этой эпохи. Найдено большое количество уникальных артефактов — китайские зеркала и их копии; китайские монеты; украшения пояса в виде больших бронзовых ажурных пряжек с изображениями; бляхи и пряжки из каменного угля или сибирского гагата с инкрустациями полудрагоценными камнями и тончайшими гравировками; серьги с подвесками из веточек коралла, привезенные с Персидского залива; керамика хуннского облика; необычные перегородчатые сосуды-светильники, которые располагались на краю могил (Килуновская, Леус 2018; 2021).

Очень важны находки атипичных захоронений и предметов. Например, на могильнике Ала-Тей 4 исследовано два захоронения раннескифского времени — мужское и женское, которые отличаются необычной позой — на спине, со слегка согнутыми ногами, головой на С, могильная яма утрамбована очень большими валунами, а у погребенных зафиксированы повреждения — у мужчины травмы головы и конечностей, у женщины перелом шейных позвонков. При этом погребальный инвентарь аналогичен алды-бельской культуре Тувы. За одним исключением — у мужчины была найдена на поясе бляшка с изображением головы оленя, находящая полные соответствия в Монголии. Иными словами, перед нами представители инокультурного населения, попавшего в Туву из сопредельных территорий, происхождение которого еще предстоит выяснить. О существовании связей Тувы с сопредельными территориями говорит и открытие в 2022 г. на могильнике Ала-Тей 6 захоронения молодой женщины, в котором были обнаружены бронзовые серьги андроновского типа (Килуновская, Леус 2024: 71–74). На могильнике Ыттыг-Аттыг-Тей 1 исследованы захоронения в срубах позднескифского времени (III–II вв. до н. э.) (объекты 1 и 11). В объекте 1 найдено большое количество инвентаря, из которого большой интерес представляют керамические орнаментированные сосуды в виде фляг (с уплощенными стенками) — подобные были обнаружены и на Хондергее-22 и находят соответствие только в Бактрии и Синьцзяне. В объекте 11 в центре могилы мужчина и женщина были уложены в позе «объятья» (Семенов А. 2024).

Во второй половине лета начиная с 2015 г. ТАЭ проводит работы в южных районах Тувы, где исследуются памятники наскального искусства («галереи» с более чем 1000 изображений разных периодов) (Кара-Туруг 1, Кую-Даг 1–10, Мортук 1 и 2) (Килуновская и др. 2020б), раскопаны могилы и ритуальные геометрические выкладки эпохи ранней и средней бронзы (могильник Кара-Туруг 2), скифского времени (могильники Кара-Туруг 3, Боора-Шай) (Килуновская 2018; Килуновская, Бусова 2020), исследован самый большой комплекс с херексурами и оленными камнями в этом регионе Центральной Азии (могильник Ховужук-Аксы) (Килуновская 2021). Одна из задач экспедиции состоит в фиксации рисунков и определении границ памятников. С 2017 г. проводятся разведки совместно с Институтом археологии Монгольской АН (МАН) на границе с Монгoliей в районе пос. Дус-Даг, Давс и Боршоо. Исследованы памятники наскального искусства и могильники. Применяется новый метод фиксации древних рисунков с помощью 3D-сканирования.

Большая работа по изучению наскальных изображений была проделана в 2024–2025 гг. в Монголии совместно с Институтом археологии МАН (Д. Содномжамц и Г. Маргад-Ердэнэ): исследовался памятник Бичигтийн-Хая около пограничного пункта Боршоо. Это скальный массив, протянувшийся на 4–6 км вдоль монгольской границы, на котором было зафиксировано несколько сотен плоскостей с рисунками различных эпох. Особенно интересны изображения оленей в раннескифском и таштыкском стилях, верблюдов, быков, сцены охоты и преследования копытных хищниками, тюркские надписи и тамги. В 4 км нашли новый памятник наскального искусства Худний-Хото с более 250 плоскостями, на которых представлены сцены охоты, скифские олени, стада кабанов и стая дроф, а на самой вершине находится большая фигура выночного быка.

Отдельный проект — поиск древних поселений, который возглавляет В. С. Бусова, в результате которого разрабатывается методика поиска памятников и ведутся исследования

стоянки-мастерской на юге Тувы. В 2021–2024 гг. выявлены новые стоянки эпохи раннего железного века в Овюре (Кара-Дыт II, Хам-Дыт I и II), а также в 2022–2024 гг. совместно с Дендроархеологическим отрядом ИАЭТ СО РАН исследовался раннесредневековый металлургический комплекс Кара-Дыт III. В результате выявлено шесть печей, три из которых изучены полностью. Печи имели овальную форму (тип Ченге-Аксы, глубина до 0,6 м) и были расположены вокруг шлаковыводных ям. Найдены крупные фрагменты сопел, собраны образцы горновых и выпускных шлаков, геохимические особенности которых проанализированы в Южно-Уральском федеральном научном центре минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН (г. Миасс). Собрано почти 1700 древесных углей из печей, которые пригодны для построения тысячелетних древесно-кольцевых хронологий в лесостепной зоне. Вероятно, основным источником железорудного сырья для стоянки Кара-Дыт III служили богатые гематит-магнетитовые руды верхних горизонтов зоны окисления («железной шляпы») месторождений Улаатайского рудного поля (40 км к востоку от памятника) либо слабые рудные проявления на берегу реки Кара-Дыт, которые свидетельствуют о том, что здесь тоже когда-то было железо. Для поиска ответов на ресурсные вопросы 2-м отрядом ТАЭ ежегодно ведутся разведки совместно с геологами из Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (Бусова и др. 2024).

В ходе исследований ТАЭ ИИМК РАН получен материал практически по всем хронологическим периодам. Многие памятники исследованы монографически, что позволяет проследить их стратиграфию, планиграфию, сделать выводы о хронологии и культурном взаимодействии этих уникальных объектов древности в довольно компактном регионе. Кроме того, получена обширнейшая коллекция находок по разным хронологическим периодам. В данной статье мы остановились лишь на описании самых масштабных работ экспедиции, так как весь объем исследований возможно уместить только в большую монографию, состоящую из нескольких томов.

Таким образом, экспедиция живет!!! Нужно отметить, что большую роль играет участие в наших работах Русского географического общества, без которого было бы невозможным выполнение программы по раскопкам в зоне строительства Кызыл — Курагино, а самое главное — в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Саянское море имеет сезонный характер, и лишь на непродолжительный период становится возможным исследование памятников на его дне, что и осуществляется при поддержке РГО. По традиции в экспедиции принимают участие волонтеры, студенты, художники, фотографы — те, кто неравнодушен к истории и красотам родной земли.

Литература

- Боковенко 1995 — Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в Центральной Азии // Южная Сибирь в древности. СПб.: б. и., 1995. С. 85–90 (Археологические изыскания. Вып. 24).
- Бусова и др. 2024 — Бусова В. С., Анкушев М. Н., Филатова М. О., Агатова А. Р., Непоп Р. К., Сычева О. В. Источники руд и шлаки металлургического комплекса Кара-Дыт III (Республика Тыва) // Анкушева Н. Н., Анкушева М. Н. (ред.). Геоархеология и археологическая минералогия-2024. Миасс; Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, 2024. С. 189–194.
- Васильев 2009 — Васильев Д. Д. Тюркские рунические надписи из урочища Кара-Булун и их орфографические особенности // Эпиграфика Востока. 2009. Вып. 28. С. 21–25.
- Васильев, Семенов 1986 — Васильев Д. Д., Семенов Вл. А. Новые находки памятников тюркской рунической письменности // Солнцев В. М. (ред.). Историко-культурные контакты алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии постоянной междунар. алтайской конф. М., 1986. С. 127–128.
- Длужневская, Семенов 1990 — Длужевская Г. В., Семенов Вл. А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Худяков Ю. С. (ред.). Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: б. и., 1990. С. 76–91.

- Дорога длиной в тысячелетия... 2015 — Дорога длиной в тысячелетия... / Соловьева Н. Ф. (ред.). СПб.: Любавич, 2015. 196 с., цв. ил.
- Килуновская 1995 — Килуновская М. Е. Петроглифы на правом берегу Улуг-Хема // Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории. 1995. Вып. 18. С. 166–169.
- Килуновская 1998 — Килуновская М. Е. Быки Кара-Булуна // Савинов Д. Г. (ред.). Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 159–163.
- Килуновская 2006 — Килуновская М. Е. Наскальные изображения в зоне затопления Саянской ГЭС — проблемы изучения и мониторинга // Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). Современные проблемы археологии России. Материалы Всерос. археологического съезда (23–28.10.2006, Новосибирск). Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 300–302.
- Килуновская 2012 — Килуновская М. Е. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Субботин А. В. (ред.). Археологические памятники России: охрана и мониторинг. СПб.: ИнфоЛ, 2012. С. 102–176.
- Килуновская 2018 — Килуновская М. Е. Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). Серия «Археология». Вып. 5. С. 35–54.
- Килуновская 2019 — Килуновская М. Е. Относительная и абсолютная хронология археологических памятников в долине р. Ээрбек (Центральная Тыва) // Поляков А. В., Ткач Е. С. (ред.). Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тысячелетий до н. э.). К 80-летию В. С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 63–65.
- Килуновская 2021 — Килуновская М. Е. Комплекс с оленными камнями на могильнике Ховужук-Аксы (Овюрский кожуун Республики Тыва) // Ковалев А. А. Эрдэнэбаатар Д. Олennые камни в ритуале древних кочевников Монголии. Хар говь, Суртийн дэнж. СПб.: Гос. Музей-институт семьи Рерихов, 2021. С. 93–116.
- Килуновская 2023 — Килуновская М. Е. Ритуальные памятники эпохи бронзы в Туве // Король Г. Г., Миклашевич Е. А. (ред.). Тропою тысячелетий. Памяти М. А. Дэвслет. М.: ИА РАН, 2023. С. 144–153.
- Килуновская, Бусова 2020 — Килуновская М. Е., Бусова В. С. Археологические памятники Овюра: история изучения, современное состояние и перспективы исследований // Археологические вести. 2020. Вып. 26. С. 188–201.
- Килуновская, Леус 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская, Леус 2021 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Датировка могильников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). Серия «Археология». С. 79–91.
- Килуновская, Леус 2024 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Инокультурные инфильтрации в эпохи бронзы и раннего железного века в Туве // Яценко С. А., Куприянова Е. В. (ред.). Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Симферополь: Печатный Двор, 2024. С. 69–78.
- Килуновская, Семенов 2013 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Исследования тувинской археологической экспедиции на трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень «Охранная археология». 2013. № 3. С. 197–222.
- Килуновская и др. 2014 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Глухов В., Завьялов В. А., Садыков Т. Р., Смирнов Н. Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень «Охранная археология». 2014. № 4. С. 327–366.
- Килуновская и др. 2015 — Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Семенов Вл. А., Садыков Т. Р. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине реки Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень «Охранная археология». 2015. № 5. С. 193–224.
- Килуновская и др. 2017 — Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Семенов Вл. А., Садыков Т. Р., Смирнов Н. Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень «Охранная археология». 2017. № 6. С. 151–182.
- Килуновская и др. 2020а — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альброва И. Э., Мацвай А. Д. Уникальное захоронение ребенка раннескифского времени на могильнике Сарыг-Булун (Тыва) // Stratum plus. 2020. № 3. С. 379–406.

- Килуновская и др. 20206 — Килуновская М. Е., Семенов А. В., Чадамба Л. Д. Памятники наскального искусства в долине реки Торгалык — гора Кара-Туруг (Овюрский район Республики Тыва) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 21–44.
- Килуновская и др. 2021а — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Потрахов Н. Н., Староверов Н. Е., Медникова М. Б. Мумифицированное погребение ребенка из могильника Сарыг-Булун (Центральная Тыва) в свете данных археологии, рентгенографии, антропологии и генетики // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). Социальная биоархеология. С. 6–18.
- Килуновская и др. 20216 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Ключников Т. А., Галухин Л. Л., Денисенко В. Л., Кириллов Е. Л., Лазаревская Н. А., Монгуш К. М., Монгуш М. А., Семенов А. В. Раскопки в долине реки Хондергей в зоне проектируемого капитального ремонта автодороги Р-257 «Енисей» Красноярск — Кызыл — граница с Монголией (Дзун-Хемчикский район Республики Тыва) в 2021 г. // Бюллетень «Охранная археология». 2021. № 10. С. 139–160.
- Килуновская и др. 2023а — Килуновская М. Е., Альборова И. Э., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Учанева Е. Н. Памятники середины I тысячелетия до н. э. в урочище Эки-Оттуг (Центральная Тыва): от типологии и хронологии к антропологии и генетике // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 245–273.
- Килуновская и др. 20236 — Килуновская М. Е., Леус П. М., Семенов А. В., Семенов Вл. А. Комплексная археолого-географическая экспедиция в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Республике Тыва: основные итоги, проблемы и перспективы // Записки ИИМК РАН. 2023. Вып. 29. С. 192–201.
- Савинов 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Семенов 1997а — Семенов Вл. А. Могильник Сыпучий Яр — новый памятник алды-бельской культуры на правобережье Улуг-Хема // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН (28–30.04.1997). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 31–33 (Археологические изыскания. Вып. 42).
- Семенов 19976 — Семенов Вл. А. Монгун-Тайга: археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг. СПб.: б. и., 1997. 48 с., 52 рис. (Археологические изыскания. Вып. 54).
- Семенов 2001 — Семенов Вл. А. Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Туве // Фроянов И. Я., Астахов С. Н. (ред.). Евразия сквозь века: Сб. ст. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 167–172.
- Семенов 2003 — Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 237 с.
- Семенов 2010 — Семенов Вл. А. Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.) // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 241–246.
- Семенов 2015а — Семенов Вл. А. Искусство варварских племен. СПб.: Тип. НП «Принт», 2015. 400 с.
- Семенов 2015б — Семенов Вл. А. Элитные погребения уюкской культуры у горы Кош-Пей (Тыва) // Базаров Б. В. (ред.). Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 7–8.04.2015). Иркутск: Оттиск, 2015. С. 178–187.
- Семенов, Килуновская 1990 — Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1990. Вып. 17. С. 36–47.
- Семенов и др. 1995 — Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Чугунов К. В. Археологические исследования на правобережье Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. СПб.: б. и., 1995. С. 23–31 (Археологические изыскания. Вып. 24).
- Семенов А. 2010 — Семенов А. В. Горные святилища Тувы // Вестник СПбГУ. 2010. Серия 2, вып. 4. С. 140–146.
- Семенов А. 2024 — Семенов А. В. Новые находки атипичных предметов в составе погребального инвентаря позднескифского времени Тувы: результат конвергентного развития или следы межкультурных контактов // Яценко С. А., Куприянова Е. В. (ред.). Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Симферополь: Печатный Двор, 2024. С. 145–154.
- Чугунов 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.

TUVA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF IHMC RAS IS 40 YEARS OLD

M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov, A. V. Semenov, P. M. Leus, V. S. Busova

Keywords: *Tuva, occupation sites, cemeteries, petroglyphs, Bronze Age, Mongun-Taiga culture, Scythian time, Aldy-Belsk culture, Uyuk-Salgyn culture, Kokel culture, Xiongnu time*

2025 marks 60 years since the establishment of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition (STAE) that worked in Central Tuva. Since 1985, the Tuva Archaeological Expedition of IHMC RAS, the successor of STAE, headed by Prof. Vl. A. Semenov and candidate of history M. E. Kilunovskaya, has worked in different parts of the Republic of Tuva. The main directions of research included: 1) field reconnaissance and excavations in zones of construction activity; 2) excavations and monitoring of archaeological sites in the inundation zone of the Sayan-Shushenskoe hydroelectric station; 3) studies of rock drawings; 4) studies of archaeological sites in the southern part of Tuva (Ovyur, Erzin, Mongul-Taiga); 5) studies of archaeological sites on the border between Tuva and Mongolia (Ubsu-Nur depression); 6) analysis and publication of obtained materials (publication of monographs and papers, organization of exhibitions in St. Petersburg, Moscow, Kyzyl, lecturing, media stories, etc.).

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТУВЫ, ПЕРЕДАННЫХ В ЭРМИТАЖ ЭКСПЕДИЦИЕЙ А. Д. ГРАЧА

Л. С. МАРСАДОЛОВ¹

Ключевые слова: Тува, Государственный Эрмитаж, А. Д. Грач, кочевники, каменные изваяния, эпоха бронзы, древнетюркское время.

В настоящее время в Государственном Эрмитаже хранится 12 каменных изваяний, переданных А. Д. Грачом в 1967 г., из которых 11 находятся на постоянных экспозициях музея. Ранее А. Д. Грач и другие археологи считали, что все эти 12 изваяний относятся к «древнетюркскому времени». Ныне территория Тувы выделяется «белым пятном» на археологической карте Южной Сибири среди культур с каменными скульптурами эпохи бронзы. Автор статьи пришел к выводу, что в эрмитажной коллекции к древнетюркскому периоду относятся только девять изваяний (рис. 1; 2), а три скульптуры, вероятно, были созданы в эпоху бронзы (рис. 1; 3; 4). Каменные изваяния из Эрмитажа являются важными источниками для изучения древней и средневековой истории и культуры кочевников Тувы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-46-54

Введение

Каменные изваяния на территории Евразии являются ценными археологическими, историческими, культурными, социологическими, этническими и политическими источниками. Границы распространения скульптурных изображений разных исторических периодов — от эпохи бронзы до Средневековья — были обширны и проходили по всему евразийскому степному поясу. Концентрация этих изваяний в разных регионах и в разные периоды не была равномерной. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, не все регионы изучены достаточно хорошо, а с другой — в разные периоды истории предшествующие изваяния часто переиспользовали, переделывали и дополняли новыми деталями, а также уничтожали, закапывали или устанавливали на новых местах. Особый интерес для археологов должны представлять регионы, которые являются «белыми пятнами» на археологических картах разных периодов истории. Поэтому иногда на основе новых данных необходимо передатировать ранее найденные и изученные изваяния.

Краткая история изучения изваяний Тувы

Первые каменные изваяния в Туве были найдены в 1881 г. во время путешествия по Саяно-Алтаю А. В. Адрианова. Позднее древнетюркские статуи Тувы изучали многие исследователи — Д. Каррутерс, С. Р. Минцлов, Н. Г. Богатырёв, Л. П. Потапов, Л. А. Евтихова, С. В. Киселёв, А. Д. Грач, Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол, В. Т. Монгуш, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, В. Д. Кубарев и другие ученые (Грач 1961; Дыртык-оол 2006; Килуновская 2009).

Александр Данилович Грач (1928–1981) впервые приехал в Туву в 1953 г. В 1953–1960 гг. в ходе его экспедиционных работ в разных районах Тувы было найдено 58 изваяний (рис. 1),

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

© Марсадолов Л. С., 2025

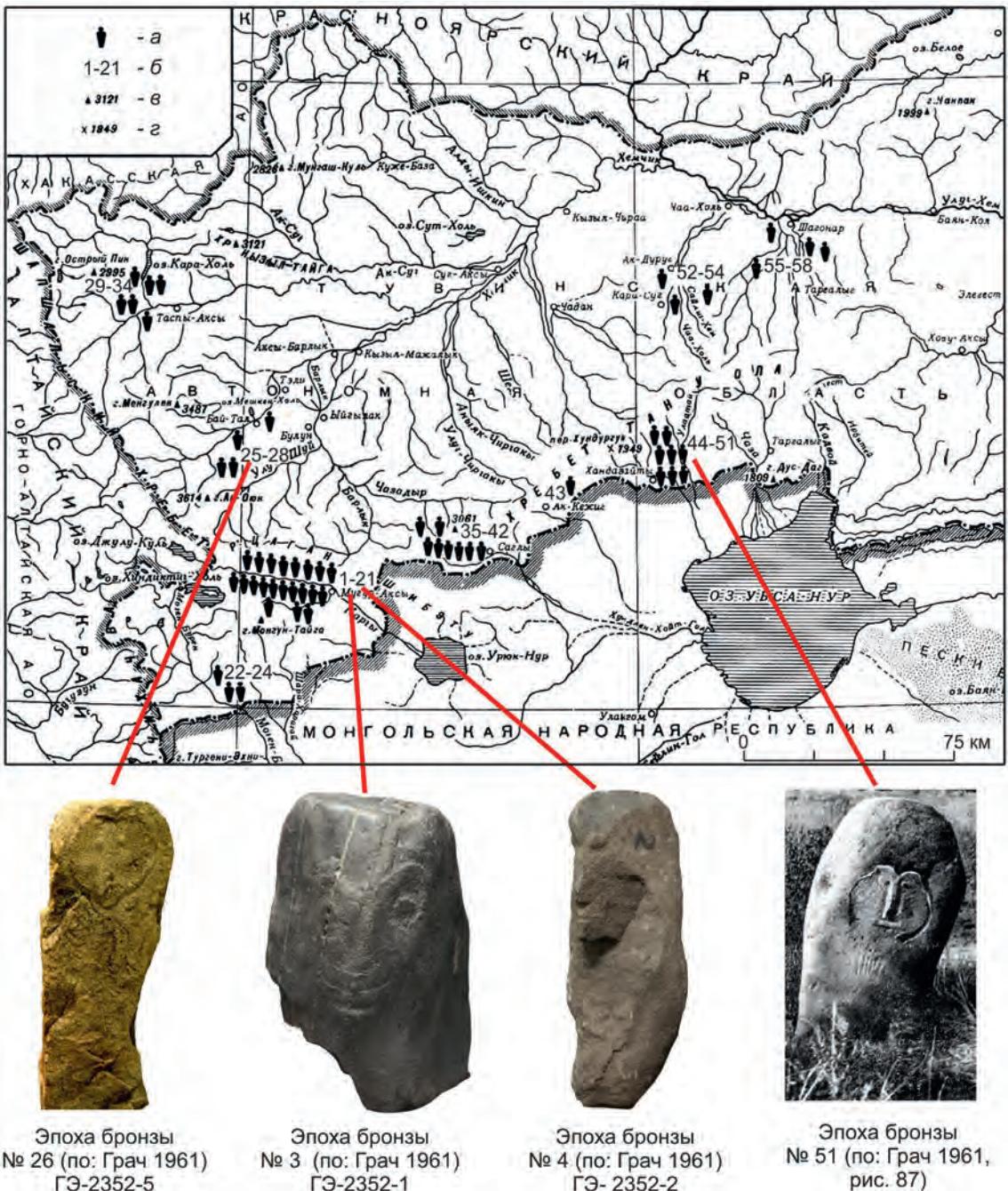

Рис. 1. Каменные изваяния древнетюркского времени и эпохи бронзы в Туве. Местонахождения на карте изваяний эпохи бронзы указаны красными линиями. Условные обозначения: *a* — изваяния; *b* — номера изваяний; *v* — отметки высот; *z* — высота перевалов (по: Грач 1961: вклейка между с. 52 и 53, с добавлениями Л. С. Марсадолова)

Fig. 1. Stone sculptures of the Ancient Turkic time and the Bronze Age in Tuva. Locations the Bronze Age statue on map indicated by red lines. Legend: *a* — sculptures; *b* — numbers of statues; *c* — elevations; *z* — the height of the passes (after: Грач 1961: drawing-pasting between page 52 and 53, modified by L. S. Marsadolov)

в два раза больше, чем за все предшествующее время. А. Д. Грач научно обработал каждое найденное им изваяние и в 1961 г. опубликовал книгу «Древнетюркские изваяния Тувы», а в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на эту тему. Эта книга актуальна до сих пор и оказала большое влияние на многих ученых, занимающихся этой тематикой.

30 ноября 1967 г. из ЛОИА АН СССР А. Д. Грач передал в Государственный Эрмитаж 12 каменных изваяний, которые позднее были инвентаризированы и ныне составляют коллекцию № 2352. Хранителями этой коллекции с 1967 по 1992 г. была М. П. Завитухина, а с 1992 г. — Л. С. Марсадолов.

Долгое время на постоянной выставке Эрмитажа экспонировалось только одно, самое красивое, каменное изваяние из этой коллекции, найденное в Монгун-Тайгинском районе на р. Каргы, которое и ныне находится на первом этаже Зимнего дворца в зале 32 (рис. 2, 3; инв. № 2352-3). В 2005 г. из хранилища в Зимнем дворце 11 изваяний были перевезены в эрмитажный реставрационно-хранительский центр «Старая Деревня» (РХЦ), из них 10 каменных скульптур входят в маршрут открытого хранения, а одно изваяние находится в фонде хранилища РХЦ.

В 2012–2014 гг. семь из 12 каменных изваяний из Тувы экспонировались на временных выставках Эрмитажа в Казани («Кочевники Евразии на пути к империи»; центр «Эрмитаж–Казань», 18.06.2012–31.03.2013) и в Выборге («Мир кочевников»; выставочный центр «Эрмитаж–Выборг», 19.11.2013–25.05.2014), которые посетили сотни тысяч человек. Сведения об этих изваяниях и их изображения были опубликованы в каталогах, изданных к открытию выставок (Марсадолов 2012: 184, 185, 188–190; 2013: 105–107).

Изваяния древнетюркского времени из Тувы

Древнетюркские каменные скульптуры Евразии и Тувы — замечательные памятники монументального и сакрального искусства, пережившие столетия и дошедшие до наших дней. Эти объекты с каждым годом все реже сохраняются в первозданном ландшафте степных просторов и горных долин.

После тщательного анализа каждого музеиного изваяния в настоящее время автор этой статьи считает, что к древнетюркскому времени относятся только девять скульптур, хранящихся в Государственном Эрмитаже (инв. № 2352-3, 4, 6–12; четыре — переиспользованы?), а три изваяния, вероятно, были созданы в эпоху бронзы (инв. № 2352-1, 2, 5).

А. Д. Грач в своей монографии (1961) привел подробные описания местонахождений и каждого изученного им изваяния, дал общее описание, классификацию, семантику и датировку, поэтому мы не будем останавливаться на их детальных характеристиках. По своему оформлению эрмитажные изваяния древнетюркского времени относятся к разным стилистическим традициям, группам и были найдены в разных районах Тувы (рис. 2).

Изваяния периода бронзы из Тувы и их аналогии

На территории Евразии разные по стилистическим признакам скульптуры периода бронзы археологически изучены неравномерно. Довольно много изваяний известно в Западной и Восточной Европе, Передней Азии, гораздо меньше — в Синьцзяне, на Алтае и в Монголии. Среди других регионов особо большим числом находок выделяется территория современной Хакасии и Минусинской котловины, где ныне известны более 300 изваяний и крупных плит с изображениями «окуневской» культуры.

В настоящее время в Туве имеются сведения об около 150 «оленных» камнях и около 120 скульптурах древнетюркского времени (Килуновская 2009). По материалам исследований разных археологов в Туве ныне изучены погребения, ритуальные выкладки, петроглифы и предметы эпохи бронзы. «Белым пятном» на археологической карте Южной Сибири среди культур с каменными скульптурами эпохи бронзы ныне выделяется территория Тувы.

К сожалению, музейные инвентарные книги, так же как и археологические не совсем точные рисунки, выполненные в разных стилях, недостаточно информативны касательно изобразительного облика и деталей каменных изваяний. Очень часто гораздо более полезны

Рис. 2. Каменные изваяния древнетюркского периода из Гос. Эрмитажа (фотографии), инв. №: 1 — 2352-6; 2 — 2352-10; 3 — 2352-3; 4 — 2352-8; 5 — 2352-4; 6 — 2352-11; 7 — 2352-12; 8 — 2352-9; 9 — 2352-7. Районы Тувы: 1 — Бай-Тал; 2, 4, 6, 8, 9 — Овюрский; 3 — Монгун-Тайга; 5, 7 — Бай-Тайга

Fig. 2. Stone sculptures of the Ancient Turkic period from The State Hermitage museum (photographs), Inv. no.: 1 — 2352-6; 2 — 2352-10; 3 — 2352-3; 4 — 2352-8; 5 — 2352-4; 6 — 2352-11; 7 — 2352-12; 8 — 2352-9; 9 — 2352-7. Districts: 1 — Bai-Tal; 2, 4, 6, 8, 9 — Ovursky; 3 — Mongun-Taiga; 5, 7 — Bai-Taiga

в этом отношении профессионально выполненные фотографии, позволяющие получить более углубленное представление об изваянии (рис. 2–4).

В отличие от древнетюркских изваяний, скульптуры эпохи бронзы в основном можно опознать по выпуклым или углубленным круглым глазам (иногда дополнительно обведенным еще одним крупным кругом), которые близко сдвинуты к переносице большого по размерам носа, переданного выступающим рельефом или углубленной выбивкой. Если лицо на древнетюркских изваяниях в основном имеет округлую форму с «миндалевидными» глазами, то у скульптур эпохи бронзы часто встречается «сердцевидное» изображение лица (с широкой верхней частью, с понижением к центру «лба» и сильно сужающимися книзу) и круглыми глазами.

Два изваяния эпохи бронзы были обнаружены А. Д. Грачом в Монгун-Тайгинском районе Тувы, на правом берегу р. Каргы.

На первом, созданном на невысоком камне коричневатого цвета, лицевая часть передана крупным рельефом, сильно выступающим вперед. «Лицо» имеет удлиненную книзу форму, с выступающими круглыми глазами, сдвинутыми к переносице крупного опущенного вниз носа и небольшим выделенным рельефом ртом (рис. 3, 1, 4, 5; инв. № 2352-2; Грач 1961: 19, 20, № 4; рис. 7–9). Размеры изваяния: высота — 83 см, ширина — 30 см, толщина — 30 см. Это изваяние из Тувы ранее Д. Г. Савинов отнес к кругу архаичных изображений и отметил: не исключено, что «традиция создания определенного антропоморфного образа существовала в Монголии еще до появления оленных камней, и, таким образом, изваяния типа Ушкийн-Увэра уже как бы завершают этот ряд» (Савинов 1994: 86, 87; табл. XIII, 8). Небольшая скульптура из долины р. Нижний Инеген, притока р. Катуни на Алтае (рис. 3, 7), близка по облику к изваянию из Тувы. На плите из темно-серого сланца, размерами 72 × 49 × 12 см, на узкой грани выбито рельефное антропоморфное лицо, а на широких сторонах расположены несколько «чашевидных» углублений и фигурки животных (Кубарев 2009: 65, 66; рис. 183, 184). Наибольшее число личин с крупными и небольшими круглыми глазами известно на изваяниях и плитах окуневской культуры в древней Хакасии (рис. 3, 6, 8; Леонтьев и др. 2006).

Голова второго изваяния из Тувы имела форму «сердцевидной» личины, выбитой на темном камне с белыми прожилками (общая высота изваяния — 81 см, ширина — 38 см, толщина — 37 см). У этой скульптуры крупные круглые глаза (что выделяет ее среди других скульптур Тувы), углубленный нос и маленький рот (рис. 4, 1; инв. № 2352-1; Грач 1961: 19, 20; № 3; рис. 5, 6). Стилистически к этому изваянию близок образ личины на каменной плите из комплекса Хаар чулут 1 в Монголии (рис. 4, 2; Ковалев, Мунхбаяр 2015: 201, рис. 53).

Третье изваяние было найдено А. Д. Грачом в Бай-Тайгинском районе. На каменной плите зеленоватого цвета вверху расположена рельефная «сердцевидная» личина. Размеры изваяния: высота — 106 см, ширина — 35 см, толщина — 12 см. Поверхность мягкого камня сильно разрушена, но хорошо различимы два небольших близко посаженных выпуклых круглых глаза и нос (рис. 4, 3, 4; инв. № 2352-5; Грач 1961: 33, 34; № 26; рис. 47, 48). Остальные детали лица будут уточнены после создания хорошей цифровой копии.

К этой стеле стилистически и хронологически близко четвертое изваяние (рис. 4, 5), с правобережья р. Улаатай на южных отрогах хребта Танну-Ола, которое известно только по публикации А. Д. Грача (1961: 49; № 51; рис. 87). Размеры этого изваяния: высота — 85 см, ширина — 36 см, толщина — 36 см. В верхней части валуна рельефно выбиты «сердцевидная» личина, два выпуклых круглых глаза, крупный нос, рот и небольшая «бородка?» (или пальцы руки?). К этой группе изваяний с «сердцевидной» личиной по стилю весьма близка голова каменной скульптуры из Ини на Центральном Алтае (рис. 4, 6; Кубарев 1979: 9, рис. 2, 2).

«Округлые» и «сердцевидные» формы «личин» эпох камня и бронзы характерны не только для изваяний, но и для рисунков на скалах или керамике Сибири, Центральной Азии, Дальнего Востока, Нижнего Амура, Америки и Европы (Окладникова 1979; Марсадолов 2025; и др.). Изваяния эпохи бронзы из Тувы имеют аналогии среди объектов в соседних регионах — на Алтае, в Монголии, Синьцзяне и Минусинской котловине (Кубарев 1979; 2009; Леонтьев и др. 2006; Марсадолов 2007; Ковалев, Мунхбаяр 2015; и др.).

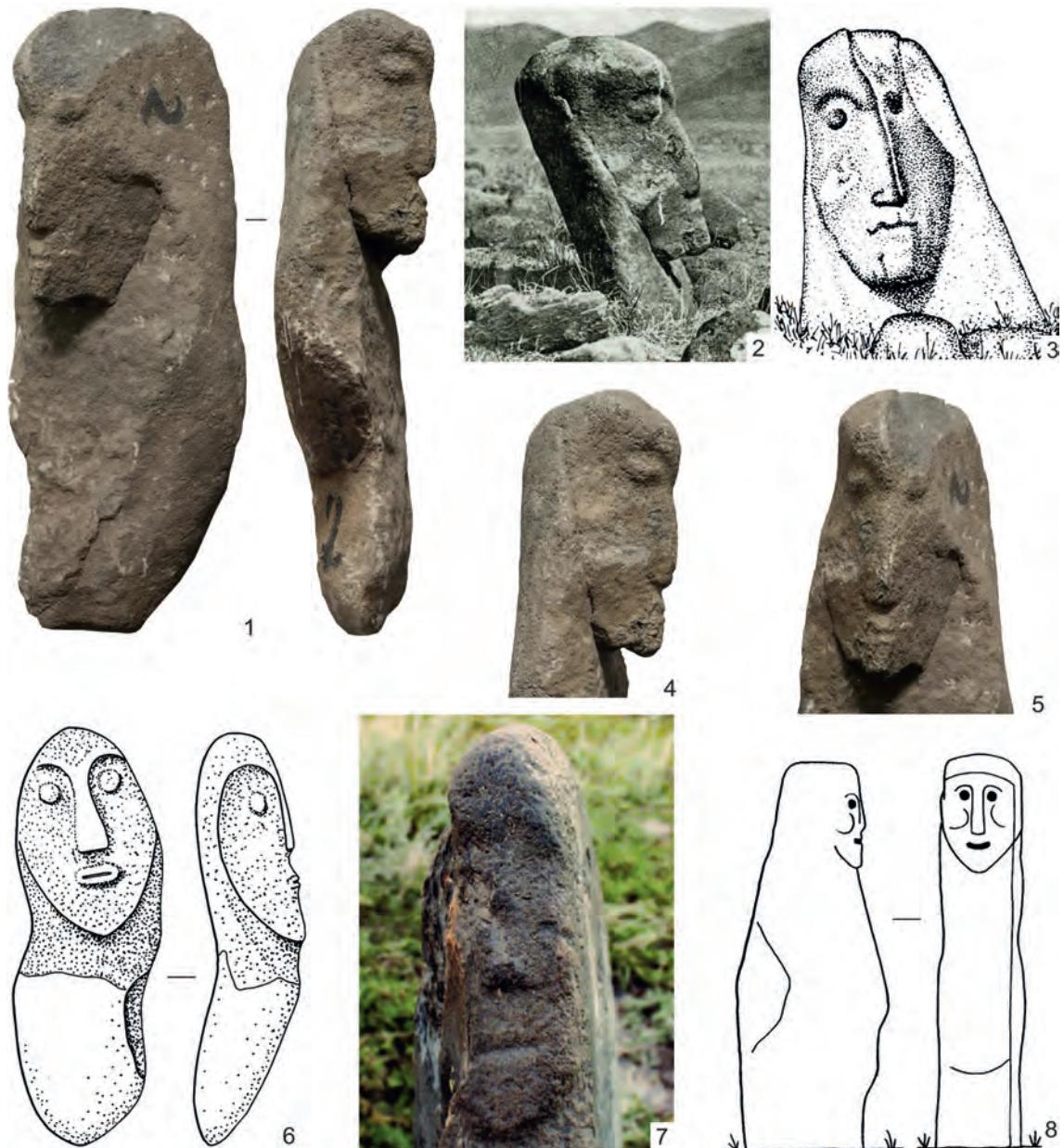

Рис. 3. Каменные изваяния эпохи бронзы (фотографии и рисунки): 1, 4, 5 — Гос. Эрмитаж (инв. № 2352-2); 2, 3 — Монгун-Тайга, Тува (по: Грач 1961: 19, 20, № 4, рис. 7–9); 6 — Усть-Абакан, р. Бейка, Хакасия (отдельная находка конца XIX в.; по: Леонтьев и др. 2006: № 121); 7 — Нижний Инегень, Алтай (по: Кубарев 2009: 65, рис. 183); 8 — Усть-Абакан, на реке Ниня, Хакасия (по: Леонтьев и др. 2006: № 23)

Fig. 3. Stone sculptures of the Bronze Age (photographs and drawings): 1, 4, 5 — The State Hermitage museum (Inv. no. 2352-2); 2, 3 — Mongun-Taiga, Tuva (after: Грач 1961: 19, 20, no. 4, fig. 7–9); 6 — Ust-Abakan, on the river Beika, Khakassia (a separate find of the late 19 century; after: Леонтьев и др. 2006: no. 121); 7 — Nizhny Inegen', Altai (after: Кубарев 2009: 65, fig. 183); 8 — Ust-Abakan, on the river Ninya, Khakassia (after: Леонтьев и др. 2006: no. 23)

Рис. 4. Каменные изваяния и обломок плиты (2) эпохи бронзы (фотографии и рисунки):
 1 — Гос. Эрмитаж (инв. № 2352-1; Монгун-Тайга, Тыва); 2 — из комплекса Хар чулут 1, Монголия
 (по: Ковалев, Мунхбаяр 2015: 201, рис. 53); 3, 4 — Бай-Тайга, Тыва (по: Грач 1961: 33, 34, № 26, рис. 47,
 48; Гос. Эрмитаж, инв. № 2352-5); 5 — Овюр, на р. Улаатай, Тыва (по: Грач 1961: 49, № 51); 6 — Иня,
 Алтай (по: Кубарев 1979: 9, рис. 2, 2)

Fig. 4. Stone sculptures and a fragment of a plate (2) of the Bronze Age (photographs, drawing): 1 — The State Hermitage museum (inv. no. 2352-1; Mongun Taiga, Tuva); 2 — from the Har Chuluut 1 complex, Mongolia (after: Ковалев, Мунхбаяр 2015: 201, fig. 53); 3, 4 — Bai-Taiga, Tuva (after: Грач 1961: 33, 34; no. 26, fig. 47, 48; The State Hermitage museum, inv. no. 2352-5); 5 — Ovyur, on the river Ulaatay, Tuva (after: Грач 1961: 49, no. 51); 6 — Inya, Altai (after: Кубарев 1979: 9, fig. 2, 2)

Вероятно, ряд древних изваяний из Тувы был переиспользован в последующие эпохи, и такие примеры известны на многих территориях Евразии. Например, комплекс объектов в урочище Адыр-Кан на Алтае, на берегу р. Чуи, находился ранее рядом с древней кочевой тропой (сейчас с Чуйским трактом) — одной из главных и жизненно необходимых транспортных дорог, соединяющей Алтай с Кузнецкой котловиной, Хакасией, Тувой, Монгoliей и Китаем. Изображения на изваяние в Адыр-Кане наносились в разные периоды, так как они отличаются по стилю, глубине выбивки и пр. Возможно, самым ранним изображением эпохи бронзы на этом камне является «лицо человека» (III–II тыс. до н. э.), резко отличающееся по глубине выбивки от остальных деталей и образов на этом камне. Изображения оружия и коня были нанесены позднее — в VIII–VII вв. до н. э. (Кубарев 1979; 2009; Марсадолов 2007).

Интересно отметить, что три из четырех вышеуказанных изваяний эпохи бронзы из Тувы имеют относительно небольшую высоту — 81–85 см, но зато их ширина и толщина довольно внушительные — 30–40 см (2352-1; 2352-2; Овюр, Улаатай), что также выделяет их среди средневековых скульптур.

Четыре каменных изваяния эпохи бронзы были найдены А. Д. Грачом в южных районах Тувы (рис. 1). Два изваяния, которые ныне можно отнести к эпохе бронзы, он еще в 1950-е гг. обнаружил в Монгун-Тайгинском районе. Этот и соседние районы археологам известны еще и тем, что там А. Д. Грач в 1950–1960-е гг. раскопал ряд объектов, которые позднее выделил в особую монгун-тайгинскую археологическую культуру эпохи бронзы (Грач 1971; Чугунов 1994). Ныне в Туве изучены и сложные ритуальные памятники эпохи бронзы (Килуновская 2023).

Возможно, в Туве к эпохе бронзы относится еще ряд изваяний — Гос. Эрмитаж, инв. № 2352-4 (переиспользовано?), а также опубликованные А. Д. Грачом в его книге 1961 г. — № 8, 53 и др. Автор не настаивает на датировке этих каменных изваяний эпохой бронзы, так как для этого необходимы более детальные стилистический, метрический, трасологический и другие виды анализов.

В зависимости от местных условий камни объектов периода бронзы должны быть более задернованы и углублены в землю (на 20 и более см) по сравнению с древнетюркскими памятниками.

Заключение

А. Д. Грачом в 1950–1970-е гг. были найдены, изучены и переданы в музеи каменные изваяния разных хронологических этапов — эпохи бронзы, «оленные» камни раннескифского времени и древнетюркские скульптуры. Из 12 эрмитажных изваяний не менее трех относятся к эпохе бронзы, что составляет 25 %. Вероятно, в эпоху бронзы каменные изваяния двух или более хронологических этапов были широко распространены на территории современной Тувы. Будущим исследователям надо обратить особое внимание на Монгун-Тайгинский и соседние районы, где были найдены три эрмитажных изваяния и где был один из основных центров монгун-тайгинской археологической культуры периода бронзы в Туве.

Литература

- Грач 1961 — Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 96 с.
- Грач 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 93–106.
- Дыртык-оол 2006 — Дыртык-оол А. О. Музейное дело Тувы. Кызыл: Изд-во Тывинского гос. ун-та, 2006. 85 с.
- Килуновская 2009 — Килуновская М. Е. Собрание каменных изваяний Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных

- территорий: изучение, сохранение и использование: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (9–10.09.2009, Кызыл). Ч. 1. Кызыл: Краевои центр образования «Аныяк», 2009. С. 64–67.
- Килуновская 2023 — Килуновская М. Е. Ритуальные памятники эпохи бронзы в Туве // Король Г. Г., Миклашевич Е. А. (ред.). Тропою тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2023. С. 144–153 (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 13).
- Ковалев, Мунхбаяр 2015 — Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулут-1 в истоках реки Ход (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. 2. СПб.: Лема; Музей-институт семьи Рерихов, 2015. С. 155–214.
- Кубарев 1979 — Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Олени камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев 2009 — Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
- Леонтьев и др. 2006 — Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
- Марсадолов 2007 — Марсадолов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 278 с. (Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 5).
- Марсадолов 2012 — Марсадолов Л. С. Каталожные описания №: 487–505 // Кочевники Евразии на пути к империи: Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2012. С. 184, 185, 188–190.
- Марсадолов 2013 — Марсадолов Л. С. Каталожные описания № 343–348 // Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2013. С. 105–107.
- Марсадолов 2025 — Марсадолов Л. С. Прототипы каменных антропоморфных «личин» из Семисарта на Алтае // Калыш А. Б. (отв. ред.). XVII Оразбаевские чтения: материалы международной научно-методической конференции (25–26.04.2025, Алматы). Алматы: Казак университеті, 2025. С. 91–104.
- Окладникова 1979 — Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Савинов 1994 — Савинов Д. Г. Олени камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 209 с.
- Чугунов 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 8. С. 43–53.

PROBLEMS OF STUDYING STONE SCULPTURES OF THE BRONZE AGE AND ANCIENT TURKIC TIME FROM TUVA, TRANSFERRED TO THE STATE HERMITAGE MUSEUM BY THE EXPEDITION OF A. D. GRACH

L. S. Marsadolov

Keywords: Tuva, The State Hermitage museum, A. D. Grach, nomads, stone sculptures, Bronze Age, Ancient Turkic time, analogies

Currently, The State Hermitage museum stores 12 stone sculptures transferred by A. D. Grach in 1967, of which 11 are on permanent expositions of the museum. Earlier, A. D. Grach and other archaeologists believed that all these 12 statues belong to the “Ancient Turkic time”. Nowadays, the territory of Tuva stands out as a “white spot” on the archaeological map of Southern Siberia among cultures with stone sculptures of the Bronze Age. The author of the article came to the conclusion that in the Hermitage’s collection only 9 sculptures belong to the Ancient Turkic period (fig. 1; 2) and 3 sculptures were probably created in the Bronze Age (fig. 1; 3; 4). The stone sculptures from The State Hermitage museum are important sources for studying the ancient and medieval history and culture of the nomads of Tuva.

ОТКРЫТИЕ СТОЯНОК «В ГОРАХ» ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Ю. И. ТРИФОНОВА В ТУВЕ

Н. А. ЖОГОВА¹

Ключевые слова: Саяно-Тувинская экспедиция, Ю. И. Трифонов, стоянки, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее Средневековье.

В результате работ 5-го отряда СТЭАН в 1966–1967 гг. под руководством Ю. И. Трифонова обнаружены семь пунктов — мест сезонных стоянок древних кочевников в горах Аргалыкты и пойме Енисея в Туве. Материалы не опубликованы. В статье приводятся данные о памятниках из отчетов и публикуются находки 1967 г.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-55-63

Ю. И. Трифонов руководил 5-м отрядом Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР с 1965 по 1971 г. Отряд производил фиксацию и раскопки групп курганных могильников Аргалыкты на северных склонах одноименного хребта и Кара-Тал, приуроченных к левому берегу р. Енисей. Помимо исследований погребальных комплексов Юрий Иванович обнаружил несколько пунктов с подъемным материалом, содержащим в основном обломки керамических сосудов. Фактически ему удалось зафиксировать памятники поселенческого типа (сезонные стоянки), открытие которых не нашло полного отражения в публикациях (Трифонов 1967а: 129). Есть лишь краткие упоминания, что им «открыта неолитическая стоянка в долине Аргалыкты, расположенная у небольшого озера» (цит. по: Астахов 1969: 189; Монгуш 1980: 39). Основные сведения о них происходят из полевых отчетов ученого за 1966–1967 гг. Также имеется коллекция находок со стоянок за 1967 г.², поступившая в Гос. Эрмитаж³ из ИИМК РАН. Эти материалы были снабжены полевыми этикетками, содержащими информацию о месте сбора случайных находок (рис. 1). Всего отряд выявил шесть пунктов на северных склонах хребта Аргалыкты⁴ и один — на левом берегу Енисея.

Пункт 1 — «Поле Аргалыкты I» (рис. 1) расположен вблизи могильника Аргалыкты I на пашне, которая как бы вклинивается в территорию, занимаемую курганами. На ее поверхности в 1965–1967 гг. собран подъемный материал, представленный в основном фрагментами глиняных сосудов, также обнаружены несколько кремневых отщепов, обломок керамического пряслица и «поделка в виде небольшой пробки или фишки» (Трифонов 1966а: л. 4, 5; 1966б: л. 2, рис. 4). По мнению Юрия Ивановича, большинство глиняных черепков

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

© Жогова Н. А., 2025

² Где хранятся материалы за 1965 и 1966 гг., автору статьи неизвестно. Возможно, коллекция находок поступила в музей г. Кызыла.

³ Коллекция находится в стадии обработки для последующего приема на основное хранение.

⁴ У каждого пункта в полевой этикетке имеется свое условное название — шифр, который в тексте статьи выделен кавычками.

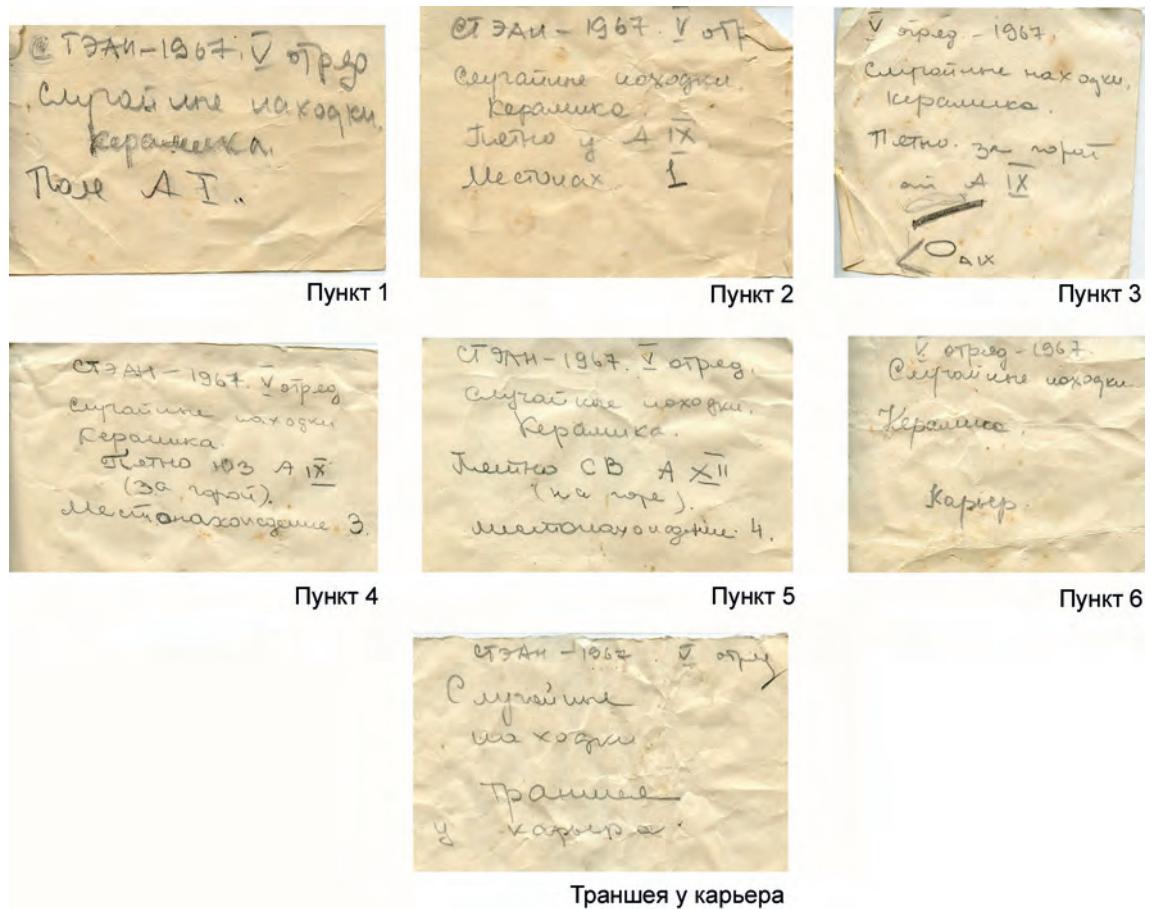

Рис. 1. Полевые этикетки находок, сделанных 5-м отрядом СТЭАН в 1967 г.

Fig. 1. Field labels finds made by the 5th detachment of Sayan-Tuva expedition in 1967

относятся к гунно-сарматскому⁵ времени. «Вместе с тем, встречены фрагменты, орнаментация которых и фактура не характерны ни для гунно-сарматского времени, ни для более позднего периода. Это, главным образом, грубая лепная керамика, в состав теста которой включалась неорганическая примесь (дресва?). Обломков довольно много, почти все они украшены различными орнаментами: ногтевидный, налепной, линейно-прочерченный. Имеются фрагменты с оттисками гребенки, с овальными вдавлениями. Большинство такой керамики является мелкими осколками стенок и венчиков сосудов, по которым трудно восстановить их форму» (Трифонов 1966а: л. 4, 5). Они могут быть отнесены к неолиту и/или эпохе бронзы.

Коллекция находок 1967 г. представлена 17 обломками стенок и придонных частей глиняных лепных и гончарных сосудов различных по фактуре, цвету, тесту и толщине (рис. 2). На отдельных экземплярах фиксируются ремонтные отверстия в изломе (рис. 2, 1) и орнамент (рис. 2, 2), встречены фрагменты горшков скифского (рис. 2, 3) и гунно-сарматского времени (рис. 2, 4–9). Среди них выделяются обломок горла гончарного сосуда с горизонтально прочерченными линиями — орнаментом, характерным для керамики кокэльской культуры (рис. 2, 7), и два фрагмента стенок с лощением, которые могут быть отнесены к хуннинской традиции (рис. 2, 8, 9).

Место стоянки идентифицируется на основании плана из полевого отчета (Трифонов 1967в: л. 2об., рис. 6).

⁵ Нами сохранены авторские хронологические термины.

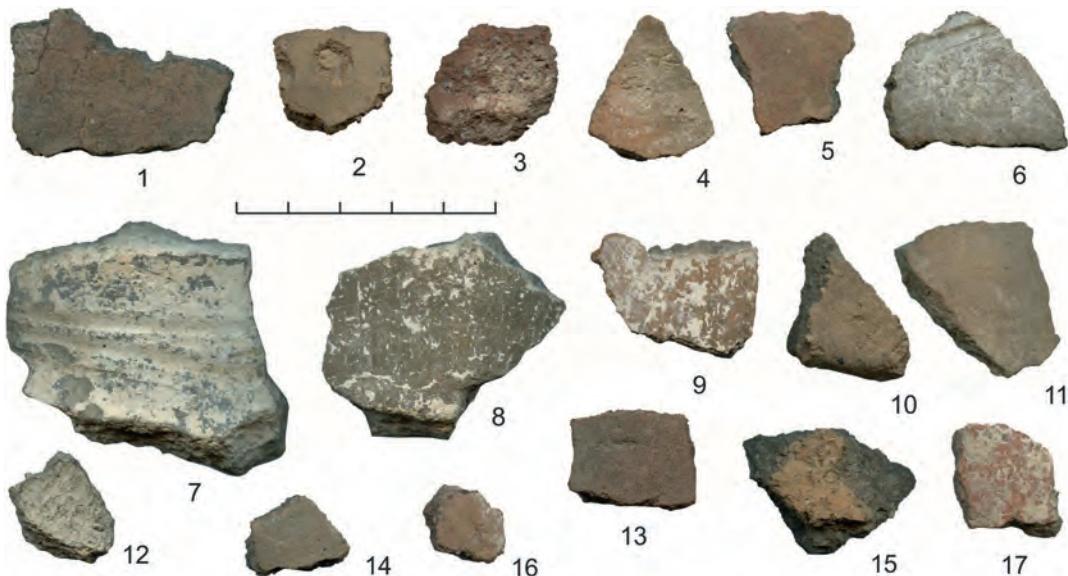

Рис. 2. Пункт 1, подъемный материал — фрагменты керамических сосудов (1–7, 9, 11–17 — стени; 8, 10 — придонные части)

Fig. 2. Locality 1, surface finds — ceramic vessel fragments (1–7, 9, 11–17 — walls; 8, 10 — near-bottom parts)

Пункт 2 — «Местонахождение 1. Пятно у Аргалыктов IX» (рис. 1) — приурочен к могильнику Аргалыкты IX, находящемуся на довольно крутом склоне, «„широким языком“ вдающимся в один из отрогов хребта Аргалыкты. По длине склон незначителен (300–500 м), с трех сторон (северной, западной и южной) окружен горами, а в восточной стороне, у самого подножия, смыкается с большой площадкой, на которой расположен могильник Аргалыкты VIII. Разделяет склон и площадку неглубокий узкий овраг (промоина). Могильник находится в юго-западной части склона, у самых скальных выходов. В северной оконечности склона — несколько сравнительно обширных участков, выделяющихся на окружающем покрове интенсивным темным цветом растительности» (Трифонов 1967б: л. 18). В 1967 г. на этих участках собраны фрагменты глиняных сосудов (всего 50 шт.), каменный скол (рис. 3, 8) и кости животных. Полученный материал автор никак не охарактеризовал.

Керамика же из коллекции довольно разнообразна и представлена обломками стенок, реже — венчиков и придонных частей, различных по фактуре, цвету, толщине и тесту (рис. 3, 1–7, 9–20). Среди них имеются определимые фрагменты: с отисками трубчатого штампа (рис. 3, 1, 2), относящиеся к культуре окуневского типа Тувы, гребенки и линейно-прочерченного орнамента (рис. 3, 3, 7), с валиками по тулово (рис. 3, 5, 17) и венчик баночного сосуда скифского периода (рис. 3, 4), гунно-сарматского времени (рис. 3, 9, 14, 15, 19), уйгурского и кыргызского каганатов (рис. 3, 10, 11, 18).

Места пятен (стоянок) идентифицируются по полевым фотографиям и спутниковым снимкам.

Пункт 3 — Местонахождение 2⁶. «Пятно за горой от Аргалыктов IX» (рис. 1) — также приурочен к могильнику Аргалыкты IX. На участке найдены 12 обломков от стенок и дна лепных сосудов без орнамента (рис. 4, 1–11). Большая часть из них, скорее всего, относится к одному толстостенному красноглиняному горшку, двух- и трехцветному в изломе

⁶ В этикетке не указан шифр «Местонахождение 2», но, очевидно, что это оно и есть, так как следующее пятно, расположенное рядом, является «Местонахождением 3». На остальных этикетках второе местонахождение нигде не упоминается.

Рис. 3. Пункт 2, подъемный материал: 1–7, 9–20 — фрагменты керамических сосудов (1–3, 5, 7, 9, 11–18 — стенки; 4, 6, 10, 19 — венчики); 8 — скол камня

Fig. 3. Locality 2, surface finds: 1–7, 9–20 — ceramic vessel fragments (1–3, 5, 7, 9, 11–18 — walls; 4, 6, 10, 19 — rims); 8 — stone flake

(рис. 4, 1–8, 10, 11), и некоторым неопределенным экземплярам (рис. 4, 9). На единственном фрагменте дна сохранился отпечаток ткани полотняного переплетения (рис. 4, 11). Возможно, на ней формовалось изделие либо это случайность, так как в Туве это пока единственный известный автору статьи образец керамики с отпечатком ткани. Обломки толстостенного сосуда предположительно относятся к раннему Средневековью.

Место стоянки идентифицируется предварительно, на основании описания из полевого отчета и спутникового снимка.

Пункт 4 — «Местонахождение 3. Пятно юго-западнее Аргалыктов IX (за горой)» (рис. 1) — также приурочен к могильнику Аргалыкты IX. Пятно локализуется на спутниковом снимке. Здесь обнаружено 13 различных по фактуре, тесту, толщине и цвету черепков от лепных горшков (рис. 4, 12–23): 11 стенок, из них одна с валиком — от лощеного сосуда скифского времени (рис. 4, 14), венчик (рис. 4, 12) и фрагмент ручки (рис. 4, 13). Сосуды с боковыми ручками известны в погребальных памятниках Тулы позднескифского (Мандельштам 1992: табл. 79, 25–27, 31) и древнетюркского времени (Кызласов 1969: рис. 8). Остальной подъемный материал невыразителен и может быть отнесен к раннему железному веку и Средневековью.

Пункт 5 — «Местонахождение 4. Пятно северо-восточнее Аргалыктов XII (на горе)» (рис. 1) — приурочен к могильнику Аргалыкты XII, который «расположен на террасе, ограниченной с западной стороны небольшими оврагами, а с восточной и южной окаймленной отрогами хребта. Находится в той же долине, что и могильники Аргалыкты VIII, IX, XI, к востоку от них. Северная сторона долины обращена к Енисею. Склон, на котором расположен могильник, понижается с севера на юг» (Трифонов 1967: л. 24). В 1967 г. был раскопан только один курган, его местоположение на спутниковом снимке не визуализируется. В полевом отчете план могильника отсутствует. В связи с этим идентифицировать пункт 5 без выезда на местность не представляется возможным.

Собранный материал представлен фрагментами десяти стенок (рис. 5, 2–11) и краем сосуда с прямо срезанным венчиком (рис. 5, 1) от лепных сосудов, различных по цвету, фактуре, толщине и тесту. Предварительно они относятся к раннему железному веку и Средневековью.

Рис. 4. Пункты 3 (1–11) и 4 (12–23), подъемный материал — фрагменты керамических сосудов (1–10, 14–23 — стени; 11 — дно; 12 — венчик; 13 — ручка)

Fig. 4. Localities 3 (1–11) and 4 (12–23), surface finds — ceramic vessel fragments (1–10, 14–23 — walls; 11 — bottom; 12 — rim; 13 — handle)

Пункт 6 — «Карьер» (рис. 1) — приурочен к могильнику Аргалыкты VII, который «расположен на западном склоне одного из отрогов хребта Аргалыкты. <...> Состоит из небольших, мало заметных на поверхности, разбросанных по склону выкладок, одиночных и групповых. Одна из них раскопана. Некоторые объекты разрушены находящимся поблизости карьером» (Трифонов 1966а: л. 5). В 1966 г. «при обследовании карьера найдены кости человека и фрагменты керамики. Один из черепков, сероглиняный, украшен ногтевидным орнаментом. Два других, сравнительно крупных, склеенных вместе, покрыты вертикальными полосами — следами лощения. С внутренней стороны обработка поверхности более грубая, нежели с внешней. Тесто мелко отмучено, почти без примесей. Этот обломок, являющийся фрагментом стенки большого тонкостенного сосуда, чрезвычайно близок хорошо известной хуннской керамике Забайкалья и Монголии, во многом отличной от массовых серий сосудов гунно-сарматского времени Тувы, наиболее распространенный тип которых — „вазообразный“ сосуд средних размеров, украшенный „арочным“ орнаментом» (Там же). Мелкий фрагмент стенки с ногтевидным орнаментом может быть отнесен к культуре окуневского типа Тувы (Трифонов 1966б: л. 2, рис. 5).

В 1967 г. на территории карьера была собрана «серия керамических фрагментов: стенки, донышки, венчики сосудов. Многие из них орнаментированы (орнаменты разнообразные,

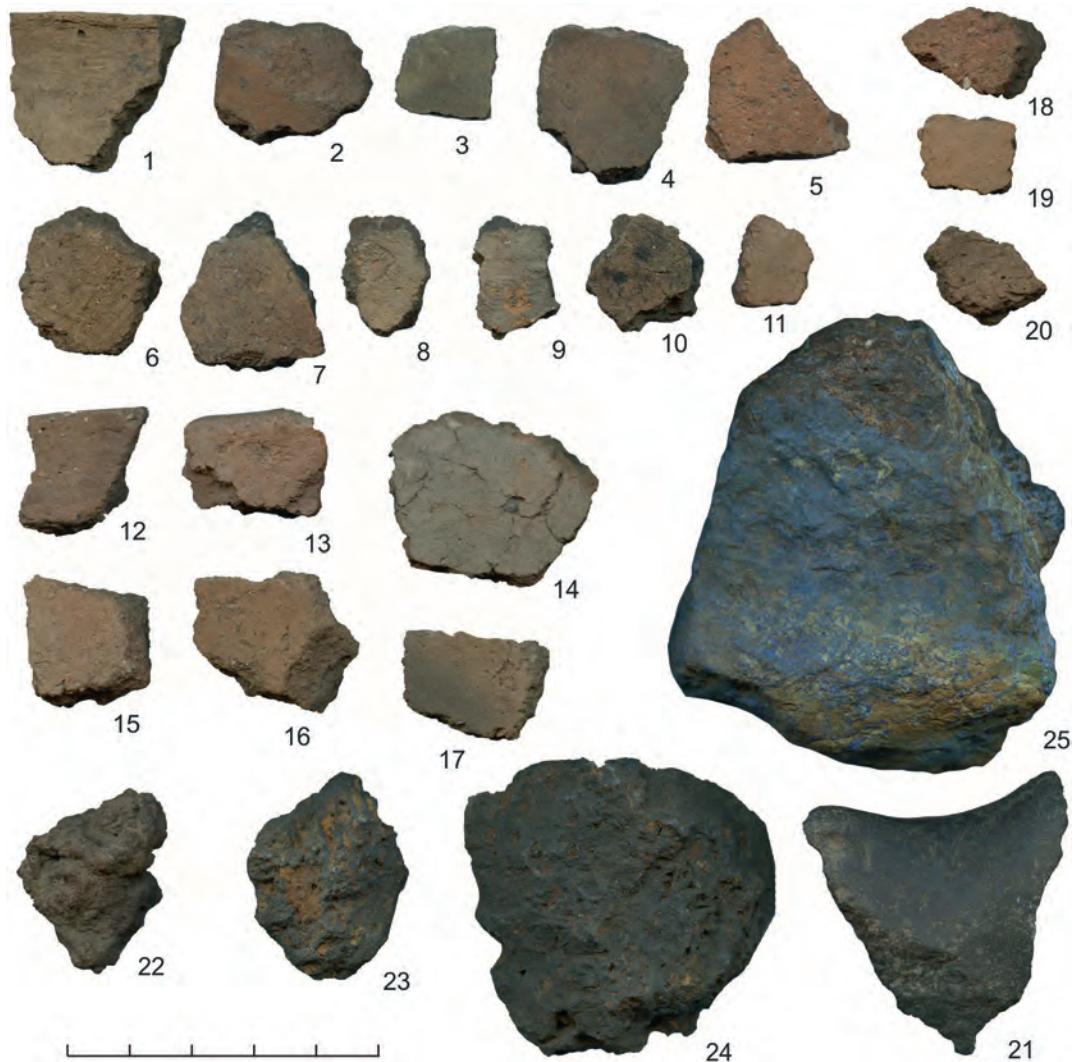

Рис. 5. Пункты 5 (1–11) и 6 (12–25), подъемный материал: 1–20 — фрагменты керамических сосудов (1, 12 — венчики; 2–11, 13–20 — стенки); 21 — обломок каменного орудия; 22–24 — железная руда; 25 — медная руда

Fig. 5. Localities 5 (1–11) and 6 (12–25), surface finds: 1–20 — ceramic vessel fragments (1, 12 — rims; 2–11, 13–20 — walls); 21 — fragment of a stone tool; 22–24 — iron ore; 25 — copper ore

но невыразительные). Различны и неоднородны черепки по составу теста: сероглиняные и красноглиняные, с мелкоотмученным тестом и с большой долей примеси в нем (песок, дресва, шамот). Характер отделки поверхности обломков также варьирует: керамика с грубым обжигом и со следами тщательного лощения. Некоторые фрагменты близки по своему облику найденным в прошлом сезоне (1966) обломкам сосуда, аналогичного хуннской керамике Забайкалья и Монголии. Все они имеют заглаженную поверхность и имеют следы лощения в виде вертикальных полос. В южной стороне площади карьера заложены две траншеи ($4,0 \times 1,0 \times 1,5$ м). В них обнаружены кости лошади (фаланги) и овцы (фрагмент метаподии, нижняя челюсть). Культурного слоя нет» (Трифонов 1967б: л. 2).

Находки 1967 г. сопровождают полевые этикетки, противоречащие данным из отчета⁷. Согласно им, в карьере обнаружены всего девять невыразительных фрагментов стенок и

⁷ Возможно, они были перепутаны.

Рис. 6. Пункт 6 (?) «Траншея у карьера», подъемный материал — фрагменты керамических сосудов (1–5, 9–11, 14, 29 — венчики; 7, 8 — придонные части; 6, 12, 13, 15–28 — стенки)

Fig. 6. Locality 6 (?) “Trenches near the quarry”, surface finds — ceramic vessel fragments (1–5, 9–11, 14, 29 — rims; 7, 8 — near-bottom parts; 6, 12, 13, 15–28 — walls)

венчика лепных сосудов без орнамента различных по фактуре, цвету и тесту (рис. 5, 12–20). А в «Траншее у карьера» собран представительный материал — порядка 30 черепков. Именно эти находки и описаны в тексте отчета как найденные в карьере. В коллекции имеются обломки неопределенных стенок как без орнамента, так и орнаментированные прочерченными линиями и «жемчужинами» (рис. 6, 6, 26, 27). К скифскому времени могут быть отнесены фрагменты венчиков и придонной части лощеных сосудов (рис. 6, 1, 2, 7), отдельные черепки от тулова горшков кокэльской культуры (рис. 6, 17, 18, 21). Крупный фрагмент верхней части гончарной вазы, обломок горла и три черепка от стенок сосуда с «сетчатым» орнаментом (рис. 6, 12–16, 19, 20) уверенно датируются хуннским временем. Среди материалов имеется, вероятно, и керамика периода уйгурского (рис. 6, 4, 8, 10) и кыргызского (рис. 6, 22, 23) каганатов.

В коллекции с керамикой из «Карьера» лежали часть каменного орудия (?) (рис. 5, 21), обломки железной (рис. 5, 22–24) и медной руды (рис. 5, 25)⁸ — редкие находки на стоянках Тувы.

⁸ В полевом отчете находки руды и каменного орудия не упоминаются.

Место расположения карьера локализуется по полевым фотографиям и спутниковым снимкам.

Пункт 7 — шифр местонахождения Аргалыкты 3⁹ — зафиксирован приблизительно в 1,5 км к СЗ от могильника Аргалыкты VI (по проселочной дороге в Кара-Тал), который находится в пойме Енисея, недалеко от одной из его современных проток, близ зимника, и отстоит от могильников Аргалыкты I–IV несколько к северо-западу (Трифонов 1966а: л. 17). Найдены кремневые изделия и обломки керамических сосудов. «Из кремневого инвентаря наибольший интерес представляют обломок треугольного наконечника стрелы с вогнутым основанием, обломок наконечника стрелы, отщеп с ретушью по краю, обломок ножевидной пластины, микропластиинка. Много также отщепов и обломков. Керамика невыразительная, в основном мелкие фрагменты стенок сосудов. Сероглиняная и красноглиняная. Обломки разной толщины и неодинакового состава теста. Судить по ним что-нибудь определенное о хронологической принадлежности керамики трудно» (Там же: л. 3, 4; 1966б: л. 1об., рис. 5). Именно эта неолитическая стоянка, очевидно, упоминается в публикациях (Монгуш 1980: 39; Астахов 1969: 189). Место стоянки не идентифицируется, находится в зоне затопления.

Выводы. Таким образом, Юрий Иванович выявил семь пунктов с поселенческим материалом. Обнаружение стоянок в «горах» на территории Тувы в конце 1960-х гг. было своего рода открытием, до него все известные памятники фиксировались по берегам рек и озер (Жогова и др. 2023: 36, 37). Интересно, что ученый называл эти места «пятнами». Именно пятна интенсивной растительности на южных и юго-восточных склонах гор являются маркером наличия культурного слоя.

На основании аналогий с этнографическими данными изученные объекты можно предварительно разделить на зимники, зафиксированные на южных склонах гор (пункты 2–6) и летник (пункт 7 в пойме Улуг-Хема). «Поле у Аргалыкты I» расположено в отличной от других пунктов географической зоне — у северного подножия склона горы, фактически в долине реки. В таких местах по описаниям находились осенние или весенние стойбища кочевников (Донгак 1995: 85–93). Выявление культурного слоя на памятниках — дело будущего.

Керамика, собранная на поверхности стоянок, охватывает период по меньшей мере от неолита до раннего Средневековья. В основном это небольшие фрагменты стенок, реже — венчиков и донных частей лепных либо гончарных сосудов, как с орнаментом, так и без него. Стоит отметить, что материалы эпохи неолита встречены в пойме Енисея и, вероятно, в пункте 1. На «горных» стоянках самые ранние находки относятся к культуре окуневского типа Тувы, что говорит о заселении этих участков начиная с эпохи бронзы. Аналогичная ситуация прослежена на поселенческих памятниках в долине р. Уюк.

Литература и источники

- Астахов 1969 — Астахов С. Н. Изучение каменного века в Туве // АО 1968 г. 1969. С. 188–189.
- Донгак 1995 — Донгак С. Ч. О кочевках тувинцев // Ученые записки [Тувинского НИИ языка, литературы и истории]. Серия историческая. 1995. Вып. 18. С. 83–93.
- Жогова и др. 2023 — Жогова Н. А., Бусова В. С., Семенов А. В. История исследований и современный этап изучения стоянок эпохи бронзы — раннего железного века Тувы // Тишкин А. А. (отв. ред.). Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2023. Вып. 3. С. 35–40.
- Кызласов 1969 — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.
- Мандельштам 1992 — Мандельштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).

⁹ Местонахождения кремневых изделий с шифрами Аргалыкты 1 и 2 были зафиксированы СТЭАН в 1962 г. при обследовании будущей зоны затопления в пойме Енисея (Трифонов 1966а: л. 4).

Монгуш 1980 — *Монгуш В. Т. Исследование памятников каменного века в Туве // Окладников А. П. (отв. ред.). Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: б. и., 1980. С. 36–42.*

Трифонов 1966а — *Трифонов Ю. И. Отчет начальника V отряда Саяно-Тувинской экспедиции о работе отряда на левом берегу р. Улуг-Хема (Енисея) в районе гг. Шагонара, Чая-Холя и пос. Кара-Тал в 1966 г. // НА ИИМК РАН РО. Ф. 35. Оп. 1. 1966. Д. 25. 62 л.*

Трифонов 1966б — *Трифонов Ю. И. Альбом иллюстративного материала к отчету Ю. И. Трифонова // Там же. Д. 26. 65 л.*

Трифонов 1967а — *Трифонов Ю. И. Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала // АО 1966 г. 1967. С. 129–131.*

Трифонов 1967б — *Трифонов Ю. И. Отчет о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1967 году // НА ИИМК РАН РО. Ф. 35. Оп. 1. 1967. Д. 64. 42 л.*

Трифонов 1967в — *Трифонов Ю. И. Альбом к отчету Ю. И. Трифонова о полевых исследованиях V отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, произведенных в 1967 году // Там же. Д. 65. 41 л.*

DISCOVERY OF THE SITES “IN MOUNTAINS”.

YU. I. TRIFONOV’S WORKS IN TUVA

N. A. Zhogova

Keywords: *Sayan-Tuva Expedition, Yu. I. Trifonov, Bronze Age, Early Iron Age, Early Medieval Period*

In 1966–1967 seven localities interpreted as seasonal nomadic camps were discovered in the Yenisei flood valley and Argalykty Mountains in Tuva by the 5th Detachment of the Sayan-Tuva Expedition headed by Yu. I. Trifonov. These materials remain unpublished. The paper presents the data about these sites from field reports and publishes the 1967 finds.

МНОГОМОГИЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС МОНГУН-ТАЙГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ — МОГИЛЬНИКА БОШ-ДАГ В ТУВЕ (материалы исследований М. Х. Маннай-оола 1964 г.)

К. М. МОНГУШ¹

Ключевые слова: Тува, могильник Бош-Даг, эпоха поздней бронзы, монгун-тайгинская культура, курган, погребальный обряд.

В статье публикуются материалы многомогильного комплекса монгун-тайгинской культуры, обнаруженного на могильнике Бош-Даг в Центрально-Тувинской котловине (Чаа-Хольский кожуун Республики Тыва), полученные в ходе археологических работ 1964 г. под руководством М. Х. Маннай-оола. Особое внимание уделено особенностям погребального обряда и конструкции кург. 3, в котором зафиксировано восемь погребений. Сравнение с курганами Бай-Даг III и Холаш той же культуры показывает уникальность кургана Бош-Даг. Для установления точной датировки и понимания процесса формирования монгун-тайгинской культуры необходимы дальнейшие исследования.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-64-69

Исследованные в середине прошлого столетия безынвентарные курганы в Монгун-Тайге и в других районах Тувы известны как памятники монгун-тайгинского типа (Грач 1971). Со временем Вл. А. Семеновым и К. В. Чугуновым эти комплексы были объединены в одноименную культуру, которая датируется эпохой поздней бронзы (Семенов, Чугунов 1987; Чугунов 1994). В настоящее время ареал распространения монгун-тайгинской культуры значительно расширен. Он включает не только территорию Тувы, но и Северо-Западную Монголию, Забайкалье и юг Горного Алтая (Чугунов 2018: 79).

Монгун-тайгинская культура характеризуется весьма устойчивыми признаками погребальных конструкций и обряда: сложные каменные наземные сооружения в виде округлых или четырехугольных в плане объектов, в основе которых имелась крепида, и устроенные на уровне древней дневной поверхности камеры-цисты из горных пород или неглубокие ямы с каменными обкладками. Внутри этих сооружений почти всегда погребен один человек, которого помещали на боку со слегка подогнутыми ногами, ориентируя головой в западный сектор. Эти признаки были сформулированы К. В. Чугуновым на основе анализа 112 комплексов монгун-тайгинской культуры с учетом отдельных комплексов раннескифского времени (памятников шанчигского типа). Однако имеются несколько необычных для монгун-тайгинской культуры комплексов, которые могут быть отнесены к парным и «коллективным» захоронениям (Чугунов 1994: 46, список памятников: 20, 108, 109). В настоящей статье публикуются результаты изучения кург. 3 на могильнике у горы Бош-Даг — одного из немногих сохранившихся памятников такого рода.

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл.

© Монгуш К. М., 2025

Могильник у горы Бош-Даг, расположенный в 6 км к СВ от пос. Новый Чаа-Холь, исследовался археологической экспедицией Тувинского НИИ языка, литературы и истории в полевом сезоне 1964 г. под руководством М. Х. Маннай-оола. Всего на памятнике было раскопано девять курганов, в числе которых оказался и кург. 3. Непосредственным изучением этого памятника занималась Н. Л. Членова (сотрудник ИА АН СССР). Ею же было составлено подробное описание комплекса, сделаны чертежи и фотографии, которые вошли в отчет М. Х. Маннай-оола (Маннай-оол 1965).

Исследованный объект был расположен в центральной части могильника к СВ от кург. 1 и 2 (рис. 1)². На уровне современной поверхности кург. 3 фиксировался в виде округлой в плане насыпи из крупных горных пород. Размеры объекта — 13,0 × 12,8 м при наибольшей высоте 0,75 м. В центре кургана на поверхности располагался большой камень ромбической в плане формы. Наземное сооружение состояло из обломков плит средней величины, уложенных в несколько рядов. В центре встречались очень крупные плиты, подогнанные друг к другу, которые, вероятно, являются перекрытием могил (рис. 2, 1). После снятия плит в небольшом углублении подпрямоугольной формы было обнаружено семь ненарушенных и одно разрушенное погребения, расположенные в галечно-песчаном грунте (рис. 2, 2; 3). Скелеты располагались двумя правильными рядами: три скелета восточного ряда расположены почти на линии ног западного ряда. Отдельно к В от этого ряда погребений лежал скелет 4. По заключению М. Х. Маннай-оола и Н. Л. Членовой, после контрольного прокопа было установлено, что они находились в одной могиле, над которой было устроено перекрытие из крупных плит. Все погребенные лежали вытянуто, на правом боку со слегка согнутыми ногами, головами на ЗСЗ. Руки всех покойных вытянуты вдоль туловища. Никаких находок при погребениях не обнаружено. Скелеты находились на разной глубине: пять из них — на глубине 0,22–0,23 м, а южные погребения — скелеты 6 и 7 — на 0,33 м. Отдельно в тексте отчета указано, что обнаружены некоторые кости скелета 8, который располагался под скелетом 3 (Маннай-оол 1965: л. 11). Описание его представлено нечетко, а на чертежах его расположение не указано (рис. 2, 2).

Публикуемый комплекс во многом отвечает общей характеристике погребений монгун-тайгинской культуры Тувы: безынвентарность и характерная поза погребенных — на боку вытянуто со слегка подогнутыми ногами и ориентацией головой на СЗ. Однако наиболее важной особенностью кург. 3 является то, что под насыпью представлены погребения восьми человек (рис. 2, 2; 3). Близкие параллели такому обряду известны. Прежде всего это кург. 3 могильника Бай-Даг III (раскопки А. М. Мандельштама 1967 г.), где под каменной насыпью были исследованы два погребения в узких ямах, перекрытых большими плитами. Культурная принадлежность этого памятника к монгун-тайгинской культуре определяется как положением погребенных (головой на З, на правом боку, со слегка согнутыми ногами), так и тем, что А. М. Мандельштамом была зафиксирована округлая каменная ограда, представляющая собой основу наземной конструкции кургана, не прослеженная в наземной части кург. 3 Бош-Дага. Кроме того, в обеих могилах при погребенных имелся инвентарь — кремневые наконечники и фрагменты бронзовых изделий, который имеет аналогии в ряде памятников эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Такие наконечники представлены в погребениях Осинкинского могильника (Семенов 2018: 408). Важно также, что в раскопанном А. М. Мандельштамом комплексе помимо нахождения под насыпью двух могил над ямами располагались крупные плиты перекрытия. Все это сближает его с кург. 3 могильника Бош-Даг. Авторы раскопок М. Х. Маннай-оол и Н. Л. Членова считали, что над погребенными в кург. 3 могильника Бош-Даг находилась

² В 2024 г. на памятнике нами была проведена аэрофотосъемка, результаты которой представлены в настоящей публикации (рис. 1). План могильника, составленный М. Х. Маннай-оолом в 1964 г., уже нами опубликован (Монгуш 2023: рис. 2). Сравнение современного ортофотоплана и плана 1964 г. показывает существенные расхождения в планиграфии и расположении курганов на площади могильного поля.

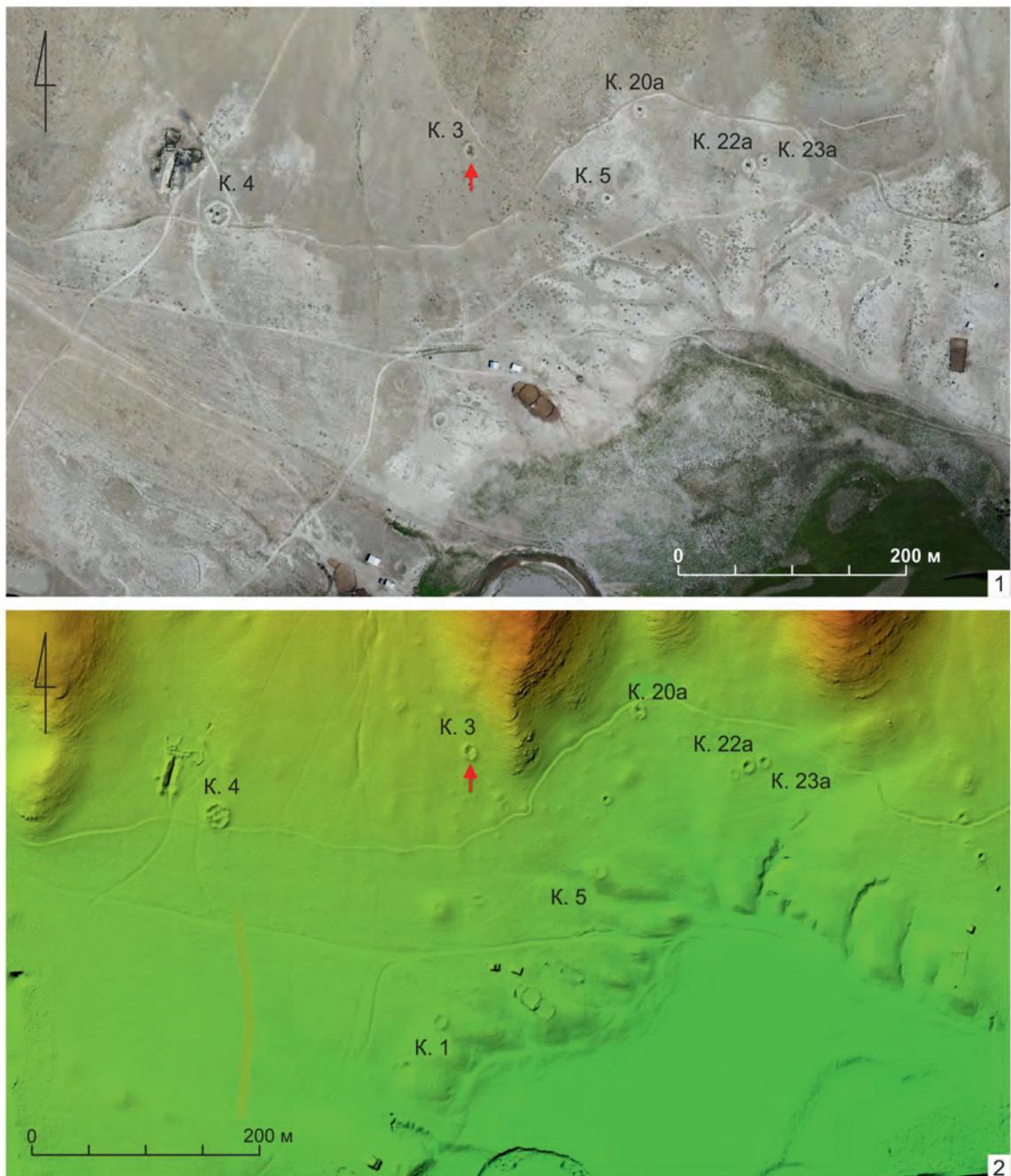

Рис. 1. Могильник Буш-Даг, аэрофотосъемка 2024 г.: 1 — ортофотоплан; 2 — карта высот (К. — курган)
 Fig. 1. Bosh-Dag burial ground, aerial photography of 2024: 1 — ortophotoplan; 2 — altitude map

конструкция из крупных плит горных пород, которая перекрывала одну общую могилу, устроенную на небольшой глубине. Однако фотография, обнаруженная нами в составе отчета (рис. 3), позволяет полагать, что каждый из восьми скелетов лежал в своей узкой могильной яме, перекрытой крупными плитами. К сожалению, на чертеже эта особенность конструкции не была отражена (рис. 2, 2). Таким образом можно предполагать, что объект не являлся коллективным захоронением, как считал К. В. Чугунов (Чугунов 1994: 46), поскольку представленные аналогии позволяют утверждать, что каждый погребенный был помещен в отдельную могилу.

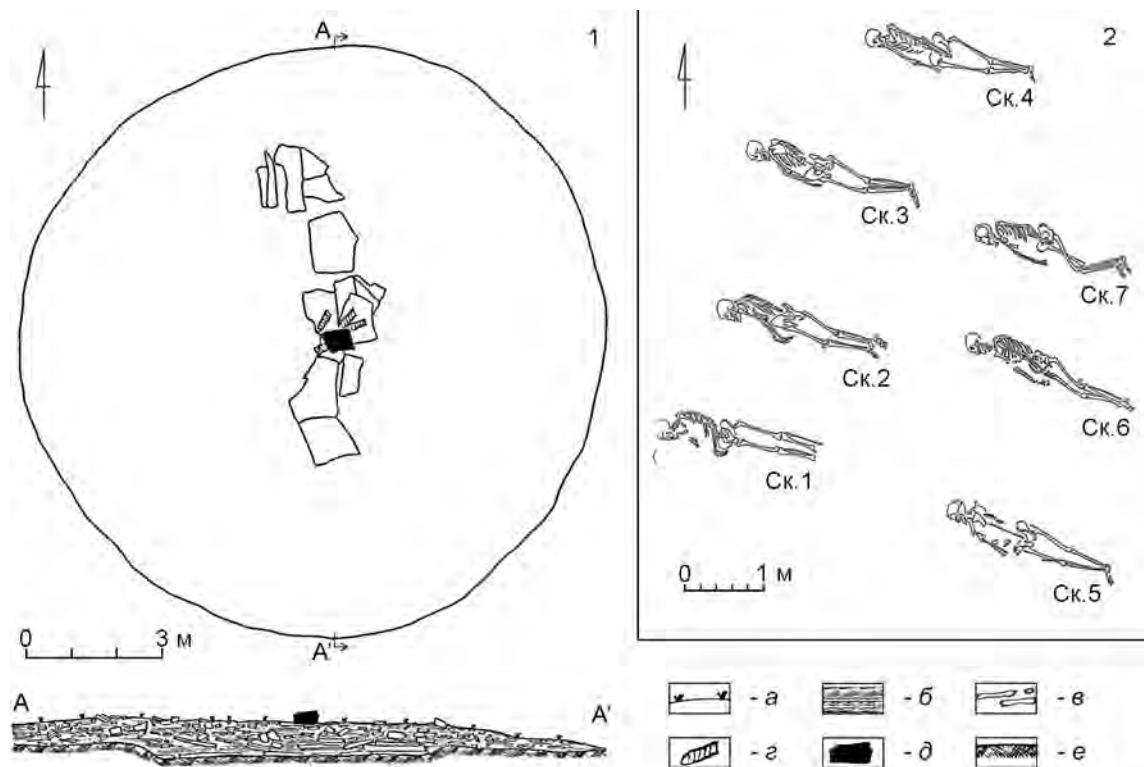

Рис. 2. Могильник Буш-Даг, кург. 3: 1 — план и разрез наземного сооружения (по: Маннай-оол 1965: л. 39) (а — дерн; б — суглинок; в — камни насыпи; г — камни, врытые вертикально; д — центральный камень насыпи; е — материк); 2 — расположение скелетов (Ск. 1–7), план (по: Маннай-оол 1965: л. 40)

Fig. 2. Bosh-Dag burial ground, barrow 3: 1 — plan and section of the aboveground structure (after: Маннай-оол 1965: л. 39) (а — turf; б — loam; в — stones of the mound; г — vertically dug stones; д — central stone of the mound; е — native soil); 2 — position of skeletons 1–7, plan (after: Маннай-оол 1965: л. 40)

Еще один памятник, имеющий параллели с кург. 3 могильника Буш-Даг, был исследован Вл. А. Семеновым в 1995 г. на могильнике Холаш в Юго-Западной Туве (Монгун-Тайгинский кожуун) (Семенов 1997: 23, рис. 42). Внутри ограды этого большого кургана (диаметром 36 м) имелась глубокая могильная яма, а в северной части были сооружены четыре камеры-цисты из крупных валунов, пристроенные плотно друг к другу (Семенов 1997: 23, рис. 44; Савинов 2002: 92). К сожалению, сохранность костей погребенных оказалась плохой, но судя по длинным костям можно заключить, что они лежали на правом боку головами на З. Культурная принадлежность и датировка этого комплекса противоречивы. Обнаруженные в центральной могильной яме несколько обломков керамики с валиковым орнаментом, два оленных камня монголо-забайкальского типа и большое количество каменных колец, расположенных радиально вокруг кургана, как в Аржане-1, говорят в пользу раннескифской принадлежности комплекса. Это позволило Д. Г. Савинову выдвинуть гипотезу о существовании раннескифской традиции с более ранней монгун-тайгинской в определенный промежуток времени. Исследователь прямо не указывает на его длительность, но отмечает, что это происходит в разные периоды раннескифского времени (Савинов 2002: 9). По нашему мнению, курган может отражать не взаимодействие между группами местного населения и пришлых племен (шанчигского типа), а начало формирования культуры скифского облика на юго-западе региона, который до сих пор слабо изучен.

Рис. 3. Могильник Бош-Даг, кург. 3, скелеты погребенных. Вид с В (по: Маннай-оол 1965: л. 41)

Fig. 3. Bosh-Dag burial ground, barrow 3, skeletons, east view (after: Маннай-оол 1965: л. 41)

Завершая рассмотрение материалов публикуемого комплекса, следует особо отметить случай нахождения в одной яме костей скелетов 3 и 8. Нельзя исключать, что скелет 8 мог быть уложен раньше, чем скелет 3, то есть можно предполагать существование обряда подхоронения и что комплекс в определенный промежуток времени оставался открытым. Подобные случаи известны в погребальных сооружениях скифского времени (Чугунов 2007: 125).

Таким образом, кург. 3 могильника Бош-Даг является уникальным памятником монгун-тайгинской культуры, где были захоронены восемь человек под одной насыпью. Датировка памятника во многом остается неясной. Определить хронологию комплекса с помощью радиоуглеродного датирования могли бы помочь находки костей из памятника, хранящиеся в Национальном музее Республики Тыва, однако в ходе наших исследований обнаружить их в музейных хранилищах не удалось. Если принять предположение, что погребения в узких ямах хронологически предшествуют комплексам с захоронениями на горизонте, то публикуемый объект, возможно, отражает начальный этап формирования монгун-тайгинской культуры (Чугунов 1994: 49).

Источники и литература

Грач 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории, 1971. Вып. 15. С. 93–106.

Маннай-оол 1965 — Маннай-оол М. Х. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Тувинского НИИ языка, литературы и истории за 1964 г. // Научный архив Тувинского института гуманитарных, прикладных социально-экономических исследований. Рукописный фонд. 1965. Д. 477. 72 л.

Монгуш 2023 — Монгуш К. М. Курганы раннего этапа уюкско-саглынской культуры могильника у горы Бош-Даг в Туве (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1964 г.) // Король Г. Г., Миклашевич Е. А. (ред.). Тропою тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2023. С. 191–204 (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 13).

- Савинов 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Семенов 1997 — Семенов Вл. А. Монгун-Тайга: археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг. СПб.: б. и., 1997. 48 с., 52 рис. (Археологические изыскания. Вып. 54).
- Семенов 2018 — Семенов Вл. А. Тоора-Даш — многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018. 340 с.
- Семенов, Чугунов 1987 — Семенов Вл. А., Чугунов К. В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Добжанский В. Н. (отв. ред.). Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Ч. 2. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1987. С. 73–76.
- Чугунов 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.
- Чугунов 2007 — Чугунов К. В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы // Хаврин С. В. (отв. ред.). А. В. Сборник науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.
- Чугунов 2018 — Чугунов К. В. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников // Смирнов Н. Ю. (отв. ред.). Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 79–84.

**MULTI-GRAVE COMPLEX OF THE MONGUN-TAIGA CULTURE
AT THE BOSH-DAG BURIAL GROUND IN TUVA
(MATERIALS OF M. KH. MANNAI-OOL STUDIES IN 1964)**

K. M. Mongush

Keywords: *Tuva, Bosh-Dag burial ground, Late Bronze Age, Mongun-Taiga culture, barrow, burial rite*

The paper presents the materials from the multi-grave complex of the Mongun-Taiga culture discovered at the Bosh-Dag burial ground in the Central Tuva depression (Chaa-Khol district of the Republic of Tuva). The 1964 finds obtained in the course of archaeological works headed by M. Kh. Mannai-Ool are published. Particular attention is given to the characteristic of the burial rite and construction of barrow 3 that contained eight burials. The comparisons with the Bai-Dag III and Kholash barrows, belonging to the same culture, point to the uniqueness of Bosh-Dag. In order to reliably date the Mongun-Taiga culture and to understand the process of its formation further research is needed.

ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА УСТЬ-ТУБА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ: СПУСТЯ ПОЛВЕКА ПОСЛЕ РАБОТ КАМЕНСКОГО ОТРЯДА КРАСНОЯРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛОИА АН СССР

О. С. СОВЕТОВА, О. О. ШИШКИНА¹

Ключевые слова: *петроглифы, наскальное искусство, Тепсей, Усть-Туба.*

В статье дается оценка современного состояния местонахождений наскального искусства Усть-Туба (Краснотуранский район Красноярского края). К выявленным Каменским отрядом ЛОИА АН СССР в 1960-х гг. под руководством Я. А. Шера шести местонахождениям петроглифов Усть-Тубы добавились еще двенадцать, открытых сотрудниками Тепсейского отряда кафедры археологии Кемеровского государственного университета в Широком и Забочинском логах, на горе Челпан. Многие из выявленных изображений датируются от эпохи бронзы до Нового времени. Представительна серия так называемого позднего пласта изображений, среди которых тамги, кони, антропоморфные персонажи и др. Состояние рисунков, известных Я. А. Шеру, к настоящему времени существенно изменилось: многие из них частично или полностью разрушены, находятся под водой и недоступны для исследований.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-70-80

Двуглавая гора Тепсей в Краснотуранском районе Красноярского края располагается на берегах двух крупных сибирских рек — Енисея и Тубы. На скальных выходах отрогов Тепсая известно бесчисленное множество наскальных изображений. Территория, на которой встречаются отдельные пункты петроглифов, охватывает десятки километров. Яков Абрамович Шер, возглавлявший Каменский отряд Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР по изучению петроглифов Тепсая, предложил называть скальные выходы, тяготеющие к правому берегу Енисея, «Тепсейем», а те, что выходят к Тубе, «Усть-Тубой» (Шер 1980: 38). В данной статье мы обратим основное внимание на рисунки Усть-Тубы и сохраним индексацию Я. А. Шера, чтобы не вносить путаницы в уже устоявшиеся понятия. Новые местонахождения петроглифов получили свои названия с привязкой к топографическим объектам, когда это было возможно.

Почитание горы Тепсей местным населением возникло еще в незапамятные времена, и нанесение изображений на протяжении тысячелетий так или иначе было связано с проводившимися здесь ритуальными мероприятиями. На скалах также оставляли надписи, наносили тамги. До начала XX в. сохранялась традиция выбивать изображения людей, животных и всевозможные знаки в особо почитаемых, а также красивых и опасных местах Тепсая.

Исследование петроглифов этой горы, скорее всего, началось с участков скал в устье Тубы, поскольку многие из них были хорошо видны и вполне доступны как с воды, так и с суши еще до создания водохранилища. Известно, что именно эти изображения были отнесены Г. И. Спасским к «Тепсинским начертаниям» еще в середине XIX в. (Спасский 1857:

¹ Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

© Советова О. С., Шишкина О. О., 2025

148, табл. IV). Выдающийся исследователь памятников наскального искусства Сибири А. В. Адрианов в начале XX в. проводил здесь свои изыскания, описывая, фотографируя рисунки и копируя часть из них эстампажным способом (Адрианов 1904: 24). Он писал: «Здесь заключается огромный материал, требующий для отыскания его много труда и времени и столько же труда на обследование. Значительная часть писаниц находятся здесь на почти неприступных местах, на карнизах и стенках отвесных утесов, спускающихся прямо в воду, на глубоком месте, иногда на значительной высоте в несколько саженей над водой. Осмотр писаниц требует большой ловкости и смелости, силы и рвения и не избавляет от риска сорваться и разбиться при падении со значительной высоты» (Там же: 31).

Об этих рисунках знали также местные краеведы и художники. Самое масштабное изучение Тубинского склона горы, а также отдельных пунктов внутри Широкого лога проходило в 1960-е гг. Обследованием этих местонахождений занимался специальный отряд под руководством Я. А. Шера. Усть-Тубой был назван южный склон горы Тепсей и прибрежного кряжа, тянущегося вдоль правого берега Тубы до деревни Листвягово. Всего было выделено шесть пунктов с петроглифами. В монографии «Петроглифы Средней и Центральной Азии» Я. А. Шер охарактеризовал каждый из них и дал приблизительную датировку рисунков. Петроглифы были датированы от неолита до древнетюркского времени (Шер 1980: 152). Материалы Каменского отряда и сегодня остаются самым полным сводом петроглифов Усть-Тубы. Они опубликованы в издании *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale* (Blednova et al. 1995: 16–29). Я. А. Шер в своей публикации упоминал исследования А. В. Адрианова, считая, что он проводил свои работы в основном на Усть-Тубе I–III (Шер 1980: 153), хотя это не совсем так, поскольку известная плита с конями, которую документировал А. В. Адрианов, а затем и Я. А. Шер, располагается в пункте Усть-Туба IV. Сопоставлений полученных материалов с описаниями А. В. Адрианова в трудах Я. А. Шера нет. Позднее, в общем своде археологических памятников Енисея, Э. Б. Вадецкая использовала индексацию, предложенную Я. А. Шером, и среди памятников Минусинской котловины ею были выделены «несколько больших и малых групп писаниц на западном и южном склонах горы Тепсей на правом берегу Енисея и правом берегу р. Туба, от устья до д. Листвягово» (Вадецкая 1986: 163). Э. Б. Вадецкая отмечала, что при работе этого отряда «не было в достаточной степени использовано исследование предшественника, его описания писаниц и копии. Они не сопоставлены с новыми материалами и не всегда ясно, какие рисунки открыты заново, а какие перекопированы, тем более что описания местонахождений писаниц, где производили работы А. В. Адрианов и Я. А. Шер, совпадают лишь приблизительно» (Там же: 158).

После работ Каменского отряда исследовательский интерес к петроглифам Усть-Тубы не угас, и скалы с рисунками посещали исследователи из Минусинска, Абакана, Красноярска, Ленинграда, Кемерово и других мест. К сожалению, эти материалы опубликованы далеко не полностью, хотя имена многих исследователей нам известны. В 1983 г. петроглифы Усть-Тубы и Широкого лога исследовала группа археологов под руководством Н. А. Боковенко (ЛОИА АН СССР). Результаты этих работ отображены в его отчете в Полевой комитет, где приводятся отдельные композиции, выявленные на местонахождениях Усть-Туба III–V (Боковенко 1984: рис. 63–72). Несколько композиций с гравированными фигурами были зафиксированы И. Л. Кызласовым в 1987 г. на одной из вершин горы Тепсей, но были опубликованы им только в 2012 г. (Кызласов 2012: рис. I, II, IV–VII, IX). В 1996 г. в Широком логу и в прибрежной части реки Тубы работал А. Л. Заика со школьниками из поселка Подгорный (Железногорск), несколько рисунков было опубликовано (Наскальное искусство... 2007). Исследования Ю. Н. Есина петроглифов Тепсей пока не нашли должного отражения в научной литературе, за исключением публикаций отдельных рисунков этого памятника (Есин, Скобелев 2020: рис. 6 и др.), но он неоднократно посещал Усть-Тубу и документировал рисунки. Им обследована и так называемая пещера Адрианова совместно с японским исследователем Такаши Осавой, в результате этой работы вышла публикация рунических надписей пещеры с интерпретациями японского специалиста (Осава 2014).

Петроглифы Усть-Тубы не могли не привлекать и местных художников, которые делали многочисленные копии, хранящиеся и экспонируемые сегодня в разных музеях России. Самые полные публикации микалентных копий и художественных прорисовок, выполненных местными краеведами и художниками, вошли в ряд изданий, таких как «Петроглифы древней Сибири» с копиями художников В. Ф. Капелько (2010: 26, 27, 38–47, 48–50, 69–71, 108, 128, 179, 180) и Е. С. Аннинского «Наскальное искусство Среднего Енисея» (2007: 122–155).

Пожалуй, на самом высоком научном уровне уже на протяжении ряда лет проводятся исследования петроглифов Усть-Тубы кемеровчанами — Е. А. Миклашевич совместно с Л. Л. Бове и другими археологами (Миклашевич и др. 2015: цв. вкл. III-1, 3, рис. 4; Миклашевич 2015: 68, 69, рис. 4, 2; 5, 1; 6; 2019: рис. 5; Зоткина и др. 2022). Помимо основной задачи — изучения рисунков древнейшего пласти, работы проводятся как в устье Широкого лога, так и на затапливаемых участках (Усть-Туба I–III) (Зоткина и др. 2022). Недавно Е. А. Миклашевич и Л. Л. Бове опубликовали изображения одного из компактных участков на Усть-Тубе III (11 граней с петроглифами разных хронологических периодов) (Миклашевич, Бове 2024).

На протяжении ряда лет свои исследования в Тепсейском археологическом микрорайоне проводит Тепсейский отряд кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Они направлены на полное документирование наскальных изображений этого археологического микрорайона. В настоящее время нами обследованы и введены в научный оборот изобразительные материалы пунктов с петроглифами Тепсей (Тепсей I–VI), горы Кременной (Советова и др. 2021), а также рисунки на камнях тагарских курганов, расположенных у подножия горы. Отряд занимается планомерным выявлением и документированием рисунков всего Широкого лога и прибрежной части Усть-Тубы (Советова и др. 2023). Проводятся разведки в весенне-летнее время, особенно при низком уровне воды, когда русло реки почти полностью приходит в свое прежнее состояние (каким оно было до появления искусственного моря) и петроглифы Усть-Тубы III почти полностью обнажаются, а также с использованием лодки при высоком уровне воды. Границы с петроглифами очищаются от тины, нередко лишайников, некоторые плоскости с рисунками откапываются из-под наносов и т. д. Обследуются и верхние, в настоящее время особенно труднодоступные, участки. Вслед за Адриановым Я. А. Шер обратил внимание на то, что очень многие плоскости почти полностью разрушены камнепадами и ледоходами. Ежегодные разведки в разные полевые сезоны показали, что даже при сравнении с данными Каменского отряда за последние 50 лет произошли катастрофические разрушения многих выдающихся композиций, и утраты эти невосполнимы.

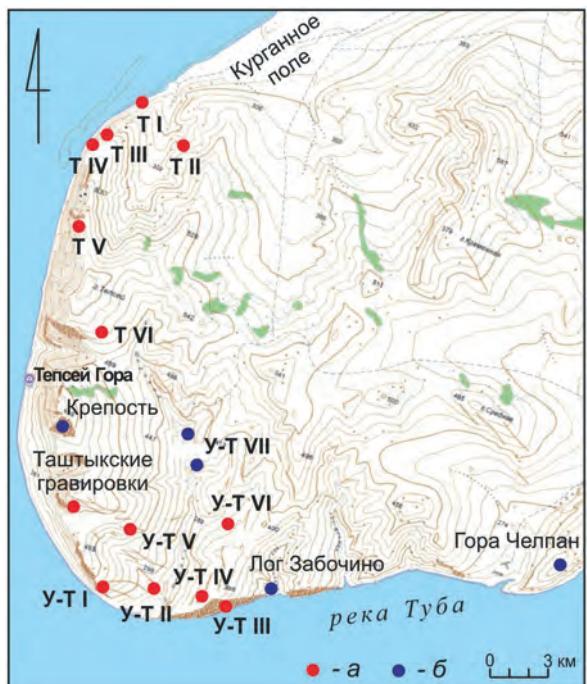
К настоящему времени помимо индексированных Я. А. Шером пунктов Усть-Туба I–VI нами зафиксировано еще 12 местонахождений в Широком логу, в Забочинском логу и на горе Челпан (рис. 1).

Усть-Туба I. Я. А. Шер отмечал, что «у самого устья Тубы берега практически нет. Тепсей обрывается здесь крутым склоном прямо в воду. В верхней части склона есть отдельные невыразительные рисунки и древнетюркская надпись. Далее на восток, вверх по течению Тубы, крутизна склона уменьшается, переходя в узкую надпойменную террасу, длина которой около 1 км. Затем к восточному краю террасы подступает обрывистый крутой склон, на котором зафиксировано 18 граней с 46 рисунками» (Шер 1980: 149, рис. 74). Нами выявлены лишь отдельные петроглифы, среди них и древние, сильно разрушенные.

Усть-Туба II представляет собой прибрежную надпойменную террасу, которая заканчивается глубоким логом с пологими склонами. Близ устья Широкого лога, по его западному склону, тянется ярус крупных скальных выходов, на гранях которых нанесены рисунки (Там же: рис. 75). Здесь Каменским отрядом было зафиксировано 14 граней с 76 рисунками. Их Я. А. Шер датировал неолитом (?) — эпохой бронзы (Там же: 150, рис. 76, 77). По сообщениям Е. А. Миклашевич и Л. Л. Бове, петроглифы этого местонахождения были ими полностью задокументированы (Миклашевич, Бове 2023). Они зафиксировали 37 плоскостей из известных Каменскому отряду, а также открыли новые, в том числе

Рис. 1. Карта местонахождения петроглифов в Тепсейском археологическом микрорайоне. Отмечены пункты Тепсей (ТI–VI), Усть-Туба (У-Т I–VII), лог Забочино, гора Челпан: *а* — местонахождения, известные по материалам работ Каменского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Я. А. Шера; *б* — пункты, выявленные Тепсейским отрядом кафедры археологии Кемеровского гос. ун-та в 2017–2025 гг.

Fig. 1. Map showing the location of petroglyphs in the Tepsei archaeological microregion. Tepsei (T_I–VI), Ust-Tuba (U-T I–VII), Zabochinsky ravine, Mount Chelpan: *a* — sites revealed by the Kamensky Detachment of the Krasnoyarsk Expedition of the Leningrad branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences under the leadership of Ya. A. Sher; *b* — sites found by the Tepsei Detachment from Department of Archaeology of Kemerovo State University in 2017–2025

благодаря расчистке их от лишайников (Там же: 702). Поскольку эти изображения пока не опубликованы, нам трудно судить о том, выявлено ли нами что-то еще из неизвестного предшественниками. Выходы расположены компактно, поэтому обычно исследователи на них обращают внимание и ссылки в публикациях делаются в основном на эти изображения. Пожалуй, следует учесть и рисунки, расположенные на высокой точке склона, куда туристами проложена тропа. Скальные выходы в этом месте обращены к устью реки, откуда открываются красивые виды. Обнаружено несколько фигур человечков и животных, скорее всего, этнографического времени.

Характеризуя Усть-Тубу III, Я. А. Шер отмечал, что это местонахождение начинается сразу за Широким логом, вверх по течению около 2 км, и представляет собой полосу крутого берега с узким бечевником. В настоящее время при самом низком уровне воды вместо бечевника здесь обнаруживаются лишь каменные осыпи, с неустойчивыми большими и малыми камнями и плитами — следствие колоссальных обрушений. В монографии 1980 г. Я. А. Шер отмечал, что на прибрежных скалах Каменским отрядом была зафиксирована 81 грань и скопирован 571 рисунок (Шер 1980: 150, рис. 78–82), и высказал предположение, что, скорее всего, первоначально общее количество рисунков было намного большим. Он датировал рисунки от энеолита до древнетюркского времени (Там же: 150). Е. А. Миклашевич приводит другое количество выявленных отрядом Шера поверхностей с изображениями — 98, опираясь на рисунки, представленные в корпусе *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale* (Blednova et al. 1995: Pl. 40–56, 41–64). Она отмечает, что на 2023 г. сохранилось около 45–50 плоскостей, при этом многие из них — фрагментарно. Иными словами, по количеству поверхностей утраты составляют около 50 %, а фактически, по количеству изображений, — намного больше. В целом к 2023 г. на Усть-Тубе III ими выявлено и задокументировано 34 новые плоскости, на которых зафиксировано не менее 127 отдельных изображений (Миклашевич, Бове 2024: 70).

В 2023 г. при низком уровне воды нами также были проведены исследования этого пункта (рис. 2, 1–3). В числе прочего обнаружены обломки разрушенной плиты с какими-то знаками. Скорее всего, это надписи или тамги (рис. 2, 4). В 2024 г. нам также удалось расчистить плоскости с руническими надписями и выбитыми рисунками. Летом 2025 г. выявлены ранее неизвестные плоскости с изображениями древнейшего пласта — это фигуры

Рис. 2. Усть-Туба III: 1, 2 — современное состояние скальных выходов, фото 2023 г.; 3 — плоскость 18 по индексации Я. А. Шера, фото 2023 г.; 4 — обломки разрушенной плиты со знаками, фото 2023 г.; 5, 6 — ранее неизвестные фигуры быков, фото 2025 г.

Fig. 2. Ust-Tuba III: 1, 2 — current state of rock surfaces, photo of 2023; 3 — panel No. 18, according to Ya. A. Sher, photo of 2023; 4 — fragments of a destroyed slab with symbols, photo of 2023; 5, 6 — previously unknown bull images, photo of 2025

быков (рис. 2, 5, 6), коней и лосей. Стоит отметить утрату двух выдающихся многофигурных композиций: одну с «роженицей», другую — с рисунками, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле, которые во время работ Каменского отряда, то есть минимум 56 лет назад, еще были целы (Шер 1980: рис. 122, 125, 1). Здесь нужно еще раз отметить наличие высококачественных фотографий Я. А. Шера, хранящихся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» (г. Кемерово).

Пункт Усть-Туба IV представляет собой сравнительно небольшой комплекс петроглифов, расположенный на гребне кряжа, у подножия которого тянется полоса рисунков УТ-III. Непосредственно в зону затопления он не попадал, но из-за того, что мог пострадать от переработки берега, отрядом Я. А. Шера здесь были проведены исследования, учтено и скопировано 30 граней, выявлено 92 рисунка. При этом было отмечено, что изображения встречаются не только на вертикальных плоскостях, как в большинстве случаев, но и на горизонтальных, что в общем нехарактерно для Минусинской котловины (Шер 1980: рис. 83, 84). В 2017 г. горизонтальная плоскость с крупными фигурами коней была нами расчищена. До этого ее расчищал А. В. Адрианов, используя соляную кислоту для уничтожения лишайников (Адрианов 1904: 7). Позднее ее расчистил отряд Я. А. Шера (Шер 1980: рис. 84), но ко времени работ нашего отряда плита вновь была полностью затянута лишайниками (Советова, Шишкина 2019: рис. 2). Судя по публикации и архивным фотографиям, Я. А. Шеру было известно и об изображении небольшой фигурки коня, расположенной на второй части этой расколотшейся на две неравные части плиты, которая ко времени наших исследований была полностью скрыта под землей и мхом (Blednova et al. 1995: Pl. 66, 6.9). И если Я. А. Шер оценивал это местонахождение как «сравнительно небольшой комплекс петроглифов, расположенный на гребне кряжа» (Шер 1980: 150), то сегодня можно констатировать, что петроглифы встречаются по всему склону, вплоть до самых высоких и труднодоступных участков. На вершине горы при осмотре одного из «обо» при помощи фонариков были выявлены две плитки с рисунками. На одной из них изображен конь, стиль которого указывает на Новое время. На другой плитке была выбита схематичная фигурка неопределенного животного. Таким образом, нельзя игнорировать никакие объекты, находящиеся в микрорайоне, поскольку обнаружить рисунки, как оказалось, можно везде. В данном случае любопытно, что ни пород такого цвета, как у плитки с конем, ни аналогичных изображений нами неподалеку не обнаружено: скальные выходы расположены здесь на довольно значительном расстоянии. Поэтому следует предположить, что плитку эту преднамеренно принесли сюда для художественных упражнений либо для других целей. Стиль, в котором выполнен этот конь с маленькой головой и изогнутой длинной шеей, указывает на близость его с оглахтинскими этнографическими конями на плитках, зафиксированных в урочище Кизань на противоположном берегу Енисея (Кызласов, Леонтьев 1980: табл. 15–17).

Среди рисунков этого пункта есть как ранние фигуры лосей с поперечными линиями на корпусах, так и рисунки тагарского, таштыкского, Нового времени. Здесь запечатлены выразительная сцена тагарского времени с выбитыми кабанами, преобразованная в таштыкскую эпоху в сцену охоты путем введения в композицию гравированных таштыкских лучников; сцена «Господин животных»; большая плоскость с многочисленными тамгами и надписью «чабани» и др.

Усть-Туба V. Примерно в километре от берега Тубы в глубине Широкого лога на пологом склоне имеются еще три яруса скал, покрытых рисунками. Отрядом Я. А. Шера зафиксировано здесь 48 граней со 155 рисунками, в том числе окуневские личины (Шер 1980: 152, 153), а также композиция предположительно тесинского времени с группой однотипных всадников на конях, бегущих воинов с чеканами и луками, а также с персонажами, выполненными, скорее всего, в более позднее время (в том числе антропоморфный персонаж со щитом). В этом же пункте имеются сцены со странными фигурами типа «тяни-толкая», бегущих животных, выполненных в таштыкском стиле, с фигурами воинов и др. Также

ценной является композиция с пятипалыми антропоморфными персонажами, двухголовым «чудищем» и отважным всадником на коне (этнографического времени).

Местонахождение Усть-Туба VI было определено Я. А. Шером как пункт, расположенный на северном склоне кряжа, выше комплексов УТ-III и УТ-IV. Здесь на шести гранях было скопировано 15 рисунков. В своей книге Я. А. Шер приводит иллюстрацию петроглифов, зафиксированных на УТ-IV с фигурами животных, которые он ошибочно отнес к раннетагарским (Шер 1980: рис. 85). Это фигуры из композиции с пятипалыми персонажами этнографического времени (Blednova et al. 1995: Pl. 78, 44.1-4). Поэтому сложно понять, какие именно рисунки составляют данное местонахождение.

В Широком логу нами было выявлено еще четыре новых местонахождения с петроглифами. Эти изображения не попадали в непосредственную зону обследования Каменского отряда, поскольку им не грозило затопление. Выявленные местонахождения находятся на внутренних грядах Широкого лога, в значительном удалении от берега. Условно они индексированы как Широкий лог I, II, III и т. д. и еще требуют работы по детальной индексации. Рисунки разновременные: незначительная часть, возможно, относится к эпохе бронзы, имеются тагарские и тесинские многофигурные композиции, а также таштыкские и этнографические. Открытие новых местонахождений с наскальными изображениями на грядах в Широком логу свидетельствует о том, что петроглифы могут встречаться абсолютно на разных участках, а не только в прибрежной зоне, особенно часто в труднодоступных местах. На этих участках имеются и посетительские надписи, нередко относящиеся к началу XX в.

Отдельного внимания заслуживают гравированные таштыкские рисунки, выявленные и введенные в научный оборот И. Л. Кызласовым. Он характеризовал это местонахождение так: «На втором от Тубы зубе обнаружены рисунки — таштыкские граффити, нанесенные неглубокими, легкими бороздками» (Кызласов 2012: 125). Отметим, что работа с гравировками требует особых усилий и специальных условий. И. Л. Кызласов использовал заостренные спички для усиления линий для дальнейшей прорисовки изображений. Не будем оценивать допустимость или недопустимость подобной техники работы с гравировками, но благодаря Игорю Леонидовичу рисунки были введены в научный оборот. Здесь изображены человеческие фигуры, животные, бытовые предметы (посуда). При дальнейшем исследовании этого участка выяснилось, что гравированных линий здесь намного больше, чем представлялось ранее, а также есть выбитые изображения животных и антропоморфных персонажей.

В Широком логу, по его левому и правому бортам, обнаружены рисунки, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, в разных техниках: прорезанное животное с завитком на крупе и преследующее его более крупное животное, выполненное выбивкой. На скальных выходах лога выявлены сцены с баталиями, охотой, многометровая сцена с огромными конями и маленькими фигурками всадников на них; лучниками, разнообразными животными, а также бесчисленным количеством этнографических изображений людей и животных, тамг и т. д. На многих скальных поверхностях имеются гравированные изображения: орнаменты, сцены со всадниками, кони, среди которых есть сюжет с наездником, стоящим на спине коня, и многое другое.

Таким образом, в Широком логу открылся еще один своеобразный мир наскальных изображений, хронологически разнородный и, по сравнению с прибрежными рисунками, в целом не столь древний.

Продолжая исследования и продвигаясь по реке по направлению к деревне Листвягово, близ местонахождения Усть-Туба III нами был открыт новый пункт с рисунками, индексированный как Забочинский лог (рис. 3, 1). Он находится недалеко от воды и представляет собой небольшой скальный выход сероватого оттенка с разновременными рисунками животных и людей, тамгами. Выполнены они как в технике выбивки, так и гравировкой. Здесь зафиксированы два ранних изображения быков (рис. 3, 2), этнографические кони (рис. 3, 3) и тамги (рис. 3, 4). Помимо выбитых здесь имеется крупная резная фигура животного.

Рис. 3. Петроглифы в Забочинском логу: 1 — общий вид местонахождения с петроглифами, фото 2022 г.; 2–4 — некоторые плоскости с изображениями

Fig. 3. Petroglyphs of the Zabochinsky ravine: 1 — general view of the site, photo 2022; 2–4 — some planes with drawings

Еще один пункт, о котором мы не встретили упоминаний предшественников, — рисунки на горе Челпан. В основном это маловыразительные изображения этнографического времени: человечки, козлы. Причем на данном участке изображения встречаются на плоскостях желтого цвета, которые обычно кажутся беспersпективными для выявления петроглифов.

Проведенное сплошное обследование прибрежных скал от Забочинского лога по направлению к деревне Листвягово не дало ожидаемых результатов, хотя в Отчете А. В. Адрианова встречаются многочисленные описания плоскостей с рисунками, которые нам не встретились, хотя мы тщательно обследовали прибрежные скалы и лога. Полностью отсутствуют рисунки в логу Блиновом, хотя, казалось бы, удачных плоскостей здесь предостаточно, нет их и в глубине Забочинского лога. Нет рисунков на желтых выходах песчаников, тянувшихся на протяжении нескольких километров, к тому же они сильно разрушены. Так или иначе, в описаниях нашего предшественника А. В. Адрианова есть множество рисунков, которые нам не удалось отыскать. Есть и любопытные описания, например, изображения «какого-то пузатого, с птичьей головой и человеч. ногами чучела. Еще правее — всадник на коне, с бубном, перед ним изображение черта с хвостом, с когтями на руках и ногах...» (Адрианов 1904: 30), которые в настоящее время, по-видимому, разрушены.

Таким образом, спустя уже более полувека, прошедших со времени работ Каменского отряда под руководством Я. А. Шера, на Усть-Тубе открыты десятки ранее неизвестных местонахождений петроглифов, дополнивших представления о памятнике наскального искусства Тепсей. Выявлены десятки новых плоскостей с разновременными рисунками, более поздними, чем многие прибрежные композиции, но не менее ценными в историческом и эстетическом отношении. Это в очередной раз подтверждает необходимость сплошного обследования каждого участка в археологическом микрорайоне, в котором ведутся работы по изучению петроглифов, о чем писал в свое время Я. А. Шер. Несмотря на то что он мог ограничиться изучением петроглифов в пунктах Усть-Туба I-III, благодаря усилиям его отряда были выявлены еще три пункта с огромным количеством петроглифов по так называемой расширенной программе. При проведении исследований на Тепсее Я. А. Шер совершенствовал методику работы с наскальными изображениями. Сохранившиеся материалы, в том числе фотографии из государственных и личных архивов участников экспедиций, свидетельствуют о том, что документирование рисунков проводилось на самом передовом для того времени уровне. Строились леса для подходов к высоко расположенным плоскостям; проводилась тщательная фотосъемка рисунков, в том числе макросъемка, причем качество фотографий вызывает восхищение и сегодня. Рисунки копировались на кальку, описывались. Бессспорно, все эти материалы еще будут востребованы исследователями. С сожалением можно констатировать лишь низкое качество публикации этих материалов в *Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale* (1995), самом полном издании рисунков Тепсее, когда сцены разбивались на отдельные фигуры и произвольно компоновались на страницах издания. В настоящее время они практически не могут использоваться для новых исследований, чего не скажешь о фотографическом материале.

Сегодня мы уже можем оценить те потери, которые произошли за последние 50 с лишним лет на памятнике: многие из известных ранее плоскостей с изображениями разрушены. Некоторые же грани, видимо, не были доступны уже в середине XX в., а судя по замечаниям А. В. Адрианова, и ранее. Сегодня их обследование проводить крайне опасно, поэтому разумнее документировать труднодоступные рисунки, используя дальнofокусные объективы (как это делают Е. А. Миклашевич и Л. Л. Бове, снимая рисунки с лодки). Изменения береговой линии, произошедшие за последние десятилетия, не внушают оптимизма: мы наблюдаем необратимые разрушения отдельных участков, оседание целых каменных массивов, катастрофическую переработку береговой линии, что дает основания полагать, что в скором времени эти разрушения будут продолжаться, а потери изобразительного материала будут только увеличиваться.

Источники и литература

- Адрианов 1904 — Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // НОА ИА РАН. Ф. 12. № 151. 129 л.
- Боковенко 1984 — Боковенко Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуренском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // НОА ИА РАН. Л., 1984. Ф. 1. Р-1. № 18036. 192 л.
- Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Есин, Скобелев 2020 — Есин Ю. Н., Скобелев С. Г. Петроглифы эпохи поздней бронзы на горе Унюк в Минусинской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 1. С. 70–80.
- Зоткина и др. 2022 — Зоткина Л. В., Сутугин С. В., Аболонкова И. В., Давыдов Р. В., Уткина А. О., Шашерина Л. В., Миклашевич Е. А. Некоторые результаты полевых исследований петроглифов древнейшего пласта Минусинской котловины в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 540–547.
- Кызласов 2012 — Кызласов И. Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Советова О. С., Китова Л. Ю. (отв. ред.). Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 103–108.
- Кызласов, Леонтьев 1980 — Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Миклашевич 2015 — Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2015. Вып. 3. С. 66–78.
- Миклашевич 2019 — Миклашевич Е. А. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2018 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2019. Вып. 9. С. 66–81.
- Миклашевич, Бове 2023 — Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Документирование наскальных изображений древнейшего пласта на местонахождении Усть-Туба II в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 29. С. 701–706.
- Миклашевич, Бове 2024 — Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Новая группа поверхностей с наскальными изображениями на местонахождении Усть-Туба III // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2024. Вып. 20. С. 67–88.
- Миклашевич и др. 2015 — Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2012–2014 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2015. Вып. 1. С. 29–52.
- Наскальное искусство... 2007 — Наскальное искусство Среднего Енисея. От каменного века до средневековья / Аннинский Е. С. (сост.). Альбом по материалам коллекции эстампажей Е. С. Аннинского. Железногорск: Фонд «Память о Решетнёве», 2007. 224 с.
- Осава 2014 — Осава Т. Новые рунические источники горы Тепсей и музея Полтакова // Тутужекова В. Н. (ред.). Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч. конф., посв. 70-летию Хакасского НИИ языка, литературы и истории (24–26.09.2014). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. С. 54–60.
- Петроглифы древней Сибири 2010 — Петроглифы древней Сибири. Альбом / Подпоренок Ю. В. (ред.). М.: Галарт, 2010. 191 с.
- Советова, Шишкина 2019 — Советова О. С., Шишкина О. О. Плита с изображениями коней с берега Тубы // Дэвлет Е. Г. (отв. ред.). Изобразительные и технологические традиции в ранних формах искусства (2). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 317–325 (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 12).
- Советова и др. 2021 — Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

- Советова и др. 2023 — Советова О. С., Шишикина О. О., Аболовонкова И. В., Сирюкин И. В. Исследования петроглифов Усть-Тубы в 2021–2022 гг. // КСИА. 2023. № 273. С. 180–193.
- Спасский 1857 — Спасский Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. 181 с.
- Шер 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Blednova et al. 1995 — Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Siberiedusud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: Boccard, 1995. 153 p.

**ROCK ART SITE OF UST-TUBA IN THE KRASNOYARSK REGION:
HALF A CENTURY AFTER THE WORKS OF THE KAMENSKY DETACHMENT
OF THE KRASNOYARSK EXPEDITION FROM THE LENINGRAD BRANCH
OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina

Keywords: *petroglyphs, rock art, Tepsei, Ust-Tuba*

The paper provides an assessment of the current condition of rock art sites of Ust-Tuba (Krasnoturansky district of Krasnoyarsk region). In addition to six sites discovered by the Kamensky Detachment of the Krasnoyarsk Expedition from the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR, headed by Ya. A. Sher, twelve more localities were found by the staff of the Tepsei Detachment from the Department of Archaeology of Kemerovo State University in Shiroky and Zabochinsky ravines and on Mount Chelpan. Many of the newly discovered petroglyphs chronologically range from the Bronze Age to the Modern Times. A representative series of images belongs to the so-called late group. They include tamgas, horses, anthropomorphic figures and so on. The condition of the drawings that were studied by Ya. A. Sher has considerably changed: many of them are partly or completely destroyed, are under water and inaccessible for studying.

МЕЖДУ ТОМЬЮ И ЕНИСЕЕМ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НАЗАРОВСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

А. В. СУББОТИН, С. В. КРАСНИЕНКО²

Ключевые слова: Назаровская котловина, Сибирская экспедиция, культуры ранних кочевников: афанасьевская, окуневская, андроновская, культуры среднего и позднего бронзового века, тагарская, тесинская, таштыкская.

За 30 лет работ Сибирской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) в Назаровской котловине были получены важные научные данные. Имевшиеся ранее фрагментарные сведения были дополнены информацией, полученной в результате раскопок, разведок, работ на наскальных изображениях (петроглифах), обследования древних сооружений, в частности оборонительных, а также поселений. В итоге была сформирована объективная база данных памятников, относящихся к культурам ранних кочевников (II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Для каждого хронологического этапа были выявлены локальные особенности и связи древнего населения Назаровской котловины с соседними территориями.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-81-91

Минусинские котловины как археологическая провинция представляют собой регион с единым комплексом археологических культур, ставших основой для построения хронологии ранних кочевников. Однако в отдельных частях этой небольшой в масштабах Сибири, но все же значительной (приблизительно 400 × 260 км) территории зафиксированы существенные особенности в рамках разных хронологических периодов. Это в полной мере касается и самой северной из группы Минусинских котловин — Назаровской. Важные отличия этой территории от более южных помимо ландшафтно-климатических условий были выявлены в ходе исследовательских работ Сибирской экспедиции. Это прежде всего особенности архитектуры погребальных сооружений³.

Погребения стали основной информационной базой для создания «шкалы» С. А. Теплоухова (1929). На территории Назаровской котловины она была значительно пополнена за счет исследования и других категорий памятников, особенно поселений, содержащих артефакты практически всех археологических культур, выделенных С. А. Теплоуховым.

Древнейшая здесь культура, основанная на изготовлении и использовании металлических орудий и оружия и других категорий изделий, — афанасьевская археологическая

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

© Субботин А. В., Красниенко С. В., 2025

³ Вне рамок настоящей статьи остается ряд тем, касающихся работы Сибирской экспедиции: паспортизация археологических памятников и их мониторинг, наскальные изображения, оборонительные сооружения, подробный анализ поселений.

культура (далее — АК) — представлена весьма ограниченным количеством выявленных памятников. Однако именно здесь зафиксирована самая северная локация этой АК, что иллюстрирует карта, размещенная на обложке первого и на настоящий момент итогового издания об этой культуре (Афанасьевский сборник 2010).

Первым свидетельством афанасьевского присутствия в Назаровской котловине является случайная находка 1982 г. окуневского сосуда и останков погребенного в разрушенной могиле, имевших, по мнению М. П. Грязнова афанасьевские черты (урочище Синючиха) (Вадецкая, Гультов 1986: 92). В ходе раскопок поселения Ашпыл (1984) С. Б. Гультовым были обнаружены фрагменты керамики, имевшие, по его мнению, «карасевский» облик (Виноградов 1982: 172). В 1990 г. С. Б. Гультовым же в окрестностях дер. Ораки были исследованы небольшие каменные конструкции и найдены фрагменты афанасьевской керамики. В 1995 г. А. В. Субботин и С. В. Красниенко в двух пунктах, Ораки (Красное Озеро X) и Кулун, зафиксировали сооружения в виде каменных колец — возможно, афанасьевские погребения (Красниенко, Субботин 1997: 27; Субботин 1995а; 1995б). Сборы подъемного материала и последовавшие раскопки позволили получить убедительные свидетельства присутствия афанасьевского населения на этой территории. В 1998 и 2000 гг. были осуществлены раскопки поселения Гляден VIII, в 2000 г. — поселения Дубинино VI (Красниенко 2002). Всего известно 10 поселений и три погребальных комплекса, включавших девять погребений. Учитывая общее количество выявленных в Минусинских котловинах (около 80) памятников, цифра не кажется несущественной. Кроме того, эта статистика в какой-то мере отражает и демографическую ситуацию в ту эпоху (Поляков 2010). Последние уточненные даты на основе ¹⁴C-датировок позволили предложить хронологические рамки афанасьевской культуры для Среднего Енисея в пределах 3300–2500 гг. до н. э. с возможностью удревнения до 3600 г. до н. э., для Алтая — 3800–2500 гг. до н. э. (Там же: 164, 167). Более чем 1000-летняя история афанасьевской культуры по данным палеоклиматологических исследований начиналась в условиях влажного климата (4350–3500 гг. до н. э.) (Kulkova, Krasnienko 2010; Красниенко 2018: 129).

Артефакты окуневского времени часто сопутствуют афанасьевским находкам. Выявление окуневской культуры (Максименков 1965) стало возможным в результате внимательного и критического исследования афанасьевских памятников.

Что касается древностей Назаровской котловины, то поскольку афанасьевские памятники здесь были открыты позже окуневских, проблема хронологического соотношения этих культур не рассматривалась. Окуневские памятники, начиная с открытых Д. Г. Савиновым погребений и святилища на Большом (Божьем) озере (Савинов 1981), позволяют сделать важный акцент на географическом положении Назаровской котловины как связующего звена культур Западной Сибири и Среднего Енисея.

Степень изученности этих памятников различна. Немногие подверглись раскопкам. В течение 1990-х гг. к двум ранее открытых могильникам (на оз. Большом (Савинов 1981) и на р. Береш (урочище Синючиха) (Вадецкая, Гультов 1986: 92)), поселению Кадат VI, открытому и исследованному на северном берегу водохранилища Кадатской ГЭС (Курочкин 1983), а также разнокультурным памятникам (курганные могильники Кадатское поле, Ашпыл, Соколовский разъезд, поселения Инголь и Ашпыл), содержащим среди прочего и окуневский материал (фрагменты керамики, каменные и бронзовые орудия), прибавились новые объекты. Речь идет о пунктах, где был собран подъемный материал и которые были интерпретированы как поселения. Некоторые из них подверглись раскопкам силами Сибирской экспедиции. Памятники, содержащие артефакты окуневской культуры, были условно сгруппированы в несколько микрорегионов (Красниенко, Субботин 2006): Северный (8 памятников), Шарыповский (4 пункта), Темринский (5 памятников), Большоеозёрский (5 памятников). Кроме этих мест находки окуневского времени были сделаны также в окрестностях дер. Ораки и на западном берегу оз. Белого. На большинстве известных к настоящему времени местонахождениях / поселениях сочетаются культурные компоненты разных эпох. В 2006 г. на основе анализа различных орнаментальных традиций

в изготовлении керамики авторы предприняли попытку реконструкции этнокультурных процессов окуневского периода (Там же).

Для орнамента окуневской культуры характерны наклонные ряды овальных оттисков, покрывающие все тулово сосуда; треугольники вершинами вверх, выполненные оттисками острой или округлой палочки, гусеничным штампом (Есин 2002). Среди характерных черт орнаментации самусьской керамики М. Ф. Косарев (1987: 272, 273) выделил горизонтальную елочку, образованную двумя рядами мелких насечек, ниже которой расположены один или два ряда аккуратных круглых ямок. У баночных сосудов эти ряды размещены на границе шейки и туловища. Остальная часть боковой поверхности украшалась волнистыми или прямыми линиями, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами или псевдоплетенкой. Узоры выполнялись отступающей гребенкой или отступающей палочкой. Гребенчатый штамп нехарактерен. Днища украшались концентрическими окружностями, спиральными узорами, псевдоплетенкой или другими несложными рисунками. Кроме особенностей орнамента для самусьских сосудов характерны примесь песка или дресвы в тесте и довольно сильно отогнутый наружу венчик у горшковидных сосудов.

Как и в более южных регионах, окуневцы появились здесь на поздней стадии существования афанасьевской культуры, о чем свидетельствует наличие керамики, выполненной в смешанной окуневско-афанасьевской технике. Однако позднее сюда проникали как собственно «окуневцы», то есть таежное население периферии Минусинских котловин, так и, вероятно, родственные им западносибирские «самусьцы», обитавшие на Верхней Оби в районе современного Томска. К моменту появления здесь тех и других этнокультурный тип каждой группы уже сформировался: данных, позволяющих обнаружить истоки этих культур в рассматриваемом регионе, не обнаружено. Распространение артефактов окуневского времени на территории Назаровской котловины иллюстрирует соотношение северного и южного этнических компонентов в формировании палеокультурной картины региона.

Первые памятники андроновской культуры, сменившей окуневскую, были открыты на севере Минусинских котловин. В 1914 г. в центре Назаровской котловины у дер. Андроново были исследованы несколько могил (Тугаринов 1926). В западной части Назаровской котловины андроновские памятники исследованы в 12 пунктах — семь могильников (почти 100 погребений) и пять поселений. Наиболее значительные по объему раскопки проводились в 1925–1927 гг. возле дер. Ораки, где Г. П. Сосновским было исследовано около 50 захоронений. Раскопки в Ораках были продолжены в 1964 г. М. П. Грязновым. Помимо этого, раскопки андроновских захоронений происходили у оз. Инголь и дер. Кадат (В. В. Бобров, 1980–1981), а также на могильниках Ашпыл (С. Б. Гультов, 1979–1981), Кошколь (Е. Л. Кириллов и С. В. Красниенко, 1987–1988) и поселениях Обьюл (Н. Л. Членова, 1957) и Косоголь (Н. В. Нащекин, 1966). Результаты работ показали, что в развитом бронзовом веке, в XIV–XII вв. до н. э., эта территория была широко освоена андроновскими (федоровскими) племенами (Красниенко, Субботин 2013: 50). Датировка подтверждается результатами радиоуглеродного анализа наземной деревянной конструкции каркасного типа, обнаруженной на поселении Ашпыл, где получен богатый керамический материал андроновского облика. Там же выявлена керамика с орнаментацией, находящей параллели в более поздних памятниках еловского типа, раскопанных к С от Новосибирска. Некоторые итоги современного состояния в исследовании памятников андроновской культуры Назаровской котловины были подведены авторами в двух монографиях (Красниенко, Субботин 2013; Вадецкая и др. 2018).

Эпоха поздней бронзы, традиционно ассоциированная в Минусинских котловинах с карасукской культурой (XI–VIII вв. до н. э.) представлена в северной части ее распространения — Назаровской котловине — значительно беднее, чем в южной. Возможно, степень заселенности этой территории была несколько меньшей, чем в предыдущее время. При этом известные памятники в основном находятся в западной части котловины, а в центральной известен лишь один могильник — Ужурский — на границе Назаровской и

располагающейся южнее Чулымо-Енисейской котловин. Исследования карасукских объектов велись в шести пунктах, среди которых четыре могильника с 18 погребениями и два поселения. Все могилы, за исключением одной, были исследованы Г. П. Сосновским у дер. Ораки. Раскопки еще одной могилы, относящейся по вещественному материалу к каменномоложскому, позднему, этапу культуры, проводились А. В. Субботиным в 1987 г. в курганном могильнике Олбик близ дер. Косоголь. Кроме того, зафиксировано несколько случайных находок у дер. Никольское, Темра, в дер. Усть-Парная, а также у северного подножья Солгонского кряжа (Красниенко, Субботин 2013: 17). Результаты раскопок и анализ случайных находок показывают, что все вещи относятся к позднему (каменномоложскому) этапу культуры. Материалов раннего (карасукского) этапа здесь не обнаружено. Г. П. Сосновским было замечено значительное сходство конструкций погребальных памятников этой культуры с более ранними андроновскими.

Исследование памятников тагарской культуры занимает особое место в археологических работах на территории Назаровской котловины. С конца 1970-х и все 1980-е гг. Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН на северной границе отрогов Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна, в южной половине территории Назаровской котловины были произведены спасательные раскопки тагарских могильников, как крупных, так и не очень больших по количеству курганов. Кроме того велись раскопки ряда (около 20 объектов) разновременных поселений (рис. 1).

Полностью были раскопаны могильники Ашпыл (30 насыпей) (Вадецкая и др. 2018), Березовский (29 насыпей) (в печати), Кадатское поле (Пламеневская 1979: 264), Кошколь (девять насыпей) (Красниенко, Кириллов 1995). Частично исследованы могильники Сопки (С. В. Красниенко, Э. Б. Вадецкая, А. В. Субботин, 1984–1986), Ласкан (С. Б. Гультов, 1989), Объюл (Н. Л. Членова, 1957; С. Б. Гультов, 1991), Балалык (М. Н. Пшеницына, 1982; С. В. Красниенко, 1985), Косоголь (А. И. Мартынов, 1982–1987) и др. Всего за годы функционирования экспедиции было раскопано более 100 курганов, значительная часть которых сохранила под насыпью как угловые камни, так и плиты ограды. Лишь в единичных курганах, относящихся уже к тесинскому времени, были зафиксированы дерево-земляные или дерновые ограды, а иногда — лишь несколько песчанниковых плиток в теле насыпи.

Освоение новых территорий в результате передвижения населения Южной Сибири во второй половине I тыс. до н. э. зачастую рассматривалось как важный фактор трансформации тагарской археологической общности (Савинов 2012). Динамика изменений фиксируется в формах погребального ритуала, в составе и морфологии сопроводительного инвентаря. Преемственность тагарских традиций при этом не подвергалась сомнению (Грязнов и др. 1979: 160, 161), поскольку в ряде антропологических исследований разница между ранними и поздними группами тагарских черепов по разным причинам не прослеживалась. Это свидетельствует, что тагарцы как в подгорновское, так и в сарагашенское время представляли один антропологический тип (Козинцев 1977: 67). Однако имеются данные антропологии, которые убедительно показывают существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов культуры (Учанева и др. 2017).

В результате паспортизации археологических памятников, проводившейся несколько лет сотрудниками Сибирской экспедиции, было выявлено и поставлено на учет и охрану около 550 археологических объектов, большинство из которых (свыше 400) представлено разновременными тагарскими курганными могильниками (около 3000 насыпей) и одиночными курганами. Отчетливо фиксируется, что преобладающее количество объектов археологии расположено в южной части котловины в пределах крайних северных отрогов Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна. Нередко они стоят очень плотно друг другу на открытых пространствах пологих склонов межгорных речных и озерных долин. Расстояние между курганными группами зачастую не превышает 200–300 м. По внешним признакам к подгорновскому времени ориентировочно можно отнести устойчивый раннетагарский пласт погребальных сооружений (10–20 % всех курганов). Остальные курганные группы, судя по их внешнему виду и характерным деталям, в подавляющем большинстве

датируются сарагашенским временем. Встречаются также, но уже главным образом в северной холмисто-увалистой части котловины, и большие земляные курганы без видимых угловых камней. Эти курганы преимущественно стоят поодиноке, могильников — единицы.

Все это позволяет утверждать, что заселение тагарцами Назаровской котловины и начало расширения границ культуры в северную сторону происходило в три этапа. Первоначальное освоение этой территории началось не ранее VI в. до н. э., то есть в позднеподгорновское время. Практически все подгорновские кладбища располагаются очень близко к каменистым обнажениям крутых склонов гряд и куэст, и можно полагать, что соблюдение традиций возведения массивных каменных конструкций над местом захоронения для раннетагарского социума не позволяло им выйти далеко за пределы местонахождений песчаниковых обнажений.

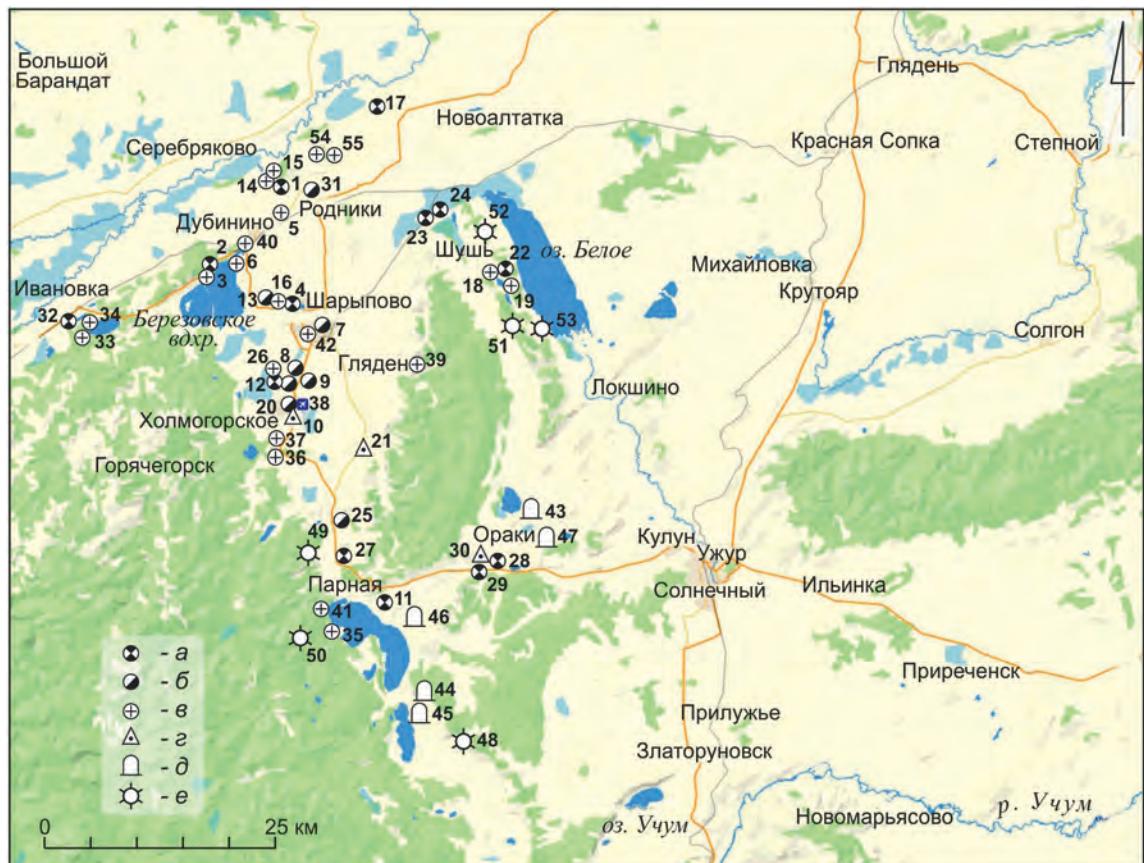
На втором этапе освоения территории значительно увеличивается количество могильников, которые со временем занимают все более или менее пологие террасы речных и озерных долин. Особенностью их архитектуры можно назвать уменьшение размеров и высоты угловых и простеночных камней. Сами ограды составлены из более мелких песчаниковых плиток и часто уже не видны под полами насыпей.

Значительное увеличение тагарского населения в сарагашенское время было обусловлено не только увеличением миграционных потоков из трех перенаселенных южных котловин, но также и встречным движением с запада, откуда в Назаровскую котловину массово вливались мигранты (с Алтая и из Казахстана) иного, чем подгорновские племена, антропологического типа (Илюшин, Ковалевский 1999; Членова 1992: 219).

Западные пришельцы, смешиваясь с тагарцами, несомненно, повлияли на трансформацию тагарских погребальных традиций, однако на раннесарагашенском этапе обычай сооружать каменные ограды, пусть в редуцированном виде, сохранялся. Плотность населения была столь велика, что строители курганов уже не могли оставаться в пределах межгорных долин. Это повлекло за собой изменения в устройстве и расположении курганов. Во-первых, могильники начали располагать на большем — до 3–5 км — расстоянии от крайних северных гряд и куэст и заготавливать мелкие камни, что позволяло перемещать их с меньшими трудозатратами. Во-вторых, для возведения каменных оград использовали не очень монолитные песчаниковые обнажения береговых обрывов рек, состоящие, как правило, из трещиноватого, неглубоко залегающего слоя осадочной породы. Эти изменения позволили, с одной стороны, соблюдать привычную традицию погребального ритуала, а с другой — значительно расширить зону жизненно необходимых тагарцам новых территорий.

Существенное освоение котловины приходится на позднесарагашенский или лепешкинский и тесинский этапы существования тагарской археологической общности. Именно в это время во всей Назаровской котловине, а за ее пределами — на всей территории Томско-Енисейской лесостепи — начинают возводиться большие земляные курганы. Они известны больше как одиночные крупные насыпи, но нередко встречаются рядом с курганными группами или непосредственно в составе сарагашенских курганных могильников. В лесостепной холмисто-увалистой части котловины и далее на север, восток и запад иных, то есть более ранних, курганов нет. Раскопки самых поздних курганов показали, что в это время трансформируются погребальные традиции, продолжает усложняться надмогильная каменная и внутримогильная, уже во многом подкурганная, деревянная архитектура. На тесинском этапе деградирует обычай строительства каменных оград и установки угловых камней, продолжает увеличиваться количество погребенных в одной могиле индивидов, меняются другие составляющие обряда.

По сравнению с количеством курганов в сарагашенских могильниках Назаровской котловины число выявленных здесь крупных земляных насыпей на порядок меньше. Однако это вряд ли говорит о сокращении тагарского населения в постсарагашенское время, поскольку в погребениях этих курганов захоронены от нескольких десятков до ста и более человек в одной могиле (склепе).

Картографирование более чем 400 тагарских могильников, содержащих почти 3000 курганов, выявленных в результате разведочных работ в Назаровской котловине (Шарыповский и Ужурский районы Красноярского края), помимо возможности установить этапы освоения тагарцами этой лесостепной территории позволило обозначить еще одну проблему. Это вопрос расселения тагарского социума, границ территорий, осваиваемых отдельными коллективами — группой племен, племенем, родом, общиной. Эта задача выходит за рамки настоящей статьи и формирует вопросы, которые предстоит выяснить в процессе будущих изысканий.

За последнюю четверть века ситуация с археологическими источниками тесинского и таштыкского времени в Назаровской котловине несколько изменилась. Относительно хорошо иллюстрированный археологическим материалом тесинский этап пополнился рядом новых памятников, часть которых была исследована еще до выхода в свет книги Э. Б. Вадецкой, посвященной этой эпохе (1999). К списку, приведенному в книге, следует добавить курганы Мысы (1990; Субботин 2000), Аэропорт (1986; Красниенко и др. 1986), Родники (С. В. Красниенко, 1991), Береш 1 (Субботин 1983), Береш 2 (Красниенко, Субботин 2002), Береш 3 (Там же). Памятники Аэропорт, Родники, Береш 3 были исследованы С. В. Красниенко. При раскопках всех этих курганов были получены новые данные, во многом совпадающие с наблюдениями Э. Б. Вадецкой: конструкция склепов, их сожжение, бронзовые миниатюрные чеканы, ножи, кинжалы, зеркала, бронзовые так называемые штандарты, глиняные орнаментированные бляшки, обложенные слюдой, миниатюрные глиняные сосуды. Кроме этого, зафиксированы сложная конструкция склепов и других погребальных сооружений, в частности, сложная ограда из камней (вертикально поставленных плит), кусков дерна и стволов деревьев (курган Аэропорт); склепы со сложно организованными входами, мощными срубами, тыном за срубом склепа (Аэропорт, Родники); погребение собаки на покрытии склепа (Аэропорт); склеп размерами $6,5 \times 13,5$ м,

Рис. 1. Памятники, исследованные Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР/ ИИМК РАН в 1977–2005 гг. (а — курганный могильник, б — одиночный курган, в — поселение, стоянка, г — грунтовый могильник, д — наскальные изображения, е — укрепленные сооружения): 1 — Березовский курганный могильник (далее — к/м) (1977–1979); 2 — к/м Кадатское поле (1978, 1980); 3 — поселение (далее — пос.) Кадатское поле; 4 — к/м Ашпыл (1979–1983); 5 — пос. у ручья Березовый (1979–1983); 6 — пос. Кадат VI (1980); 7 — кург. Шарыпово-ПМК (1981); 8 — кург. Береш 1 (1981); 9 — кург. Береш 2 (1982); 10 — грунтовый могильник (далее — гр/м) Синючиха (1982); 11 — к/м Большое Озеро II (1982); 12 — к/м Сопки-1 (1984–1986); 13 — кург. Кадат (1983); 14 — местонахождение (далее — м/н) Меловой Лог (1983); 15 — м/н Мерзлотная Лощина (1983); 16 — пос. Ашпыл (1982); 17 — к/м Балалык (1985); 18 — пос. Воль-Кошколь (1986); 19 — пос. Коль-Кошколь (1986); 20 — курган Аэропорт (1986); 21 — гр/м Темра (1986); 22 — к/м Кошколь (1987–1988); 23 — к/м Соколовский Разъезд (1987–1988); 24 — к/м Олбик (1987); 25 — кург. Листвяжный (1988); 26 — пос. Берешское III (1988, 1993); 27 — к/м Ласкан (1989); 28 — к/м Мысы (1990); 29 — к/м Саргожик (1990); 30 — могильник (поминальник?) Ораки (1990); 31 — кург. Родники (1991); 32 — к/м Объюл (1991); 33 — пос. Ингольский ключ (1991); 34 — пос. Инголь (1991); 35 — пос. Сартачуль (1993); 36 — пос. Усть-Парная (1996); 37 — пос. Развилка II (2002); 38 — кург. Береш III (1999, 2001); 39 — пос. Гляден VIII (2000); 40 — пос. Дубинино VI (2000); 41 — пос. Парная V (2002); 42 — пос. Шарыпово VI (2002, 2004); 43–47 — наскальные изображения (петроглифы) [43 — гора Кедровая (2001); 44 — гора Карагат (2001); 45 — на плитах курганов к/м у оз. Малое (2002); 46 — на плитах курганов к/м у оз. Большое (2002); 47 — на плитах курганов к/м у оз. Ораки (2002)]; 48 — укрепление на вершине горы Свялик (1997); 49 — укрепления на вершине горы Медвежонок (1997); 50 — укрепление на вершине горы Хахлах-Хыр (2000); 51 — укрепление на вершине горы Известковая (Кошколь V) (2002); 52 — городище Кабайдак (1987); 53 — городище Подозёрное (1987); 54, 55 — поселения (стоянки, места раздела добычи) [54 — Берёзовский разрез 1 (2005); 55 — Берёзовский разрез 2 (2005)]

Fig. 1. Archaeological sites studied by the Siberian Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR / Institute for the History of Material Culture RAS in 1977–2005 (а — barrow burial ground, б — single barrow, в — settlement, occupation site, г — subsoil burial ground, д — rock drawings, е — fortified structures): 1 — Berezovsky (1977–1979); 2 — Kadatskoe pole burial ground (1978, 1980); 3 — Kadatskoe pole; 4 — Ashpyl (1979–1983); 5 — settlement near the Berezovsky brook (1979–1983); 6 — Kadat VI (1980); 7 — Sharypovo-PMK (1981); 8 — Beresh 1; 9 — Beresh 2 (1982); 10 — Sinyuchiha (1982); 11 — Bolsoe Ozero II (1982); 12 — Sopki-1 (1984–1986); 13 — Kadat (1983); 14 — Melovoi Log (1983); 15 — Merzlotnaya Loshchina (1983); 16 — Ashpyl settlement (1982); 17 — Balalyk (1985); 18 — Vol-Koshkol (1986); 19 — Kol-Koshkol (1986); 20 — Aeroport (1986); 21 — Temra (1986); 22 — Koshkol (1987–1988); 23 — Sokolovsky Raz'ezd (1987–1988); 24 — Olbik (1987); 25 — Listvyazhnyi (1988); 26 — Bereshskoe III (1988, 1993); 27 — Laskan (1989); 28 — Mysy (1990); 29 — Sargozhik (1990); 30 — Oraki (1990); 31 — Rodniki (1991); 32 — Ob'yul (1991); 33 — Ingolsky Klyuch (1991); 34 — Ingol (1991); 35 — Sartachul (1993); 36 — Ust-Parnaya (1996); 37 — Razvilkha II (2002); 38 — Beresh 3 (1999, 2001); 39 — Glyaden VIII (2000); 40 — Dubinino VI (2000); 41 — Parnaya V (2002); 42 — Sharypovo VI (2002, 2004); 43–47 — petroglyphs [43 — Kedrovaya mount (2001); 44 — Karatag mount (2001); 45 — on barrow slabs near Lake Maloe (2002); 46 — on barrow slabs near Lake Bolshoe (2002); 47 — on barrow slabs near Lake Oraki (2002); 48 — on the top of the Mount Svyalik (1997); 49 — on the top of the Mount Medvezhonok (1997); 50 — on the top of the Mount Khakhpakh-Khyr (2000); 51 — on the top of the Mount Izvestkovaya (Koshkol V) (2002); 52 — Kabaidak (1987); 53 — Podozernoe (1987); 54 — Berezovsky open-pit mine 1 (2005); 55 — Berezovsky open-pit mine 2 (2005)]

сгоревшее покрытие которого, судя по степени прокала насыпи кургана, было весьма значительным. Особенно интересные наблюдения были получены при раскопках кургана Береш 3. Под насыпью его были расчищены три склепа: два — сарагашенского времени и один — тесинский. Внутренняя планиграфия кургана свидетельствовала о едином замысле сооружения: ограда не имела следов перестройки, склепы были равномерно распределены внутри нее. Можно предполагать, что строительство этих хронологически отличных комплексов было разделено небольшим временным интервалом. В пользу этого предположения может свидетельствовать и наличие среди погребального инвентаря однотипных изделий — украшений из золотой фольги. Кроме того, относительная близость к краю речной террасы может служить дополнительным индикатором большей древности этого кургана среди других Берешских. И, если согласиться с Э. Б. Вадецкой в вопросе о хронологическом сдвиге тесинского этапа в сторону его омоложения, можно говорить о существовании культур скифского типа в Назаровской котловине в последние века до нашей эры и даже в первые века нашей эры.

Изучение таштыкской культуры на территории Назаровской котловины началось с открытия Косогольского клада (Нащекин 1967), материалы которого послужили свидетельством местного характера бронзовой металлургии этого времени (Миняев 1983). В 1986 г. С. Б. Гультовым был открыт, а в 1987–1988 гг. им и Э. Б. Вадецкой исследован могильник таштыкской культуры Соколовский разъезд к западу от оз. Белого (Вадецкая 1999: 205–208). Кроме них к северу от остальной части Минусинских котловин памятники этого времени исследовались в Кемеровской области.

Именно с Кемеровской области началось планомерное исследование поселений гунно-сарматского времени, охватившее постепенно и Назаровскую котловину (Абсаямов 1977). Основной массив нового пласта памятников этой эпохи был собран в 1990-е гг. В результате разведок и планомерной паспортизации было выявлено большое число поселенческих памятников, многие из которых функционировали на протяжении нескольких археологических эпох. Материал тагарского времени, относящийся к различным этапам этой культуры, в том числе и к ее финалу, встречен более чем в 140 пунктах. Некоторые из них можно синхронизировать с находящимися поблизости могильниками. Безусловно тесинскими можно считать пять памятников. Материалы таштыкской культуры встречены в 15 пунктах. Сравнив эту информацию с известными данными по могильникам, можно убедиться в том, что для тагарской культуры наблюдается относительное соответствие количества известных могильников и выявленных поселений, чего нельзя сказать о других археологических эпохах. Возможно, некоторая доля этого несоответствия будет устранена в процессе детального анализа материалов поселений, их культурно-хронологической атрибуции. Однако следует учесть недолговременный характер поселений. Это утверждение не противоречит сказанному о функционировании поселений на протяжении нескольких эпох. Дело в том, что пастушеский характер хозяйства предполагал частую смену временных поселений, что согласуется с рассказом Геродота о ценностных приоритетах причерноморских скифов (IV, 127). Кроме того, культурный слой за короткое время существования поселка на одном месте просто не успевал нарастать или был смыт, выветрен, разрушен.

Говоря о массиве данных гунно-сарматского времени Назаровской котловины, нельзя обойти вниманием находки керамики, украшенной орнаментом, характерным для кулайской культуры Западной Сибири (Красниенко 1999). Эти находки подчеркивают характер Назаровской котловины как связующего звена между культурами Среднего Енисея и Западной Сибири, что было актуально и для рубежа эр.

Подводя итоги, следует отметить, что основная часть работ на археологических памятниках Назаровской котловины состоялась в рамках спасательных хоздоговорных мероприятий. Этот факт отнюдь не означает, что эта территория не представляет самостоятельного интереса для фундаментальных исследований. Научный потенциал археологии Назаровской котловины не исчерпан.

Литература

- Абсалямов 1977 — *Абсалямов М. Б.* О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. 1977. Вып. 9. С. 34–42.
- Афанасьевский сборник 2010 — Афанасьевский сборник / Поляков А. В., Степанова Н. Ф. (отв. ред.). Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.
- Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири (Archaeologica Petropolitana. VII). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Вадецкая, Гультов 1986 — *Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б.* Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 92–99.
- Вадецкая и др. 2018 — *Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В.* Ашпыл — некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 293 с.
- Виноградов 1982 — *Виноградов А. В.* Исследование неолитических памятников Минусинской котловины // АО 1980 г. 1981. С. 171–172.
- Геродот — *Геродот. История в девяти книгах* / Стратановский Г. А. (пер. и прим.). Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Грязнов и др. 1979 — *Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пищеницина М. Н., Худяков Ю. С.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Есин 2002 — *Есин Ю. Н.* К проблеме соотношения самусьской и окуневской культур // Черняк Э. И. (отв. ред.). Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского гос. ун-та. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. Т. 1. С. 39–56.
- Илюшин, Ковалевский 1999 — *Илюшин А. М., Ковалевский С. А.* Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Кирюшин Ю. Ф., Тиштин А. А. (отв. ред.). Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 60–64.
- Козинцев 1977 — *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Косарев 1987 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф. (отв. ред.). Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 272–275 (Археология СССР).
- Красниенко 1999 — *Красниенко С. В.* Кулайцы на среднем Чулыме: столкновение традиций // Массон В. М., Никоноров В. П. (ред.). Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 23–25.11.1999). СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 37–40 (Археологические изыскания. Вып. 61).
- Красниенко 2002 — *Красниенко С. В.* Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Пиотровский Ю. Ю. (отв. ред.). Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 171–175.
- Красниенко 2018 — *Красниенко С. В.* География археологических памятников Назаровской котловины // Медведева М. В., Смирнов Н. Ю. (отв. ред.). Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 128–131.
- Красниенко, Кириллов 1995 — *Красниенко С. В., Кириллов Е. Л.* Могильник Кошколь // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Южная Сибирь в древности: Сб. ст. СПб.: б. и., 1995. С. 104–114 (Археологические изыскания. Вып. 24).
- Красниенко, Субботин 1997 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 112 с. (Археологические изыскания. Вып. 48).
- Красниенко, Субботин 2002 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Тагарская культура: анализ данных и новые открытия // Мирас. 2002. № 1. С. 93–99.
- Красниенко, Субботин 2006 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Окуневские памятники на территории Назаровской котловины // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 235–241.

- Красниенко, Субботин 2013 — Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край), история изучения и современное состояние. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 200 с.
- Курочкин 1983 — Курочкин Г. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках): Сб. ст. Л.: Наука, 1983. С. 56–58.
- Максименков 1965 — Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири // Крупнов Е. И. (отв. ред.). Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселёва. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука, 1965. С. 168–174 (МИА. № 130).
- Миняев 1983 — Миняев С. С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 101–103.
- Нащекин 1967 — Нащекин Н. В. Косогольский клад // АО 1966 г. 1967. С. 163–165.
- Пламеневская 1979 — Пламеневская О. Л. Раскопки курганов на Кадатском Поле // АО 1978 г. 1979. С. 264–265.
- Поляков 2010 — Поляков А. В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Поляков А. В., Степанова Н. Ф. (отв. ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.
- Савинов 1981 — Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Троицкая Т. Н. (отв. ред.). Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы: Сб. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Савинов 2012 — Савинов Д. Г. Тагарская археологическая общность // Советова О. С., Китова Л. Ю. (ред.). Археология Южной Сибири. Вып. 26: Сб. науч. тр., посв. 80-летию со дня рождения А. И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 58–62.
- Субботин 1983 — Субботин А. В. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 64–66.
- Субботин 1995а — Субботин А. В. Работы по паспортизации в Южной Сибири // АО 1995 г. 1996. С. 367–368.
- Субботин 1995б — Субботин А. В. Работы по учету памятников в Красноярском крае и перспективы ландшафтной археологии // Массон В. М. (отв. ред.) и др. Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК (11–14.04.1995). СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 39–41 (Археологические изыскания. Вып. 22).
- Субботин 2000 — Субботин А. В. Позднетагарский курган у с. Ораки / Никитин А. Б. и др. (редкол.). Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 174–183.
- Теплоухов 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Тугаринов 1926 — Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. 1926. Т. I (V). С. 153–158.
- Учанева и др. 2017 — Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Членова 1992 — Членова Н. Л. Тагарская культура // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224 (Археология СССР).
- Kulkova, Krasnienko 2010 — Kulkova M., Krasnienko S. The impact of holocene climate on the development of prehistoric societies in Southern Siberia // Radiocarbon. 2010. Vol. 52, no. 4. P. 1557–1569.

BETWEEN THE TOM AND THE YENISEI RIVERS: ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE NAZAROVY BASIN

A. V. Subbotin, S. V. Krasnienko

Keywords: *Nazarovo Basin, Siberian Expedition, early nomadic cultures, Afanasievo, Okunevo, Andronovo, Middle and Late Bronze Age cultures, Tagar, Tesin, Tashtyk*

Over 30 years of work by the Siberian Expedition of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences / Institute for the History of Material Culture (IHMC RAS), in the Nazarovo Basin have yielded significant scientific data. Previously fragmented information has been supplemented through archaeological excavations, surveys, studies of rock art (petroglyphs), investigations of ancient structures — particularly defensive ones, as well as ancient settlements. As a result, a fairly objective database was compiled of the sites related to the cultures of early nomads (2nd millennium BC — 1st millennium AD). For each chronological period, region specific local features were identified. Furthermore, connections between the ancient population of the Nazarovo Basin and neighboring territories were documented.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК РАН

КЛАД РУССКИХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ XVI ВЕКА — 1717 ГОДА ИЗ ДЕРЕВНИ БУДОВИЖ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

К. В. ГОРЛОВ, И. В. КОНОВАЛОВА²

Ключевые слова: нумизматика, клад, серебро, Петр I, деревня Будовиж, Псковская область, Псковское озеро.

В статье рассматривается состав клада русских серебряных монет 1536/1538 — 1717 гг., найденного при случайных обстоятельствах у деревни Будовиж Печорского района Псковской области. Структура сохранившейся части клада из 563 монет дает возможность его рассмотрения в качестве полноценного источника по истории русского денежного обращения в первой половине XVIII в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-92-105

В газете «Псковская правда» за февраль 1955 г. была опубликована заметка о находке в 1941 г. при рытье окопов жителями дер. Будовиж Печорского района Псковской области в земле двух кубышек, наполненных монетами. В 1941 г. дер. Будовиж с лодочной пристанью рассматривалась в качестве важной переправы через Псковское озеро. В связи с этим в окрестностях населенного пункта размещалась бригада противовоздушной обороны, для установки орудий которой и готовились окопы³. В ходе этих работ был найден клад.

После обнаружения денежные знаки разошлись по рукам. В 1955 г. «учительница Городищенского сельсовета Печорского района Евгения Александровна Васильева» (Куликова 1955: 4) передала Псковскому краеведческому музею 563 монеты в качестве части данного клада. Приведенная в статье фраза «Сейчас большинство из них собрано» указывает на формирование Е. А. Васильевой нумизматического комплекса путем сбора сохранившихся у местных жителей монет (Там же). Публикация в газете на сегодня остается наиболее полной справкой об обстоятельствах находки клада и его дальнейшей судьбе. Сведения о депозите, приведенные в сводке находок русских монет, зарегистрированных отделом нумизматики Эрмитажа в 1948–1974 гг., в краткой форме воспроизводят основные сведения заметки из «Псковской правды» (Сотникова 1979: 131).

В музейной карточке учета клада указано: «Клад обнаружен при рытье окопов во время Великой Отечественной войны у дер. Будовиж». Документ приводит сведения о количестве

¹ К. В. Горловым исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0005).

² К. В. Горлов — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; И. В. Коновалова — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Псков.

© Горлов К. В., Коновалова И. В., 2025

³ Других оборонительных сооружений в 1941 г. в местности, примыкающей к дер. Будовиж, по документам установить не удается. Важно отметить, что в начале Великой Отечественной войны у советских войск практиковалась ячечная система обороны, когда каждый боец готовил себе индивидуальный окоп.

переданных на хранение в 1955 г. экземпляров, их краткое описание и общую датировку 1698–1717 гг.⁴

Переданные в 1955 г. в музей 563 монеты в настоящее время хранятся в Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. В 2025 г. авторами статьи произведен поштемпельный анализ монет (табл.). При описании эмиссии Ивана Васильевича IV, Михаила Федоровича приведены ссылки на систематизацию А. С. Мельниковой и И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (Мельникова 1989; Гришин и др. 2021). Для копеек Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича даны ссылки на номера в «Каталоге русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого» (Гришин и др. 2021).

Структура сохранившейся части клада представлена одной московской денгой Ивана Васильевича IV, выпущенной около 1536–1538 гг. Чеканке Михаила Федоровича принадлежит московская копейка, чеканенная около 1614 г. К совместному правлению Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича относятся семь копеек с именем в легенде младшего из братьев. Эмиссии Петра Алексеевича 1696/1697–1717 гг. принадлежат 552 копейки. Младшие девять экземпляров датированы 1717 г. Еще на двух может указываться 1716 или 1717 г. (рис. 1–3).

Оставшиеся две монеты представлены продукцией фальшивомонетчиков начала XVIII в. Первая отчеканена на заготовке из белого металла и имитирует копейку Денежных дворов приказа Большой казны выпуска не позже 1704 г. Вторая бита на заготовке желтого цвета (медный сплав⁵) подражает копейке Красного (Старого) денежного двора 1706 г.

Представленная композиция комплекса тождественна составу подавляющего большинства русских кладов первой половины XVIII в., сформированных из проволочных серебряных монет (Максимов 2003; 2006: 262–264; 2013: 143; Бородовский, Горохов 2016; Алексеенко, Зверев 2022; Горлов и др. 2023а; 2023б; Беркович и др. 2024: 371–373). Для таких депозитов характерны признаки: небольшие размеры, малая часть эмиссии предыдущих правлений, преобладающее число пореформенных петровских копеек, около 1 % фальшивых экземпляров (Беркович и др. 2024).

Номенклатура собранных Е. А. Васильевой монет указывает, что заполнение найденных при рытье окопов двух кубышек следует считать одним капиталом, вероятно, единовременно скрытым в земле⁶. Состав сохранившейся части депозита демонстрирует, что случайного примешивания посторонних монет при сборах 1955 г. у местных жителей, вероятно, не происходило.

П. Г. Гайдуков экспериментальным путем показал: часть клада отражает структуру и процентное содержание разных типов монет всего комплекса; по части можно датировать скрытие клада; состав маленькой части содержит лишь наиболее многочисленные типы монет клада, малочисленные типы монет попадают в подобные выборки с меньшей долей вероятности; часть клада полностью свидетельствует о метрологических особенностях наиболее многочисленных типов монет комплекса (Гайдуков 1994; 1996). А. В. Быков, исследуя случайные выборки по 1000 монет из состава Архангельского клада начала XVIII в., указывал на близость их структуры (Быков 2002). Это дает основание рассматривать сохранившийся сегмент депозита, найденного в 1941 г. жителями дер. Будовиж, в качестве полноценного источника по истории русского денежного обращения первой половины XVIII в.

⁴ Картоточка учета клада КП ПМЗ 2344.

⁵ Возможно, копейка была изготовлена на заготовке из медного сплава с нанесением на поверхность имитации драгоценного металла в виде олова (лужение). Монета подверглась химической чистке, в результате которой следы покрытия могли исчезнуть.

⁶ К сожалению, каких-либо сведений о характеристики кладовой тары не сохранилось, кроме указанной в газетной статье 1955 г. характеристики «кубышки», что позволяет говорить о керамических сосудах.

Таблица. Состав клада серебряных русских монет XVI в. — 1717 г.
из деревни Будовиж Псковской области

№ п/п	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Тип	Шт.	Вес, г
Иван Васильевич IV (1533–1584). Денга					
1	Ок. 1536–1538	Москва	М. Т. 1, 4-2 (ГКХ-43*)	1	0,35
Михаил Федорович (1613–1645). Копейка					
2	Ок. 1614	Москва / МОС / КВА	М. Т. 8, 3-3 (ГКХ-383)	1	0,51
Иван Алексеевич и Петр Алексеевич (1682–1696). Копейки					
3	1682–1696	Москва / о/М	1154	1	0,26
4	То же	То же	1171	1	0,29
5	То же	То же	1188	1	0,37
6	То же	То же	1190	1	0,34
7	То же	То же	1196	1	0,22
8	То же	То же	1200	1	0,21
9	То же	Москва / РСД/СИА	1206	1	0,33
Петр Алексеевич (1682–1725). Копейки					
10, 11	СЕ / 1696–1697	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1225	2	0,25; 0,26
12	То же	То же	1229	1	0,22
13	То же	То же	1232	1	0,24
14	СС / 1697–1698	То же	1236	1	0,20
15–17	То же	То же	1239	3	0,20; 0,27; 0,28
18	То же	То же	1240	1	0,20
19	То же	То же	1241	1	0,22
20, 21	То же	То же	1242	2	0,21; 0,26
22	То же	То же	1243 ?	1	0,19
23–25	С3** / 1698–1699	То же	1245	3	0,23; 0,25; 0,29
26	То же	То же	1246	1	0,37
27–35	То же	То же	1247	9	0,19; 0,22; 0,23; 0,24; 0,27 (3); 0,28; 0,31
36, 37	СН / сентябрь — декабрь 1699	То же	1249	2	0,23; 0,30
38–46	То же	То же	1250	9	0,17; 0,25 (2); 0,28 (3); 0,29; 0,30; 0,32
47–59	То же	То же	1251	13	0,18; 0,23; 0,24 (2); 0,25 (4); 0,26 (2); 0,28; 0,29 (2)
60	То же	То же	1253 ?	1	0,25
61	То же	То же	О.с. 9; Л.с. —	1	0,24
62–64	ЯΨ / 1700	Москва, Денежные дворы приказа Большой казны	1254	3	0,24 (2); 0,27
65–68	ЯΨ / 1700	То же	1256	4	0,26; 0,28 (2); 0,33
69–72	То же	То же	1261	4	0,24; 0,25 (2); 0,26
73–75	ЯΨА / 1701	То же	1269	3	0,28 (2); 0,30
76	То же	То же	1270	1	0,18
77–81	То же	То же	1273	5	0,16; 0,20; 0,27; 0,28; 0,29
82–85	То же	То же	1280	4	0,18; 0,26; 0,27; 0,30
86–102	То же	То же	1281	17	0,17 (2); 0,23; 0,24; 0,25; 0,26 (5); 0,27 (3); 0,28; 0,29 (2); 0,38
103	То же	То же	1289	1	0,28
104–112	То же	То же	1291	9	0,20; 0,23; 0,25; 0,28 (2); 0,30 (2); 0,31; 0,38
113	То же	То же	1299	1	0,29

Таблица, продолжение

№ п/п	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Тип	Шт.	Вес, г
114–116	То же	То же	1301	3	0,21; 0,26 (2)
117	То же	То же	1302	1	0,27
118, 119	1701	То же	1309	2	0,28; 0,30
120	ЯΨА / 1701	То же	Л.с. 17; О.с. ?***	1	0,27
121	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1429	1	0,22
122	То же	То же	1432	1	0,29
123, 124	То же	То же	1433	2	0,24; 0,30
125	То же	То же	1435	1	0,28
126–129	То же	То же	1437	4	0,25; 0,27; 0,29 (2)
130	То же	То же	1440	1	0,26
131, 132	То же	То же	1447	2	0,26; 0,33
133	То же	То же	1451	1	0,27
134–141	ЯΨВ / 1702	Москва, Денежные дворы приказа Большой казны	1314	8	0,14; 0,19; 0,23; 0,24; 0,25; 0,28 (2); 0,30
142	То же	То же	1317	1	0,27
143–149	То же	То же	1318	7	0,25; 0,26; 0,28 (2); 0,30; 0,33 (2)
150	То же	То же	1321	1	0,23
151–157	То же	То же	1322	7	0,23 (2); 0,26; 0,27; 0,28 (2); 0,30
158	То же	То же	1323	1	0,22
159	То же	То же	1324	1	0,24
160	То же	То же	1325 ?	1	0,26
161–165	То же	То же	1326	5	0,24; 0,26 (2); 0,28; 0,30
166, 167	То же	То же	1327 ?	2	0,24; 0,29
168–170	То же	То же	1328	3	0,25; 0,29; 0,32
171–173	То же	То же	1330	3	0,22; 0,28; 0,32
174	То же	То же	1334	1	0,27
175	То же	То же	Л.с. ?; О.с. 22	1	0,27
176	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1462	1	0,25
177	То же	То же	1463	1	0,27
178	То же	То же	1465	1	0,22
179	То же	То же	1466	1	0,26
180, 181	То же	То же	1467	2	0,22; 0,28
182, 183	То же	То же	1470	2	0,23; 0,27
184	То же	То же	1486	1	0,26
185	То же	То же	1489	1	0,17
186	То же	То же	1501	1	0,33
187	То же	То же	1519	1	0,27
188	То же	То же	1521 ?	1	0,25
189	То же	То же	1533	1	0,24
190	То же	То же	1552	1	0,28
191	То же	То же	1559	1	0,22
192, 193	То же	То же	1560	2	0,25; 0,28
194	То же	То же	1568	1	0,24
195	То же	То же	1597	1	0,29
196–202	То же	То же	1600	7	0,23 (3); 0,26; 0,27 (2); 0,29
203, 204	То же	То же	1601	2	0,27; 0,28
205	То же	То же	1606	1	0,28
206–209	То же	То же	1607	4	0,24; 0,25; 0,26; 0,31
210, 211	То же	То же	1609	2	0,27; 0,30

Таблица, продолжение

№ п/п	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Тип	Шт.	Вес, г
212	То же	То же	1610	1	0,29
213	То же	То же	1625	1	0,30
214, 215	То же	То же	1640	2	0,28; 0,35
216	То же	То же	1643	1	0,31
217–219	То же	То же	1645	3	0,26 (2); 0,27
220	То же	То же	1651	1	0,29
221	То же	То же	?	1	0,28
222	ЯΨА / 1701 или ЯΨВ / 1702	Москва, Денежные дворы приказа Большой казны	1269 или 1311	1	0,28
223	ЯΨГ / 1703	То же	1336	1	0,29
224	То же	То же	1340	1	0,25
225–233	То же	То же	1342	9	0,23; 0,24; 0,25; 0,26; 0,27 (2); 0,28 (2); 0,30
234	То же	То же	1345	1	0,32
235–242	То же	То же	1348	8	0,25; 0,27 (3); 0,28; 0,29; 0,34; 0,35
243	То же	То же	1349	1	0,29
244, 245	То же	То же	1353	2	0,25; 0,30
246–249	То же	То же	1355	4	0,21; 0,26; 0,27 (2)
250–253	То же	То же	1357	4	0,25; 0,28 (2); 0,29
254, 255	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1658	2	0,29; 0,37
256	То же	То же	1659	1	0,24
257–259	То же	То же	1660	3	0,23; 0,24; 0,28
260–264	То же	То же	1661	5	0,23; 0,26; 0,27 (2); 0,31
265	То же	То же	1662	1	0,27
266	То же	То же	1664 ?	1	0,29
267	То же	То же	1667	1	0,29
268	То же	То же	1671	1	0,29
269	То же	То же	1676	1	0,27
270	То же	То же	1678	1	0,30
271	То же	То же	1679	1	0,26
272–274	То же	То же	1683	3	0,26 (2); 0,29
275	То же	То же	1693	1	0,28
276	То же	То же	Л.с. 30; О.с. 84	1	0,29
277–285	ЯΨВ / 1702 или ЯΨГ / 1703	Москва, Денежные дворы приказа Большой казны	1321 или 1336	9	0,17; 0,24; 0,25 (2); 0,26 (2); 0,27; 0,29; 0,34
286	То же	То же	1324 или 1338	1	0,29
287, 288	То же	То же	1327 или 1340	2	0,25; 0,33
289–300	То же	То же	1330 или 1348	12	0,21; 0,25; 0,26 (2); 0,27 (3); 0,28 (3); 0,30 (2)
301, 302	То же	То же	1333 или 1354	2	0,263; 0,29
303–307	То же	То же	1334 или 1355	5	0,25; 0,26 (3); 0,28
308	1702–1703	То же	Л.с. ?; О.с. 29	1	0,29
309	ЯΨД / 1704	То же	1361	1	0,28
310, 311	То же	То же	1362	2	0,26; 0,29
312–318	То же	То же	1363	7	0,23 (2); 0,25; 0,27; 0,28 (2); 0,31
319	1700–1704	То же	Л.с. ?; О.с. 16	1	0,24
320	1700–1704	То же	?	1	0,22
321	1696–1704	То же	1217–1365	1	0,26
322	То же	То же	?	1	0,26

Таблица, продолжение

№ п/п	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Тип	Шт.	Вес, г
323	То же	Москва	?	1	0,23
324–326	ЯΨД / 1704	Москва, Кадашевский денежный двор	1707	3	0,26; 0,28; 0,33
327–330	То же	То же	1713	4	0,21; 0,27; 0,28; 0,32
331–336	То же	То же	1714	6	0,25 (2); 0,26 (2); 0,27; 0,28
337, 338	ЯΨЕ / 1705	То же	1728	2	0,25; 0,29
339–343	То же	То же	1730	5	0,23; 0,24; 0,25; 0,30; 0,33
344	То же	То же	1736	1	0,25
345	То же	То же	1738	1	0,33
346	ЯΨС / 1706	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1368	1	0,29
347, 348	То же	То же	1369	2	0,23; 0,25
349	То же	То же	1370	1	0,29
350–355	То же	То же	1371	6	0,23; 0,24; 0,25 (2); 0,27 (2)
356–359	То же	То же	1373	4	0,20; 0,24; 0,28; 0,29
360–362	То же	То же	1376	3	0,26; 0,27; 0,29
363, 364	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1745	2	0,28; 0,30
365–367	То же	То же	1748	3	0,26; 0,27 (2)
368–371	То же	То же	1753	4	0,26; 0,27 (2); 0,28
372	То же	То же	1755	1	0,25
373	То же	То же	1756	1	0,30
374–376	АΨЗ / 1707	То же	1760	3	0,19; 0,26; 0,27
377–379	То же	То же	1763	3	0,27; 0,29; 0,32
380–383	То же	То же	1764	4	0,24; 0,28 (2); 0,32
384	То же	То же	1765	1	0,27
385	То же	То же	1772	1	0,25
386–390	АΨН / 1708	То же	1776	5	0,23; 0,25; 0,26; 0,30 (2)
391, 392	То же	То же	1778	2	0,26 (2)
393, 394	ЯΨΘ / 1709	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1381	2	0,26 (2)
395–397	То же	То же	1382	3	0,23; 0,27 (2)
398, 399	То же	То же	1384	2	0,21; 0,28
400	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1782	1	0,28
401	То же	То же	1783	1	0,29
402	То же	То же	1786	1	0,26
403–406	То же	То же	1788	4	0,19; 0,26 (2); 0,27
407–416	То же	То же	1789	10	0,20; 0,26 (3); 0,27 (4); 0,28; 0,31
417	То же	То же	1788 или 1800	1	0,28
418–420	То же	То же	1792	3	0,24; 0,26 (2)
421–423	То же	То же	1804	3	0,27; 0,28; 0,31
424, 425	То же	То же	1810	2	0,25; 0,31
426, 427	То же	То же	1811	2	0,28; 0,29
428–430	То же	То же	1812	3	0,23; 0,28; 0,30
431–434	То же	То же	1813	4	0,25; 0,26; 0,28; 0,30
435	То же	То же	1816	1	0,28
436, 437	То же	То же	1818	2	0,30 (2)
438	То же	То же	1819	1	0,26
439	1701–1709	То же	?	1	0,27

Таблица, окончание

№ п/п	Дата чеканки, г.	Место чеканки	Тип	Шт.	Вес, г
440–442	ЯΨI / 1710	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1387	3	0,23 (2); 0,25
443–453	То же	То же	1389	11	0,21; 0,22; 0,24; 0,27 (5); 0,28 (2); 0,29
454–462	То же	То же	1390	9	0,18; 0,23; 0,25; 0,26; 0,27; 0,28; 0,29; 0,30 (2)
463	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1825 ?	1	0,27
464	То же	То же	1826	1	0,26
465, 466	ΨЯI / 1711	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1395	2	0,27; 0,28
467–475	То же	То же	1396	9	0,25; 0,26 (2); 0,27 (2); 0,28 (3); 0,29
476	То же	То же	1397	1	0,25
477, 478	То же	То же	1398	2	0,28 (2)
479, 480	То же	Москва, Кадашевский денежный двор	1835	2	0,27; 0,29
481, 482	То же	То же	1836	2	0,26; 0,28
483–492	То же	То же	1837	10	0,24; 0,25; 0,26; 0,27 (2); 0,28 (2); 0,29 (2); 0,32
493–498	То же	То же	1838	6	0,24; 0,28 (3); 0,29 (2)
499–512	ΨВI / 1712	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1400	14	0,24; 0,26 (2); 0,27; 0,28 (4); 0,29 (4); 0,31; 0,32
513–516	То же	То же	1403	4	0,22; 0,26; 0,28; 0,29
517	ΑΨГI / 1713	То же	1853	1	0,30
518, 519	То же	То же	1854	2	0,25; 0,28
520	То же	То же	1855	1	0,28
521–525	ΨЕI / 1715	То же	1409	5	0,23 (2); 0,26; 0,27 (2)
526	То же	То же	1410	1	0,28
527, 528	То же	То же	1411	2	0,25; 0,27
529–532	ΨSI / 1716	То же	1415	4	0,25; 0,27; 0,29 (2)
533, 534	То же	То же	1416	2	0,29; 0,37
535–544	ΨSI / 1716	То же	1417	10	0,19; 0,26; 0,27 (3); 0,28; 0,29 (3); 0,35
545	То же	Москва, Кадашевский денежный двор (?)	1858	1	0,30
546–550	То же	То же	1868	5	0,25; 0,27 (3); 0,28
551–559	ΨЗI / 1717	Москва, Красный (Старый) денежный двор	1420	9	0,21; 0,24; 0,25 (2); 0,26; 0,27; 0,28 (2); 0,31
560, 561	ΑΨSI / 1716 или ΑΨЗI / 1717	Москва, Кадашевский денежный двор (?)	1868 или 1874	2	0,24; 0,26
562	Фальшивая монета, имитирующая проволочную копейку Русского царства эмиссии Петра Алексеевича начала XVIII в.			1	0,13
563	Фальшивая монета, имитирующая проволочную копейку Русского царства эмиссии Петра Алексеевича 1700–1704 гг.			1	0,22

* М — классификация монет А. С. Мельниковой (Мельникова 1989), ГКХ — классификация монет И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (Гришин и др. 2021).

** Здесь и далее приводится буквенное обозначение года выпуска копеек, отчеканенное на их лицевой стороне. До 1700 г. даты буквами славянского алфавита указывались от сотворения мира, а позже — от Рождества Христова.

***Производственный брак: отчеканена только О.с.

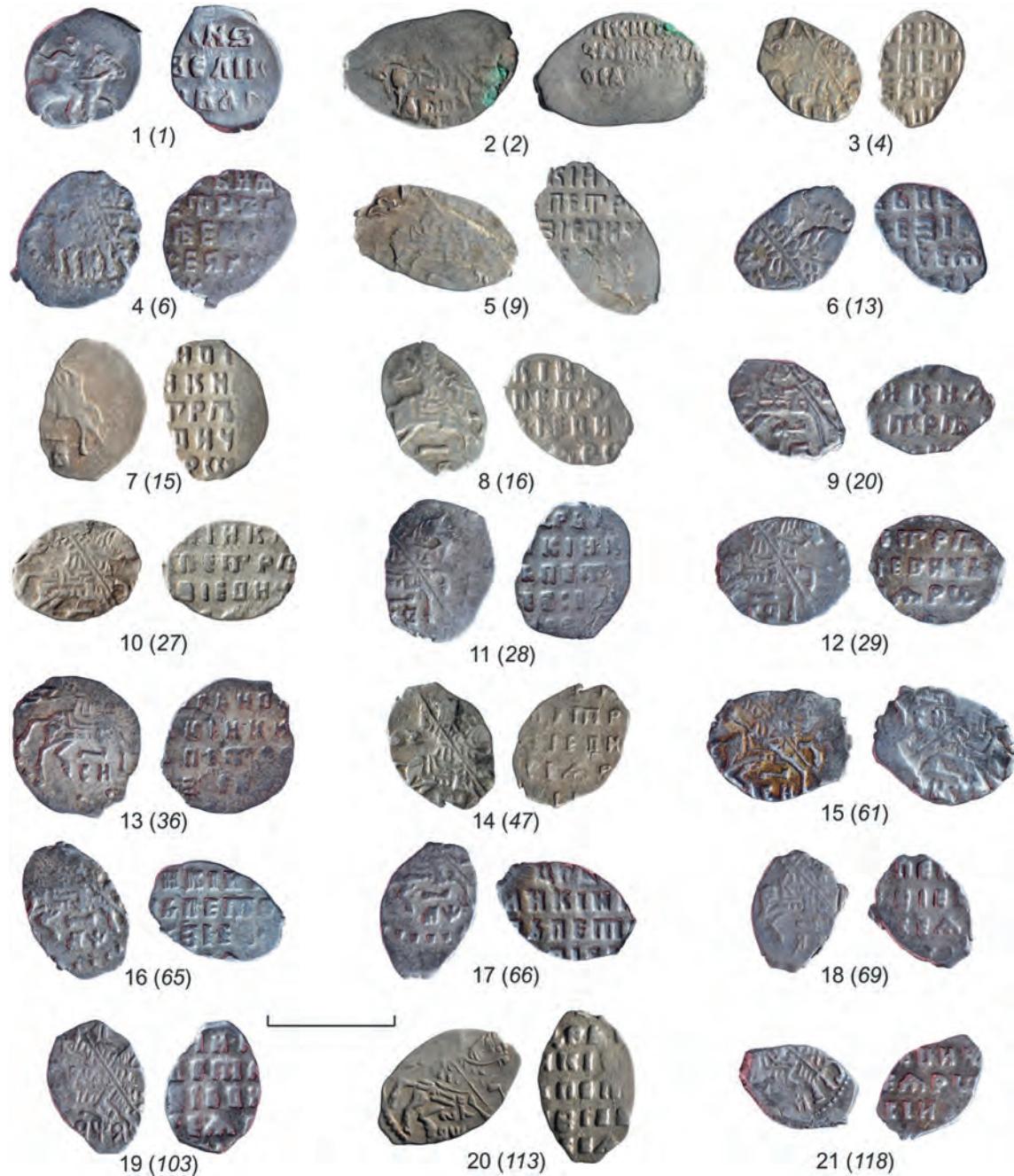

Рис. 1. Клад русских монет из дер. Будовижа Псковской обл., эмиссии: 1 — Иван Васильевич IV; 2 — Михаил Федорович; 3–5 — Иван Алексеевич и Петр Алексеевич; 6–21 — Петр Алексеевич. Серебро. Номера монет в скобках соответствуют порядковым номерам в таблице. Фото К. В. Горлова

Fig. 1. Hoard of Russian silver coins from the Bodovizh village, Pskov region, emissions:

1 — Ivan Vasilyevich IV; 2 — Michail Fedorovich; 3–5 — Ivan Alekseyevich and Petr Alekseyevich; 6–21 — Petr Alekseyevich. Silver. Numbers of coins in parentheses correspond to the ordinal numbers in table 1. Photo by K. V. Gorlov

Рис. 2. Клад русских монет из дер. Будовиж Псковской обл., эмиссия Петра Алексеевича (№ 22–42). Серебро. Номера монет в скобках соответствуют порядковым номерам в таблице. Фото К. В. Горлова
 Fig. 2. Hoard of Russian silver coins from the Bodovihz village, Pskov region, emission of Petr Alekseyevich (nos. 22–42), silver. Numbers of coins in parentheses correspond to the ordinal numbers in table 1.
 Photo by K. V. Gorlov

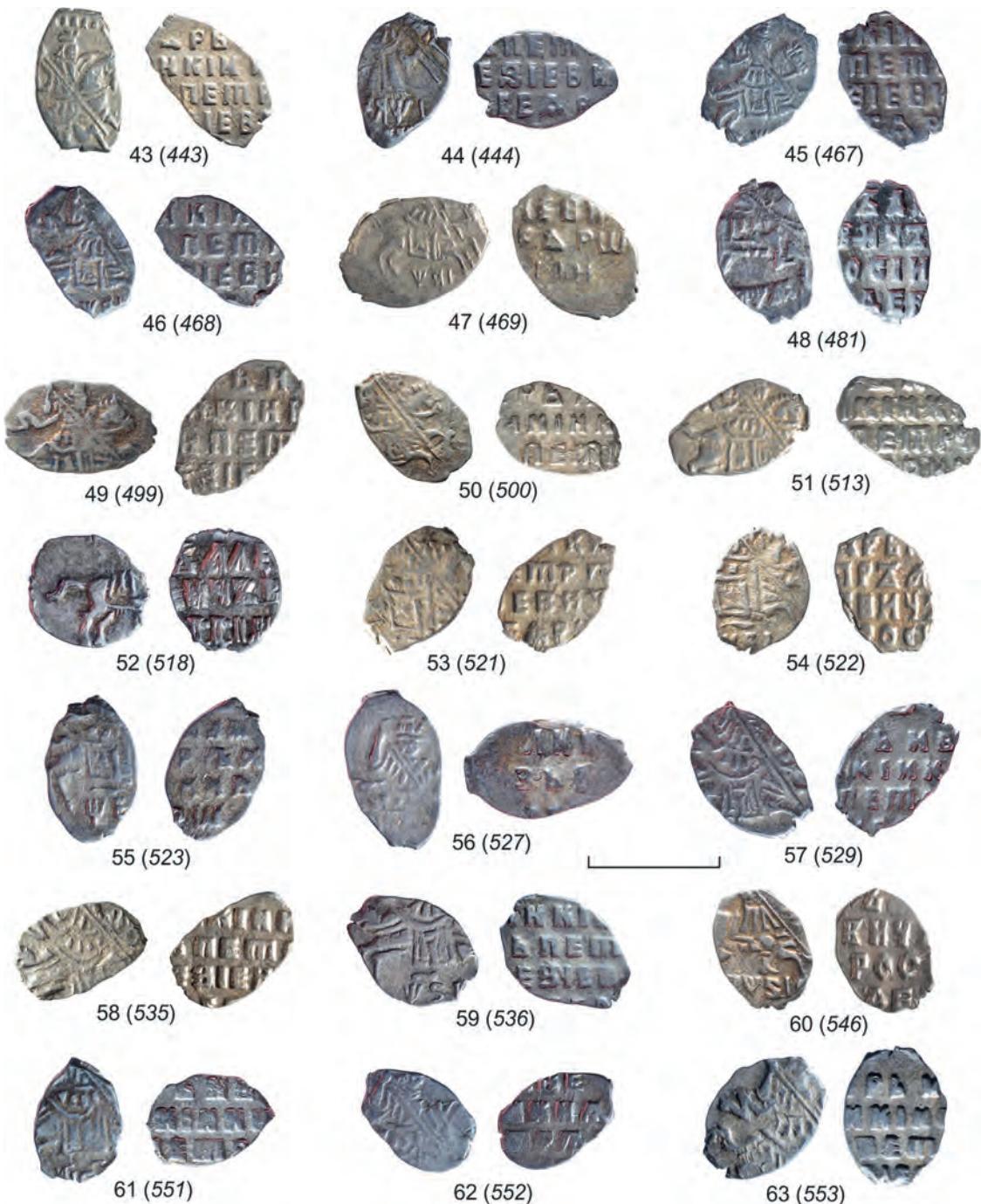

Рис. 3. Клад русских монет из дер. Будовицк Псковской обл., эмиссия Петра Алексеевича (№ 43–63). Серебро. Номера монет в скобках соответствуют порядковым номерам в таблице. Фото К. В. Горлова
 Fig. 3. Hoard of Russian silver coins from the Bodovihz village, Pskov region, emission of Petr Alekseyevich (nos. 43–63), silver. Numbers of coins in parentheses correspond to the ordinal numbers in table 1. Photo by K. V. Gorlov

Состав комплекса, представленный на 80 % копейками времени единоличного правления Петра Алексеевича, указывает, что формирование капитала произошло не ранее начала XVIII в. Повышение монетной стопы в 1698 г до 720 коп. из гривенки серебра повлекло за собой понижение нормативного веса копеек с 0,406 г до 0,284 г (Зверев 2014; Волков 2009). Резкое и значительное снижение веса новых монет привело к выпадению из обращения старых тяжелых экземпляров, утрачивающих функцию денег и переходящих в товар (Беркович и др. 2024: 371).

Огромные масштабы чеканки, связанные с расходами Северной войны, требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке старых русских денег в новые пониженного веса.

С мая 1701 г. старая монета стала официально обмениваться на новую «с придачею» по 10 копеек на рубль и распределяться на денежные дворы для передела, что окончательно выводило ее из обращения (Деммени 1887: 33, 34). На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи свезенных в Москву старых копеек. Максимальная доходность по переделу пришла на 1702 г. Сырье для передела поступало как от приказов, так и путем покупки и обмена у населения (Ширяков 2013: 143; Краснов 2015: 188). Структура кладов первого десятилетия XVIII в. демонстрирует быстрое исчезновение из обращения монет предыдущего столетия. На сотни экземпляров петровских проволочных копеек приходится по несколько денежных знаков более раннего времени.

Даты чеканки младших монет из состава рассматриваемого клада указывают на сокрытие капитала не ранее 1717 г. Установление узкой верхней даты тезаврации депозита проблематично, поскольку проволочные монеты Петра Алексеевича могли оставаться в обращении до середины XVIII в.⁷ Отметим, что подавляющее большинство копеек, в том числе и с датами выпуска 1715–1717 гг., имеют потертости и царапины, указывающие на продолжительное и интенсивное участие в обороте.

Свободное хождение «старых денег» запрещалось с 1 июня 1744 г. В течение последующих двух лет разрешалась уплата ими податей и пошлин. С 1 июня 1746 г. проволочные монеты принимали только на вес по заниженной по сравнению с рыночной цене. Однако выполнение этого постановления растянулось почти на 10 лет (Деммени 1887: 157, 158, 314–334, 442–444; Юхт 1986: 39, 40). Главным образом проволочные копейки были востребованы в консервативной крестьянской общности, где серебряные средства расчета предпочитались медным. Также своеобразный «ареал» обращения проволочных монет формировался в солдатской среде, при расчете на маршах с местным населением за товары (Горлов и др. 2023б; Горлов, Масловский 2024). Даже после 1750-х гг. проволочная копейка кое-где еще сохраняла значение местного платежного средства (Мельникова, Дядченко 1994: 21, 22; Векслер, Мельникова 1999: 170, 171).

Количественное распределение копеек Петра Алексеевича из состава клада по указанным датам чеканки показывает доминирование экземпляров 1702 г. В целом в комплексе значительно преобладают экземпляры 1701–1703 гг. как отражение интенсивности денежного передела. Также количественно выделяются копейки с датами 1709, 1710, 1706, 1711, 1716 гг.

Представленная в переданной в музей части клада сумма составляет пять рублей 62 копейки и одну денгу, которую из-за близости веса к копейкам стопы 1698 г. можно рассматривать в качестве двуденежника (Максимов 2003: 197). Изначально сокрытая в двух кубышках сумма остается неизвестной. Судя по тому что капитал был укрыт в двух сосудах, его величина представляется в несколько раз больше сохранившейся.

Клады петровского времени в сравнении с депозитами середины — второй половины XVII в. уменьшаются в размерах и составляют в среднем шесть — десять рублей (Максимов

⁷ В 1730-х гг. проволочные копейки и фракции активно переделывали в крупные монеты (Юхт 1994: 77–94).

2013: 144). Отчасти это связано с тем, что с конца XVII в. большинство владельцев сколько-нибудь крупных капиталов пыталось пустить их в финансовый оборот с возможностью извлечения прибыли, а не зарывать в землю (Мельникова 1989: 227; Векслер, Мельникова 1999: 171).

При этом размеры депозитов петровского времени, состоящих из проволочных монет, очень разнообразны и не указывают на какую-либо схему их формирования. Крестьяне и часть городского населения России в первой половине XVIII столетия в качестве средств хранения капиталов продолжали использовать традиционные серебряные проволочные монеты, нежели непривычные «тарели», вес которых к тому же неоднократно уменьшался⁸. Массив кладов, состоящих из проволочных копеек, сокрытых в петровское время, огромен и превышает число в два предыдущих столетия. Увеличение количества депозитов в первой трети XVIII в. связано с изменением набора кладообразующих стимулов вследствие серьезных социальных изменений, происходящих в России (Смирнов 1992: 14, 15; Мельникова, Дядченко 1994: 20). Большое количество кладов петровской эпохи говорит как об их массовом сокрытии, так и о значительной невостребованности, связанной с высоким уровнем миграции и смертностью населения.

Найдка публикуемого клада в сельской местности позволяет связать его владельца с крестьянским сословием. Раннее упоминание деревни Будовиц «Снетогорского монастыря» содержится в Писцовой книге 1585–1587 гг. (Сборник… 1913: 144). Позднее населенный пункт фигурирует в документах начала XVIII в. Деревня Будовища обозначена на Карте Генерального межевания, выполненного вероятнее всего около 1785 г., и карточеских материалах XIX в. В силу особенностей географического расположения населенного пункта на берегу Псковского озера местное население занималось рыбной ловлей, а также изготовлением лодок, шедших отчасти на продажу (Традиционное судостроение… 2023: 101–103).

Литература

- Алексеенко, Зверев 2022 — Алексеенко Н. А., Зверев С. В. Клад русских копеек XVII — начала XVIII в. из окрестностей г. Тихорецка на Кубани. К вопросу о находках русских монет на территории Крымского ханства // Богданов А. А. (ред.). Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: Сб. материалов Пятой междунар. науч. конф. (СПб., 13–14.10.2022). СПб.: Гознак, 2022. Вып. 5. С. 454–462.
- Беркович и др. 2024 — Беркович В. А., Зайцев В. В., Храменков А. В. Клад серебряных копеек начала XVIII в. из Костянского переулка в Москве // Зайцев В. В. (ред.). Средневековая нумизматика Восточной Европы. СПб.: Контраст, 2024. Вып. 10. С. 367–378.
- Бородовский, Горохов 2016 — Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский клад серебряных проволочных копеек времени правления Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 102–108.
- Быков 2002 — Быков А. В. Архангельский клад начала XVIII в. // Мельникова А. С. (ред.). Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (ВНК): Тезисы докл. и сообщ. (Псков, 15–20.04.2002). М.: ТИССО-полиграф, 2002. С. 208–209.
- Векслер, Мельникова 1999 — Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М.: Жираф, 1999. 272 с.
- Волков 2009 — Волков И. В. О понижении веса серебряной копейки в 1698 году // Каштанова Н. Ю. (ред.). Нумизматика. 2009. № 1 (20). С. 15–17.
- Гайдуков 1994 — Гайдуков П. Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея (к методике работы с кладами) // Потин В. М. (ред.). ВНК: Тезисы докл. (СПб., 6–8.04.1994). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1994. С. 44, 45.

⁸ В сводке депозитов, тезаврированных 1700–1756 гг. М. И. Смирновым, на конец 1987 г. был зарегистрирован 91 клад с медными монетами и 231 — с серебряными «чешуйками» (Смирнов 1992: 14).

- Гайдуков 1996 — Гайдуков П. Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея // РА. 1996. № 1. С. 177–184.
- Гришин и др. 2021 — Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. 2-е изд, перераб. М.: ЛеопАрт, 2021. 880 с.
- Горлов, Масловский 2024 — Горлов К. В., Масловский А. Н. Комплексы русских монет XVIII в. с территории города Азова // Богданов А. А. (ред.). Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 7. СПб.: Гознак, 2024. С. 214–221.
- Горлов и др. 2023а — Горлов К. В., Новикова О. В., Новиков А. В. Клад русских серебряных монет Петровского времени из Костромы // Энговатова А. В. (ред.). Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2023. Вып. 19. С. 204–222.
- Горлов и др. 2023б — Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н. Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 130–143.
- Деммени 1887 — Деммени М. Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Вып. 1. СПб.: Издание вел. кн. Георгия Михайловича, 1887. 578 с.
- Зверев 2014 — Зверев С. В. Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Волков И. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2014 года: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 24–25.11.2014). М.: Изд-во ГИМ, 2014. С. 56–62.
- Краснов 2015 — Краснов Р. В. Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // Ширяков И. В. (ред.). Восемнадцатая ВНК: Тезисы докл. и сообщ. (Москва, Коломна, 20–25.04.2015). М.: Триумф прнт, 2015. С. 188–190.
- Куликова 1955 — Куликова И. Клад монет Петровской эпохи // Псковская правда. 1955. Вып. 38 (23 февраля). С. 4.
- Максимов 2003 — Максимов А. В. Клад монет Петровской эпохи // Ивочкина И. В. (ред.). Одиннадцатая ВНК: Тезисы докл. и сообщ. (СПб., 14–18.04.2003). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 197–199.
- Максимов 2006 — Максимов А. В. Серебряный клад начала XVIII в. // Леонтьев А. Е. (ред.). Археология: история и перспективы. Вторая межрегион. конф.: Сб. ст. Ярославль: Рыбинский Дом печати, 2006. С. 260–271.
- Максимов 2013 — Максимов А. В. Клад Петровского времени из Гаврилов-Ямского района // Ширяков И. В. (ред.). Семнадцатая ВНК: Тезисы докл. и сообщ. (Москва, Пущино, 22–26.04.2013). М.: Триумф прнт, 2013. С. 143–144.
- Мельникова 1989 — Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Мельникова, Дядченко 1994 — Мельникова А. С., Дядченко О. С. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ, 1994. 112 с.
- Сборник... 1913 — Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 520 с.
- Смирнов 1992 — Смирнов М. И. Значение находок кладов с медной монетой XVIII столетия для изучения социально-экономической истории России // Щетинин А. Г. (ред. и сост.). Нумизматический сборник. М.: Московское нумизматическое общество, 1992. Вып. 2. С. 13–20.
- Сотникова 1979 — Сотникова М. П. Материалы к топографии находок русских монет XIV–XX веков, зарегистрированные в Эрмитаже в 1948–1974 годах // Потин В. М. (ред.). Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л.: Аврора, 1979. С. 104–154.
- Традиционное судостроение... 2023 — Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 3 / Окороков А. В. (ред.). М.: Институт Наследия, 2023. 358 с.
- Ширяков 2013 — Ширяков И. В. О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // Волков И. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2013 года: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 19–20.11.2013). М.: Триумф прнт, 2013. С. 142–147.

Юхт 1986 — *Юхт А. И. Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20–50-х гг. XVIII в.)* // Мельникова А. С. (отв. ред.). Нумизматический сборник. Вып. 9. М.: Изд-во ГИМ, 1986. С. 26–43 (Труды ГИМ. № 61).

Юхт 1994 — *Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика*, 1994. 336 с.

HOARD OF RUSSIAN SILVER COINS OF THE XVI CENTURY — 1717 FROM THE BODOVIHZ VILLAGE, PSKOV REGION

K. V. Gorlov, I. V. Konovalova

Keywords: *numismatics, hoard, silver, Peter I, Bodovihz village, Pskov region*

The paper analyzes the composition of a hoard of Russian silver coins of 1536/1538 — 1717 that were found by chance near the village of Bodovihz in the Pechory district of Pskov region. The structure of the preserved part of the hoard of 563 coins makes it possible to consider it a valid source of information on the history of Russian monetary circulation in the first half of the XVIII c.

ИСТОРИЯ НАУКИ

«СОБИРАЮТСЯ ПИСАТЬ ВАМ ПОНОШЕНИЕ ЗА ИЗМЕНУ — ЛОРИ НА КРЫМ!»: ПЛАНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕДИЦИИ Ф. И. ШМИТА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Н. Н. ЧЕМОДУРОВ¹

Ключевые слова: Закавказье, Ф. И. Шмит, Д. П. Гордеев, Кавказский историко-археологический институт, Всеукраинская академия наук, Византия, древнерусское искусство.

В 1929 г. состоялась экспедиция для изучения памятников средневекового искусства в районах Восточного Причерноморья, инициированная Ф. И. Шмитом. В реализации этого предприятия приняли участие его ученики Д. П. Гордеев, Е. А. Никольская, О. А. Берладина, Т. И. Ивановская, представлявшие в 1920-е гг. центр кавказоведческих исследований в Харькове. Д. П. Гордеев одновременно являлся действительным членом Кавказского историко-археологического института. Его письма Ф. И. Шмиту и Н. Я. Марру содержат любопытные подробности организационных условий экспедиционных исследований в Закавказье в 1929 г. Событийную последовательность реализации этого начинания позволяют воссоздать другие ранее не публиковавшиеся документы СПбФ АРАН и ЦГАЛИ.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-33-106-118

Судьба распорядилась так, что рукопись последнего исследования Ф. И. Шмита «Византиноведение на службе самодержавия» была посвящена вкладу Н. П. Кондакова в русскую византинистику. Эта ценная работа, по справедливому замечанию опубликовавшего ее Г. И. Вздорнова, представляет собой полную биографию русского ученого, отображенную в конкретной общественно-политической ситуации (Вздорнов 2010: 557). Определенное место в тексте отведено взглядам Н. П. Кондакова на средневековые древности Кавказа, которые Ф. И. Шмит подробно рассматривает и отчасти критикует (Там же: 590, 591). Современные биографы Ф. И. Шмита до сих пор специально не рассматривали его вклад в изучение Кавказа эпохи Средневековья (Афанасьев 1992; Чистотинова 1994; Сыченкова 2012). В опубликованных трудах ученого это направление тоже не представлено (Шмит П. 1976). В силу разных причин многие исследовательские начинания остались нереализованными. Теперь убедительные свидетельства существенного научного интереса Ф. И. Шмита к региону Закавказья приоткрывают строки архивных документов.

Интересующий нас эпизод творческой биографии Ф. И. Шмита (рис. 1) связан с «харьковским» периодом его жизни, который продолжался с 1913 по 1921 г. Это время оказалось необычайно продуктивным: в течение восьми лет из-под его пера вышло 30 работ², среди них четыре монографии — «Исторические, этнографические, художественные музеи.

¹ Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Республика Крым.

© Чемодуров Н. Н., 2025

² Почти третья от числа работ, написанных Ф. И. Шмитом в течение жизни (Шмит П. 1976).

«Очерк истории и теории музейного дела» (1919), «Искусство — его психология, его стилистика, его эволюция» (1919), «Искусство Древней Руси» (1919), «Психология рисования» (1921). Очевидно, тогда же сложилось немало исследовательских планов. Одновременно с научной работой Ф. И. Шмит преподавал в Харьковском университете. Под его внимательным руководством сложился студенческий кружок, среди участников которого можно назвать имена Д. П. Гордеева³, С. А. Таранущенко⁴, Е. А. Никольской⁵, О. А. Берладиной⁶, М. Ю. Лейтер⁷, Т. А. Ивановской⁸ — в будущем представителей плеяды талантливых историков искусства (Филиппенко 2017: 7).

Руководителя и членов харьковского кружка интересовали истоки древнерусского искусства. В 1915 г. Ф. И. Шмит отмечал: «Я не могу не указывать и на лекциях, и в разговорах, что тою „Византиею“, которая явно сильнейшим образом влияла в области искусства на Древнюю Русь, и в Киевское, и во Владимиро-Сузdalское время, и на Великий Новгород, является Кавказ» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 1079. Л. 1). Для практической проверки этого утверждения необходимы были полевые исследования. В 1915–1917 гг. с целью изучения средневековых памятников искусства Кавказа Ф. И. Шмитом и его студентами были предприняты несколько научных экскурсий в районы Тбилиси, Кутаиси, Мцхеты и Ахалцихе. Значительное количество полученного в ходе полевых выездов материала требовало анализа и публикации. Развивающийся центр кавказоведческих исследований отчаянно нуждался в современной литературе и научной консультации. Ф. И. Шмит рассчитывал на поддержку Н. Я. Марра, к которому обратился 10 сентября 1915 г.: «...укажите, где можно достать полную серию Анийских изданий? А если Вы хотите быть совсем отцом и благодетелем, пришлите нам их в дар, ибо мы очень бедны, как все университетские учреждения. Простите эту просьбу, если она Вам покажется неуместной, — я и сам понимаю, что она неуместна, но неизбежна⁹» (Там же). И Ф. И. Шмит не ошибся: в последующем Н. Я. Марр неоднократно оказывал содействие харьковским кавказоведам.

Польза этого сотрудничества, видимо, оказалась взаимной. Из очередного письма Ф. И. Шмита становится известно о поиске Н. Я. Марром компетентного помощника: «Что касается молодых подготовленных работников, я одного такого Вам доставлю, для которого поездка на Кавказ и в Закавказье является и заветною мечтою, и материально возможным предприятием. Я имею в виду моего ассистента Д. П. Гордеева, человека выдающихся способностей и любви к делу. Вот его я, когда настанут более мирные времена и когда он развязется с магистерским экзаменом (что случится, надеюсь, еще в нынешнем академическом году), непременно пришлю Вам, если только Вы захотите принять его» (Там же. Л. 2). Так и случилось, когда осенью 1917 г. наконец осуществился давний замысел Н. Я. Марра и в Тифлисе начал работу Кавказский историко-археологический институт (КИАИ), обязанности секретаря в новом учреждении стал исполнять Д. П. Гордеев. В последующее десятилетие судьба этого молодого исследователя оказалась тесно связана с институтом и изучением памятников Кавказа.

---

³ Дмитрий Петрович Гордеев (1889–1968) — историк искусства, археолог и художник, специалист в изучении средневековых памятников Кавказа и Ближнего Востока.

⁴ Стефан Андреевич Таранущенко (1889–1976) — искусствовед и историк, область научных интересов которого включала памятники монументального церковного искусства и архитектуры.

⁵ Елена Александровна Никольская (1892–1943) — историк искусства. Занималась изучением влияния Византии на древнерусское искусство.

⁶ Оксана Акимовна Берладина (1894–1960) — историк искусства и этнограф. Известен ее вклад в изучение древнерусского шитья.

⁷ Марта Юрьевна Лейтер (1898–?) — искусствовед.

⁸ Татьяна Александровна Ивановская (годы жизни неизвестны) — искусствовед, педагог.

⁹ Выделенное курсивом в оригинале дописано от руки.

Рис. 1. Ф. И. Шмит. 1926 г. (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 160. Л. 7)

Fig. 1. F. I. Schmidt. 1926 (Russian State Archive of Literature and Art. F. 389. Inv. 1. File 160. L. 7)

решения¹² проекта обустройства Украинского Института истории мат[ериальной] культуры, уже ранее намеченная и приведенная в жизнь структура утверждается, а именно — в Киеве существует исследовательская кафедра с местными отделениями, из коих часть секций в Киеве, а друга в Харькове. Кафедра числится не при ИНО [Институт народного образования. — Н. Ч.], а при ВУАН. Харьковская секция пользуется значительной автономией и состоит из 2 подсекций: 1) восточно-христианского и византийского искусства (керовник¹³ — я); 2) украинского искусства (керовник — [С. А.] Таранушенко); керовнициство¹⁴ всей секцией поручено мне. Как и было оговорено раньше, я буду только наезжать в Харьков и руководить экспедициями на Кавказ членов моей секции, которая имеется и впредь, как то было в прошлые годы с наезжавшими тогда харьковцами, работать в самом тесном контакте с КИАИ» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 258. Л. 18).

Сотрудниками подсекции восточнохристианского и византийского искусства стали Е. А. Никольская, Т. А. Ивановская и О. А. Берладина, работа которых основывалась на материалах Кавказа, и М. Ю. Лейтер, занимавшаяся памятниками Херсонеса Таврического. Все они в годы обучения в Харьковском университете являлись ученицами Ф. И. Шмита.

¹⁰ Недавно на основе данных их переписки был опубликован сюжет, связанный с попыткой избрания Ф. И. Шмита действительным членом АН СССР: Ананьев, Бухарин 2021.

¹¹ Всеукраинская академия наук.

¹² Здесь и далее так в оригинале.

¹³ С украинского — «руководитель».

¹⁴ С украинского — «руководство».

Имя Д. П. Гордеева является малоизвестным, о жизни и делах этого человека историки науки стали писать лишь недавно (Бонь 2009; Иваненко 2011). Значительно больше данных пока остается в материалах архивов (ЦГАЛИ, СПбФ АРАН, ЦГАМЛИУ). Д. П. Гордеев родился в 1889 г. в Харькове. Здесь же в 1913 г. окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Благодарный ученик Ф. И. Шмита, Д. П. Гордеев в 1920–1930 гг. поддерживал постоянный контакт с учителем¹⁰. Работая в Тифлисе, он не прерывал связей с Харьковом. В 1921 г., в связи с отъездом Ф. И. Шмита в Киев, где ученый возглавил научно-исследовательскую кафедру искусствоведения Всеукраинской академии наук (ВУАН¹¹), харьковская группа искусствоведов потеряла руководителя и организационное начало. Только в 1926 г. удалось учредить секцию кафедры искусствоведения ВУАН при Харьковском университете. Для руководства из Тифлиса был приглашен именно Д. П. Гордеев. Подробностями организационных хлопот он делился с Н. Я. Марром: «После неоднократного пересмотра вопроса об организации, в той или иной форме, искусствоведческой работы в Харькове, наконец, только на вчерашнем заседании Президиума Укрнауки, было постановлено, что, во всяком случае, в этот год — впредь до окончания вы-

В рамках кавказоведческих изысканий предполагалось разделение тематики исследований: Е. А. Никольская — архитектура Грузии и Армении и армянская миниатюра, Т. А. Ивановская — «раскопочные¹⁵ и изобразительные бронзы Кавказа в связи с памятниками Юга России и Сибири („звериный стиль“)», О. А. Берладина — текстиль, изобразительная вышивка (Там же. Л. 19).

Выделение подсекции восточнохристианского и византийского искусства, конечно, было связано с персональными научными интересами руководителя харьковской кафедры Д. П. Гордеева. К этому времени он обладал значительным опытом практического и теоретического изучения памятников Кавказа. С 1917 г. ученый являлся постоянным участником экспедиций и научных экскурсий. Перечень памятников, обследованных Д. П. Гордеевым только в 1922 г., впечатляет: Мцхетский патриарший кафедральный собор Светицховели, комплекс монастыря Самтавро, Воскресенский собор в Арзамасе, Антиохийская церковь в Мцхете, монастырь Бетания, монастырь Кинцвиси, пещерный монастырский комплекс Вардзия (Там же. Л. 5). В 1926–1930 гг. Д. П. Гордеев оставался действительным членом КИАИ и стремился сблизить исследовательские программы ученых центров в Тифлисе и Харькове. В связи с этим подготавливались основы для образования некого печатного органа, где кавказоведческие изыскания находили бы свое отражение. В 1926 г. Д. П. Гордеев вел переговоры с А. Е. Крымским относительно возможности издания работ Харьковской секции под эгидой ВУАН. В результате были достигнуты предварительные договоренности об учреждении специального сборника, который планировалось собрать к весне 1927 г. (Там же. Л. 18).

Время для осуществления подобных начинаний оказалось подходящим. В 1925 г. образовалась Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (ВНАВ¹⁶), филиалы которой в 1926–1931 гг. появились в Киеве, Харькове и Одессе. ВНАВ объединяла научную деятельность значительного числа специалистов как в публикациях журнала «Восточный свет», так и в работе Всеукраинских съездов востоковедов (Циганкова 2006б). Важной стороной исследований, поддерживаемых руководством ВНАВ, стало изучение истории и искусства Кавказа (Циганкова 2006а: 8). В развитии этого направления деятельное участие приняли член киевской научно-исследовательской кафедры искусствоведения, директор харьковского историко-художественного музея В. М. Зуммер¹⁷ и руководитель археологической секции ВНАВ А. С. Федоровский¹⁸. Оба они, насколько известно, состояли в дружеских отношениях с Д. П. Гордеевым. Представляется, что благодаря совместным усилиям именно этой тройки была реализована инициатива по созданию при ВУАН Комиссии кавказоведения. 12 декабря 1929 г. это подразделение начало свою деятельность в составе Д. П. Гордеева (председатель), В. М. Зуммера, А. С. Федоровского, Е. А. Никольской, О. А. Берладиной, Т. И. Ивановской и М. Ю. Лейтер. В тот же день Д. П. Гордеев написал Ф. И. Шмиту: «Впредь до окончательных сметных и организационных вырешений по УАН мы решили не заострять пока вопроса с судьбой Кавказской Комиссии. Дм. Ив. [Яворницкий¹⁹] и Матв. Ив. [Яворский²⁰] оба мне говорили о проектах развернуть востоковедную работу в том или ином виде при УАН. Поживем-увидим. Во всяком случае без всяких возражений они оба подписали бумагу Кавказской комиссии к Марр, как акад[емику], рук[оводителю]

---

¹⁵ Так в оригинале.

¹⁶ Всеукраинская научная ассоциация востоковедения.

¹⁷ Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970) — историк восточного искусства, тюрколог.

¹⁸ Александр Семенович Федоровский (1885–1939) — историк и этнограф, исследователь древностей Харьковщины.

¹⁹ Дмитрий Иванович Яворницкий (Эварницкий) (1855–1940) — историк, этнограф, фольклорист, археолог.

²⁰ Матвей Иванович Яворский (1885–1937) — историк, руководитель исторического отдела Всеукраинского института марксизма-ленинизма.

КИАИ, с тем, чтобы, когда я подам заявление о переходе в штат в Харьков, меня оставили в КИАИ вне штата членом Ин-та для контактных работ с Украиной. Яворский взял для проведения в издательский план УАН наш проект сборника “Ars Caucasica”²¹ также весьма сочувственно и с полной поддержкой Дм. Ив. [Яворницкий] — в противность Ваших страхов о могущем быть якобы „клерикальном“ впечатлении; ведь сами-то Вы Хиос печатаете! Ведь без душеполезных первоисточников ни историей Византии, ни Христианским Востоком никак заниматься невозможно!» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 15).

В своих начинаниях руководитель и другие сотрудники Комиссии кавказоведения, которые в прошлом являлись учениками Ф. И. Шмита, придерживались тех же научных принципов, что и их учитель, и старались поддерживать с ним связь. Красноречиво свидетельствует об этом обращение харьковских исследователей в конце декабря 1929 г.: «Мы, харьковские „шмитоване“, Ваши, как пишете, „харьковские друзья“ дружно и единогласно в ответ на традиционные в письмах „приветы“ выражаем со всею решительностью свое авторитетное порицание — не приехали на съезд, ссылаясь, что будете на сессии в Харькове, но когда ее оставили в Киеве, так даже не написали, что все-таки туда едете и на обратном пути к нам хотя бы на 1–2 дня не заедете!!! Мы были убеждены, что раз молчите, то на Украину и не покажетесь. А мы Вас ждали и с духовным, и с телесным ублажением, а Вы, пренебрегая нашим симпатичным обществом (это, конечно, не кавказская экзотика — это Вам еще напишут Ваши соэкскурсантки!), втихомолку прокатились в Киев! Мы все потрясены в лучших чувствах, посыпали головы пеплом и объявили национальный траур, покуда от Вас не получим разъяснений и оправданий. Пишите же немедленно, иначе наша месть будет мрачна и ужасна» (Там же. Л. 16).

Теперь, когда основные действующие лица представлены, можно сконцентрировать внимание на замысле экспедиции в Закавказье. В феврале 1929 г. Е. А. Никольская находилась в Ленинграде в связи с работой в местных библиотеках (Гордеев 1930: 90). Там она встретилась с Ф. И. Шмитом, который выразил намерение организовать полевые исследования памятников искусства в Восточном Причерноморье. В настоящее время трудно объяснить, почему такая идея возникла ученого именно в это время. Думается, некоторую ясность может внести переписка Д. П. Гордеева и Е. А. Никольской, которая пока не опубликована и хранится в Киеве (ЦГАМЛИУ. Ф. 208. Оп. 2. Д. 65, 157). Очевидно, Ф. И. Шмит учитывал известия об успешном развитии кавказоведческого центра в Харькове. А его желание понять, как византийские традиции зодчества и живописи проникали в Древнюю Русь, оказалось очень созвучно планам его харьковских учеников. В этой ситуации Д. П. Гордеев стал связующим звеном между харьковской секцией искусствоведов, КИАИ и Ф. И. Шмитом. Подробности совместных научных исследований на Кавказе можно узнати из его сохранившихся писем Ф. И. Шмиту. В одном из посланий подробно раскрывались варианты неосуществленного проекта исследований памятников Закавказья.

«Тифлис, 3 III 1929 г.

Многоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Все последнее время собираюсь написать Вам обстоятельное письмо, но т. к. ряд вопросов не выяснялся, то и писание откладывалось со дня на день. Вот почему своевременно я, уже несколько дней как получив Вашу новую книгу²² о музеях, не поблагодарил за внимание и подарок. Думал, что отпишу в письме, что и делаю, но с запозданием — простите и не гневайтесь; это все происходит не от невнимательности, а от пагубного пристрастия сделать что-либо получше; [В. М.] Зуммер держится золотого правила — „лучшее, враг хорошего“ — и вот никак не выходит у меня следовать этому мудрому изречению и потому выходит столь часто „не хорошо“, а „лучшее“, если когда и выходит, то редко.

²¹ Сборник был подготовлен в 1930 г. Однако его издание не состоялось (Павлинов 2018: 233).

²² Вероятно, речь идет о книге: Шмит 1929.

В частности настоящим письмом — уже порядочно таки времени я получил письмо от Ел. Алекс. [Никольской] из Ленинграда, от 4 II с. г., в котором она мне сообщила о возникшем у Вас проекте организации от имени Кавказской комиссии ВУАКа²³ экспедиции на Кавказ, каковая бы занялась обследованием византийских памятников Восточного Причерноморья. Маршрутные соображения поручалось составить мне. Этим-то я и занялся, из-за этого и задержался с ответом. Помимо выработки маршрута по ряду наметившихся планов поездки в связи с каждым из них нужно было взвесить или обговорить всякие побочные обстоятельства, что меня сильно и задержало. Только вчера многое нужное удалось выяснить, хотя бы примерно, и поэтому спешу теперь же отослать незамедлительно.

„Византийские“ памятники сосредоточены в двух областях по преимуществу — это Абхазия и Мегрелия; Гурия и Аджаристан по этой линии стоят на втором плане. Что касается собственно Абхазии, то тут центральными памятниками, так сказать гвоздями экспедиций, могут быть только Пицунда с некоторым окружением или Лыхны, также с известным окружением; и тот, и другой памятники весьма интересны и как произведения архитектуры и сохранили, хотя бы частично, стенописи. Поднять оба их за одну поездку, если не заниматься пеплоснимательством, невозможно. Что можно встретить в обоих пунктах, — новейшие, так сказать, свежие данные имеются у [А. С.] Башкирова „Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.“ (Изв. Абхаз. научн. общ. Вып. IV Сухум, 1926)²⁴.

В Пицунде я лично не бывал, но расспрашивал недавно ездившего туда Ш. Я. Амиранашвили²⁵ и могу сказать: серьезная работа в этом пункте дело сложное; здание заремонтировано, стено-пись в главном храме поздня и осталась в куполе и алтаре, достойна роспись капеллы — памятника позднепалеологовского круга; обследование близлежащих развалин без археологических работ, более или менее углубленных, будет носить поверхностный и вновь неокончательный характер. Все эти соображения заставляют не ставить, при наличных условиях, Пицунду в центре нашего маршрута. Конечно, ее можно будет посетить, обследовать, но побочно.

В Лыхнах храм снаружи не заштукатурен. Роспись сохранилась в значительных соответственных участках; отдельные места отличной сохранности; для застеклки если и не всей росписи, то большинства изображений, можно устроить леса или хотя бы подмостки для крупных деталей. Рядом имеются интересные развалины дворцового сооружения. Для Абхазии Лыхны — наиболее интересное и сравнительное обследованное здание. Попасть туда из Сухума можно без затруднений. Но обследовать только Лыхны — не годится. Во-первых, нужно будет поработать на Новом Афоне, но, к сожалению, над жестко зареставрированным памятником. А главное, как я убедился прошлым летом, Лыхны невозможно изучать отдельно от памятников Карабая, т. е. по ту сторону главного хребта, так как сравнительный материал, в первую очередь стоят: 1) храм на Шоанинской скале (иначе Хумаринская церковь) близ сел Георгиевского-Осетиновского на р. Кубани и 2) большой, по счастью, незареставрированный храм Зеленчукского городища (об обоих памятниках см. МАК²⁶ VII). Крайне важны и два другие Зеленчукские храмы, а также и Сентинский. Всего, конечно, не поднять, но можно было бы принять за маршрут: съехаться в Батал-Пашинске (по жел. дор.); оттуда на автобусе до Микоян-Шохара (у слияния Кубани и Теберды; это новоотстроенная столица Карабая); из Микоян-Шохара до Георгиевского-Осетиновского около 3 верст, а там до Шоаны рукой подать; возвращаясь в Микоян-Шохар — продолжать военно-осетинским шоссе (на автобусе или на дорогах). Путь в Сенты — они у самой дороги и так же легко доступны, в Сентах сохранились значительные участки интереснейшей росписи (2 слоя) с греч. надписями; из Сент — тем же шоссе в Тебердинский курорт, тут можно записаться на экскурс. базе и проделать с достаточными удобствами перевал через главный хребет — если не устрашиться трехдневного пешеходного

²³ Всеукраинский археологический комитет.

²⁴ Башкиров 1926.

²⁵ Шалва Ясонович Амиранашвили (1899–1975) — искусствовед, специалист по грузинскому и иранскому искусству.

²⁶ Материалы Археологической комиссии.

марша частью по полуразмытому шоссе, частью по горным тропам; экскурсионное бюро даст ночлег и приготовленное питание до самого Сухума; можно конечно записаться только до [...] и уже от этой базы самостоятельно пройти на Цебельду, там посмотреть Вороновские руины и руины в с. Полтавском (см. MAK IV), выйти к морю, завершить в Дранду, и, потом уже, пойти в Сухум. Из Сухума через Новый Афон, в Лыхны, где — бросить якорь. По окончании работ — экскурсия в Пицунду и оттуда или в Гагры или Сочи, или обратно в Сухум, чтобы морем уже возвратиться.

Можно, конечно, проделать этот же путь в обратном порядке, но я предупреждаю, что взять перевал с этой, южной стороны гораздо труднее; потом еще одно соображение — после напряженной работы можно при первом маршруте отдохнуть несколько дней на морском побережье, а на Северном Кавказе это отпадает. При этом маршруте отпадает Зеленчук, но туда сложная поездка — специальная экспедиция. Я ее намечаю осуществить через КИАИ — с проведением раскопочной кампании (руководить ею намечается [С. В.] Тер-Аветисян²⁷). Тут можно будет наметить связку работ.

Таков Абхазский проектоц, но не скрою, он потребует испытаний — если принять его северную половину. Зато — незабываемые пейзажи военно-сухумской дороги, перевал через ледник близ горного озера и прочие прелести бродяжничества по высокогорным областям. Все это можно отсечь — начав Сухумом и кончив им же, тогда все работы в Карачае целиком падут на КИАИ — это несколько задержит дело, но и, ограничившись одной Абхазией, дел будет достаточно.

В районе стыка собственно Абхазского и Мегрельского этнических коллективов, на юге нынешней Абхазской республики, можно сосредоточить работы в двух пунктах, расположенных, сравнительно, не очень далеко друг от друга — это Мокв-а и Бедиа. Если остановиться на этих двух памятниках как на центральной цели экспедиции, то тогда туда можно попасть либо через порт Очимчири, либо по шоссе и проселкам. В Мокв-а ни я, ни Амиранашвили не были; прошлым летом об этом памятнике я расспрашивал в Сухуме — он очень зарестарврирован. Бедиа — в руинах; памятник по словам Амиранашвили очень интересный и легко доступный; сохранились участки стенописи конца X — начала XI вв., о ней я имею представление по копиям Толмачевской, какие я видел в Тифлисе на ее выставке; фрески — прекрасный памятник. Но тут о “византийском искусстве” (и в архитектуре, и в живописи) можно говорить лишь, принимая этот термин в самом широком значении.

В Мегрелии мне представляется возможным провести экспедицию по двум маршрутам: а) если центральным памятником избрать Мартвили, б) если центральным памятником избрать Цаленджиху. Должен признаться, что обработка второго памятника дает блестящие перспективы и это был бы самый сильный, на мой взгляд, соперник Лыхнинского проекта, если бы пока не придется подождать — сейчас идет переписка Габриэля Милле²⁸ с Амиранашвили о полной засъемке этого памятника живописи XIV в. для Парижского издания. Предполагается выслать сюда все фотографическое оборудование (пластики и химикаты) из Парижа. Если это осуществляется, то за публикацию памятника можно быть спокойным и делать параллельную работу я не охотник — а прямой враг. Но дело это не вырешено еще окончательно; к началу лета (в июне) — выяснится; тогда и можно будет говорить и нам.

Взявши Мартвили за главный памятник экспедиции, можно откинуть обмер, т. к. этот храм уже отлично обработан архитектором [Н. П.] Северовым. Тут тогда работы пойдут на фиксацию и обработку стенописи — очень сложного состава (как Вам известно по моей заметке в харьк. сборнике в честь Багалея²⁹); тут на всех будет работы вдоволь; но „византийские“ памятники только: мозаика в люнете над входом, древнейшая роспись (жалкие фрагменты) и „палеологовские“ фрески в восточной и западной апсидах. По дороге из Новых Сент в Миртили, конечно,

²⁷ Смбат Варданович Тер-Аветисян (1875–1943) — востоковед, филолог-источниковед, археолог, этнограф.

²⁸ Габриэль Милле (1867–1953) — французский историк-византинист, археолог.

²⁹ Гордеев 1927.

необходимо поработать в Нокалакеви; если будут средства, возможности — можно побывать и поработать либо в Хони (переправившись через Цхенне-Цхали) и, выйдя в Кутаис, посетить Гелати; либо вернувшись в Нов. Сент, пробраться в Кайдар-и и Сейнет-и (Изв. КИАИ т. II, см. статью Тайкашвили³⁰) или же в Хони. Но последний памятник уже подготавливается к изданию Амиранашвили.

Когда остановитесь на каком-либо из проектов маршрута, то сообщите мне и, если нужно, я его разработаю подробней, с уточнением по указанным линиям. Мне представляется наиболее заманчивым Цаленджикский или Лыхнынский проекты.

С нетерпением теперь буду ждать от Вас ответа. Нина Николаевна³¹ Вам взаимно кланяется и рада будет познакомиться, если приедете теперь в Тифлис — милости просим к нам. Поклоны семье. До свидания. Пред. Д. Гордеев³²» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 11–13).

Из последующих писем Д. П. Гордеева выясняется, что Ф. И. Шмит не счел подходящим ни один из предложенных вариантов экспедиции. Все они охватывали районы Северного Кавказа. Вместо этого Ф. И. Шмит предлагал сосредоточить внимание на памятниках, расположенных южнее, в Лорийской области (ныне — Армения). Судя по всему, ученый сформулировал сразу несколько экспедиционных программ. Такой поворот оказался неожиданностью для Д. П. Гордеева. В письме от 8 сентября 1929 г. он просил отсрочки для выяснения условий организации экспедиции. Кроме того, им уточнялась позиция КИАИ, в планах которого уже значилось обследование Лорийской области и пограничных районов Армении, Грузии и Азербайджана. Вместе с тем реализация этого намерения откладывалась в связи с недостатком средств и исследовательских сил (уходом из КИАИ Л. М. Меликсе-Бекова³³ и С. Д. Лисициана³⁴) (Там же. Л. 14).

Одновременно с этими переговорами Ф. И. Шмит совершил персональную командировку в Закавказье в августе 1929 г. Сведения об этой поездке не отразились в его переписке с Д. П. Гордеевым. Единственным документальным подтверждением самого факта является машинопись краткого отчета, сохранившаяся в личном фонде Ф. И. Шмита и прежде не привлекавшая внимания историков науки (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 20) (рис. 2). Дальнейшее развитие событий раскрывает отчет Д. П. Гордеева на страницах Хроники археологии и искусства ВУАН. Необходимо отметить, что следует говорить сразу о двух научных командировках, предпринятых Ф. И. Шмитом летом 1929 г., одна продолжала другую. По данным отчета, покинув Ленинград 1 августа 1929 г., 3-го ученый прибыл в Херсонес, осмотрел экспозиции и раскопок которого посвятил несколько дней³⁵.

По тексту отчета удается достаточно точно восстановить маршрут и сроки движения Ф. И. Шмита. В Севастополе 5 августа он сел на пароход, на котором добрался в Батуми, а уже 9-го оказался в Тифлисе. Здесь встретился с Д. П. Гордеевым, познакомился с работой КИАИ: «Профессор [Г. Н.] Чубинашвили³⁶ был так добр, что дал мне возможность внимательно

³⁰ Тайкашвили 1927.

³¹ Супруга Д. П. Гордеева.

³² Текст письма приведен без купюр. Подготовка к публикации осуществлена на основании принципов научного издания исторических документов (Методические... 2022). Сокращенные и недописанные слова дополняются в квадратных скобках. Использованные общеупотребительные сокращения не раскрываются. В квадратных скобках дополняются отсутствующие инициалы установленных личностей. Многоточием, заключенным в квадратных скобках, обозначены утраченные или нечитаемые фрагменты текста.

³³ Левон Меликсович Меликсет-Беков (1890–1963) — историк, филолог и арменовед.

³⁴ Степан Данилович Лисициан (1865–1947) — педагог, этнограф, историк, филолог, географ.

³⁵ Известна предпринятая в 1932 г. научная поездка исследователя в Херсонес (Шмит 1933). Результаты же работы в 1929 г. не публиковались

³⁶ Георгий Николаевич Чубинашвили (1885–1973) — искусствовед, исследователь грузинской архитектуры.

Фонд №2 опись 1 3/Х 1929г. №21 А. О. И-ма
Археологич.

ОТЧЕТ Ф.И.ШМИТА О КОМАНДИРОВКЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ В VIII 1929.

Выехав утром 1 VIII 1929 из Ленинграда, я 3 VIII прибыл в Севастополь и тотчас же отправился в Херсонес, где подробно осмотрел развалины, познакомился с экспозицией музея. 5 VIII я пароходом выехал в Батум и 9 VIII был в Тифлисе. Здесь, разумеется, были посещены архитектурные памятники средневековья; отсюда была совершена экскурсия в Мцхет и к Джвари /не виденному мною ранее/. Благодаря любезности Д.П.Гордеева я мог подробно ознакомиться с КИАИ. Про Чубиншвили был так добр, что дал мне возможность внимательно осмотреть сокровища Университетского Музея. 13 VIII я выехал из Тифлиса в Кутаис, где осмотрел Музей; благодаря содействию В.М.Беридзе и гостеприимству Т.М.Джапаридзе я имел возможность провести день в Гелати и предварительно изучить знаменитую /хотя и не санкту/ научно и не изданную/ апсидальную мозаику, а также ознакомиться с окладом Хахульской иконы /тоже знаменитым, но до сих пор научно не опубликованным/. Поспешив еще несколько незабываемых часов кутаисскому собору Баграти, я выехал в Ахалцих и 18 VIII был в Сагаредже, а 19 VIII в Зарзме. Из Ахалциха я через Тифлис отправился в Эривань, где под руководством С.Д.Лисициана ознакомился с памятниками города и с Музеем, где А.А.Калантар ввел меня в работу ведомства охраны памятников старин и искусства. Из Эривани были предприняты экскурсии в Очамчирин /24 VIII/, в Пдгни /25 VIII/, в Севанг /26-27 VIII/. На обратном пути в Тифлис была сделана остановка на станции Аллаверди, и были посещены Санаин и Ахпат /29 VIII/. 31 VIII я по военно-грузинской дороге выехал из Тифлиса во Владикавказ.

Вся поездка преследовала двойную цель: 1/ добиться максимального уточнения ходового, но лишенного конкретного содержания термина "византийское искусство" и 2/ получить новый материал для изысканий в области социологии архитектурной формы. В результате поездки точно определились две темы, которые я предполагаю тщательно подготовить в течение предстоящей зимы, с тем чтобы летом 1930 снова на местах закончить работу: 1/ "Гелатская апсидальная мозаика" - необходимо ввести в научный обиход этот первоклассный и великолепно сохранившийся в существенных частях памятник международного высокоеисторического искусства начала ХП в., чтобы поставить его в ряд с мозаиками Киева, Греции, Сицилии и северной Адриатики и приблизиться к разрешению вопроса о "Византии" ХП в.; 2/ "Лорийские архитектурные ансамбли" - необходимо довести до конца начатую НИАИ работу по обмеру и фотографированию этих ансамблей и впоследствии приступить к стилистическому их описанию и анализу, привлечи все имеющиеся в литературе сведения об экономическом, социальном и политическом состоянии Лорийского края в эпоху процветания Саманиского, Ахматского и пр. монастырей; если удастся вскрыть связь между единственными в своем роде архитектурными формами этих архитектурных ансамблей с столь же единственными в своем роде материально-битовыми условиями, проблема социологии архитектурного стиля будет приближена к своему разрешению.

Относительно дальнейшей работы над этими двумя темами я вступил в переписку с В.М.Беридзе /ИИПрос Грузии/, с А.А.Калантаром /ИИПрос Армении/ и с Д.П.Гордеевым, д.членом КИАИ. На основании предварительных личных бесед с этими лицами я имею основания думать, что официальных препятствий не встретится, тем более, что материальная поддержка со стороны ИИПросов Грузии и Армении необходима в весьма скромных размерах, а на самый конец я надеюсь обойтись и без всякой поддержки денежной, удовольствовавшись поддержкой моральной и бумагной.

Рис. 2. Отчет Ф. И. Шмита о командировке в Закавказье (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 20. Л. 1)

Fig. 2. F. I. Schmidt's report of his study trip to the Trans-Caucasus (Russian State Archive of Literature and Art. F. 389. Inv. 1. File 20. L. 1)

осмотреть сокровища университетского музея». 13 августа Ф. И. Шмит осуществил переход в Кутаис, где благодаря содействию В. М. Беридзе³⁷ и Т. М. Джапаридзе³⁸ «...день прошел в Гелати и предварительно изучена хотя и зареставрированная, но неизданная апсидальная мозаика...». Исследователь также ознакомился с окладом Хахульской иконы.

³⁷ Вукол Михайлович Беридзе (1883–1963) — лингвист, профессор Тбилисского университета.

³⁸ Трифон Михайлович Джапаридзе (1876–1937) — грузинский общественный деятель, публицист, первый директор Кутаисского исторического музея.

17 августа Ф. И. Шмит выехал в Ахалцихе, 18-го был в Сафаре, 19-го — в Зарзме. Продолжение командировки ученого было связано с посещением Еревана, где под руководством С. Д. Лисициана он ознакомился с памятниками города и музеем. А. А. Калантар³⁹ поделился с Ф. И. Шмитом подробностями работы местного ведомства охраны памятников старины и искусства. Из Еревана были предприняты экскурсии в Эчмиадзин (24 августа), Пдхни (25-го) и Севанг (26-го и 27-го). На обратном пути в Тифлис Ф. И. Шмит сделал остановку на станции Алаверди с целью посещения Синани и Ахпат (29 августа). Наконец, 31 августа по Военно-Грузинской дороге ученый выехал из Тифлиса во Владикавказ. По отчету поездка преследовала две цели: 1) максимально уточнить термин «византийское искусство»; 2) получить новый материал для изысканий в области «социологии архитектурной формы». Результаты, по мнению Ф. И. Шмита, позволили бы начать разработку следующих тем: «Гелатская апсидальная мозаика» и «Лорийские архитектурные ансамбли». Относительно последней ученый подчеркивал, что такая работа уже начата в КИАИ, но, безусловно, требует продолжения (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 20. Л. 1).

В «Сообщении о работе Комиссии кавказоведения при ВУАК за 1929 год» Д. П. Гордеев дополнил сведения об изысканиях, проделанных на Кавказе в 1929 г. В частности, он отметил, что под руководством Ф. И. Шмита состоялась экспедиция в Грузию (район Ахалцихе и Кутаиси) и Армению (Ереванский и Лорийский районы). В исследованиях приняли участие О. А. Берладина, Т. И. Ивановская и Е. А. Никольская. Главной целью предприятия обозначалось выявление и изучение памятников архитектуры и живописи. В «Сообщении...» упоминается и другая экспедиция в таком же составе, но неясно, был ли ее руководителем Ф. И. Шмит. Ее целью стало обследование Эчмиадзина, а именно «исследование памятников праисторического искусства, миниатюрной живописи и декоративной вышивки, которые хранятся в Эчмиадзинской библиотеке и музее». Наконец, под руководством Д. П. Гордеева и совместно с сотрудниками КИАИ с целью изучения старогрузинской живописи были предприняты экспедиции в Кинцвиси и Тимотесубани, а также для обследования образцов монументальной архитектуры — в Делижанский район (Гордеев 1930).

Информация в «Отчете о командировке...» и в «Сообщении о работах...», по-видимому, отражает последовательное развитие событий. Инициатива организации исследований в Закавказье принадлежала Ф. И. Шмиту, который для решения подготовительных вопросов предпринял командировку в Грузию и Армению летом 1929 г. Не приходится сомневаться, что отчет готовился им для представления в Государственную академию материальной культуры (ГАИМК). Об этом, в частности, свидетельствует подпись М. А. Тихановой, исполнявшей до 1930 г. обязанности секретаря разряда средневековых культур Европы и Передней Азии, и послевоенная отметка о хранении в архиве: «Л.О. И-та Археологии». Документ отражает предварительные результаты подготовки полевых исследований. О реальных итогах и масштабах исследовательской кампании, которая состоялась при участии Ф. И. Шмита предположительно осенью 1929 г., кратко сообщает Д. П. Гордеев. Вместе с тем приходится констатировать, что полный отчет и материалы этих изысканий, если такие в принципе подготавливались, пока не выявлены.

* * *

Замыслы исследований в Закавказье не получили продолжения в силу ряда весомых причин. Научному сотрудничеству харьковских кавказоведов, КИАИ и Ф. И. Шмита помешала занятость последнего в связи с тем, что осенью 1929 г. ученый возглавил разряд средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК. В рамках работы в Академии Ф. И. Шмит переключился на археологические исследования в Крыму (Горончаровский 2022: 528). Известие о перемене планов было встречено в Харькове с большим неодобрением: «Письмо Ваше от 24. II с. г. [1930. — Н. Ч.] получил и вчера давал читать Ел. Алекс. [Никольской] и др. шмитованам. Собираются писать Вам поношение за измену — Лори

³⁹ Ашхарбек Андреевич Калантар (1884–1942) — историк, арменовед, археолог.

Рис. 3. Д. П. Гордеев (БАМЛАГ, 1930-е гг.)
(ЦГАМЛИУ. Ф. 208. Оп. 2. Д. 270. Л. 1)

Fig. 3. D. P. Gordeev (Baikal Amur Corrective Labor Camp, 1930s) (Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine. F. 208. Inv. 2. File 270. L. 1)

ствоведения, а также члена Президиума УНИИИМК (Там же: 72). Думается, перегруженность Д. П. Гордеева административными обязанностями едва ли оставляла много сил для новых экспедиций на Кавказ. Но уже в октябре 1933 г. Д. П. Гордеев был арестован (рис. 3), а в ноябре такая же участь постигла Ф. И. Шмита. Первый спустя три года пребывания в БАМЛАГ⁴³ вновь увидел свободу, впрочем, на его исследовательской карьере был поставлен крест, а имя надолго перестало быть упоминаемым. Еще трагичнее сложилась судьба Ф. И. Шмита: он был расстрелян в конце 1937 г. Вместе с судьбами талантливых ученых оказался предан забвению яркий опыт довоенного изучения средневековых древностей Кавказа.

на Крым! Все соответственные обстоятельства там Вам, очевидно, будут изложены до- сконечно. Но и со своей стороны должен заметить, что в план работ новооткрытого здесь востоковедного Ин-та мы включили Лорийскую экспедицию с Вашим участием и вымогаем на нее 1000 руб. — и вот, если на сие мы деньги получим, то постановлено здешним женоскопом, что Вы уж там как себе хотите, а в Лори должны будете ехать, раз деньги полу- чите, а Крым или там что иное, это частные Ваши дела сверх Лори. Предупреждаю заранее, а то изрекут на Вас проклятия и зароки поху- же, чем в [...]⁴⁰ Старых⁴¹ рукописях. Что там 318 никейских отцев⁴²? Или участь Эздры!» (ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 17).

Коллектив харьковских кавказоведов, включавший многих опытных специалистов, составил основу для создания в Харькове в 1930 г. Научно-исследовательского ин- ститута востоковедения (Бонь 2016: 71). Организационные преобразования затронули и структуру ВУАН, в которой в 1931 г. начал работу Украинский научно-исследователь- ский институт истории материальной культуры (УНИИИМК). Если в первом учреждении Д. П. Гордеев значился научным сотрудником, то во втором исполнял обязанности замести- теля директора и руководителя секции иску-

Источники и литература

ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства). Ф. 389. Оп. 1. Д. 20: Отчет Ф. И. Шмита о командировке в Закавказье в VIII 1929 г. 1 л.; Д. 98: Письма Гордеева Д. П., ис-кусствоведа (Харьков), Шмиту Ф. И. 18 л.; Д. 160: Фотографии Ф. И. Шмита. 10 л.

ЦГАМЛИУ (Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины). Ф. 208. Оп. 2. Д. 270: Індивідуальні фотографії Д. П. Гордеєва. 3 л.

⁴⁰ Написано неразборчиво.

⁴¹ В оригинале написано с заглавной буквы.

⁴² Так в оригинале.

⁴³ Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь.

- СПбФ АРАН (С.-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 800. Оп. 3. Д. 258: Дмитрий Петрович Гордеев. Письма к Н. Я. Марру. 26 л.; Д. 1079: Федор Иванович Шмит. Письма Н. Я. Марру. 10 л.
- Ананьев, Бухарин 2021 — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* О выдвижении Ф. И. Шмита в действительные члены Академии наук СССР // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 819–837.
- Афанасьев 1992 — *Афанасьев В. А. Ф. И. Шмит*. Киев: Наукова думка, 1992. 216 с.
- Башкиров 1926 — *Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.* // Известия Абхазского научного общества. Сухум: б. и., 1926. Вып. 4. С. 21–81.
- Бонь 2009 — *Бонь О. І. Д. П. Гордеев та діяльність харківської секції науково-дослідної кафедри мистецтво-знавства ВУАН* // Література та культура Полісся. 2009. Вип. 49. С. 138–145.
- Бонь 2016 — *Бонь О. І. Дмитро Гордеев та діяльність харківських мистецтвознавців у 1920–1930-х роках* // Щербак В. (ред.). Київські історичні студії: наук. журнал. № 1. Київ: КНУ ім. Б. Грінченка, 2016. С. 70–78.
- Вздорнов 2010 — *Вздорнов Г. И. Византиноведение на службе самодержавия: Н. П. Кондаков* // Искусствознание. 2010. № 3–4. С. 556–595.
- Гордеев 1927 — *Гордеев Д. П. Матеріали до художнього літопису міста Харкова* // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ятдесятих роковин наукової діяльності. Київ: З друкарні Української Академії наук, 1927. С. 386–398.
- Гордеев 1930 — *Гордеев Д. П. Звідомлення про працю Комісії Кавказознавства при ВУАКу за 1929 рік* // Козловска В. (ред.). Хроніка археології та мистецтва. Ч. 2. Київ: б. в., 1930. С. 90–91.
- Горончаровский 2022 — *Горончаровский В. А. Фёдор Иванович Шмит (1877–1937)* // Горончаровский В. А. (науч. ред.-сост.). Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 514–536.
- Иваненко 2011 — *Иваненко С. О. Життєвий шлях мистецтвознавця Дмитра Петровича Гордеєва (спроба реконструкції)* // Палкін Ю. І. (гол. ред.). Культурна спадщина Слобожанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток : Зб. наук.-поп. ст. Харків: Курсор, 2011. Вип. 24. С. 23–32.
- Методические... 2022 — Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Росархив, Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела. М.: ВНИИДАД, 2022. 314 с.
- Павлинов 2018 — *Павлинов П. С. Е. Е. Лансере на Кавказе: опыт реконструкции жизни и творчества*: Дис. ... канд. искусств. М.: Гос. ин-т искусствознания Министерства культуры РФ, 2018. 378 с.
- Сыченкова 2012 — *Сыченкова Л. А. Историографический образ Федора Шмита* // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154, № 3. С. 199–208.
- Тайкашвили 1927 — *Тайкашвили Э. С. Церкви и церковные древности Мегрелии* // Известия Кавказского историко-археологического института. 1927. Т. 2. С. 69–85.
- Филиппенко 2017 — *Филиппенко Р. И. Харьковская школа истории искусства: Ф. И. Шмит* // Палкін Ю. І. (гол. ред.). Культурна спадщина Слобожанщини: Зб. наук. ст. Число 35. Харків: Курсор, 2017. С. 5–18.
- Циганкова 2006а — *Циганкова Е. Г. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства (початок) (1926–1930)* // Східний світ. 2006. № 1. С. 5–20.
- Циганкова 2006б — *Циганкова Е. Г. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства (закінчення) (1926–1930)* // Східний світ. 2006. № 2. С. 11–23.
- Чистотинова 1994 — *Чистотинова С. Л. Федор Иванович Шмит*. М.: Дело, 1994. 208 с.
- Шмит П. 1976 — *Шмит П. Ф. Список печатных работ Ф. И. Шмита* // Византийский Временник. 1976. № 37 (61). С. 297–300.
- Шмит 1929 — *Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции*. Л.: Academia, 1929. 245 с.
- Шмит 1933 — *Шмит Ф. И. Отчет о командировке 1932 г. в Херсонес* // Марр Н. Я. (ред.). Проблемы истории материальной культуры. № 7–8. Л., 1933. С. 56–60.

**“THEY ARE GOING TO CHARGE YOU WITH BETRAYAL — LORI FOR CRIMEA!”:
PLANS AND REALITY OF F. I. SCHMIDT EXPEDITION
TO THE TRANS-CAUCASUS**

N. N. Chemodurov

Keywords: *Trans-Caucasus, F. I. Schmidt, D. P. Gordeev, Caucasian Historical-Archaeological Institute, All-Ukrainian Academy of Sciences, Byzantium, Old Russian art*

In 1929 F. I. Schmidt initiated an expedition to the East Black Sea region with the purpose of studying medieval art monuments. He got help from his pupils D. P. Gordeev, E. A. Nikolskaya, O. A. Berladina, and T. I. Ivanovskaya, who were affiliated with the Center for Caucasian studies in Kharkov. D. P. Gordeev was in addition a full member of the Caucasian Historical-Archaeological Institute. His letters to F. I. Schmidt and N. Ya. Marr contain interesting details regarding organizational conditions of fieldwork in the Caucasus in 1929. There are also some other hitherto unpublished archive documents that allow reconstructing the history of realization of F. I. Schmidt's project.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
АО — Археологические открытия
ГАН — Государственные академии наук
ГИАМЗ — Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУ — Государственный университет
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА — Научный архив
НОА — Научно-отраслевой архив
РА/СА — Российская/Советская археология
РАН — Российская академия наук
РО — Рукописный отдел
Сб. ст. — сборник статей
СО — Сибирское отделение
СТАЭ — Саяно-Тувинская археологическая экспедиция
СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук
ТАЭ — Тувинская археологическая экспедиция
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
IHMC — Institute for the History of Material Culture
MD — Manuscript department
RAS — Russian Academy of Sciences
SA — Scientific archive

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 33**

Главный редактор: В. А. Лапшин

Корректор: О. К. Чеботарева

Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН

Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,

Дворцовая наб., 18, литер А, каб. 311

Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271

<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-83463 от 24.06.2022,

выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 30.11.2025. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 60 экз. Заказ 000.

Дата выхода из печати 00.00.2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Тел. +7 (981) 699-6595

E-mail: 9450922@gmail.com

Цена свободная

